
Уильям

КОТЦВИНКЛ

Ип, инопланетянин
и его приключения
на Земле

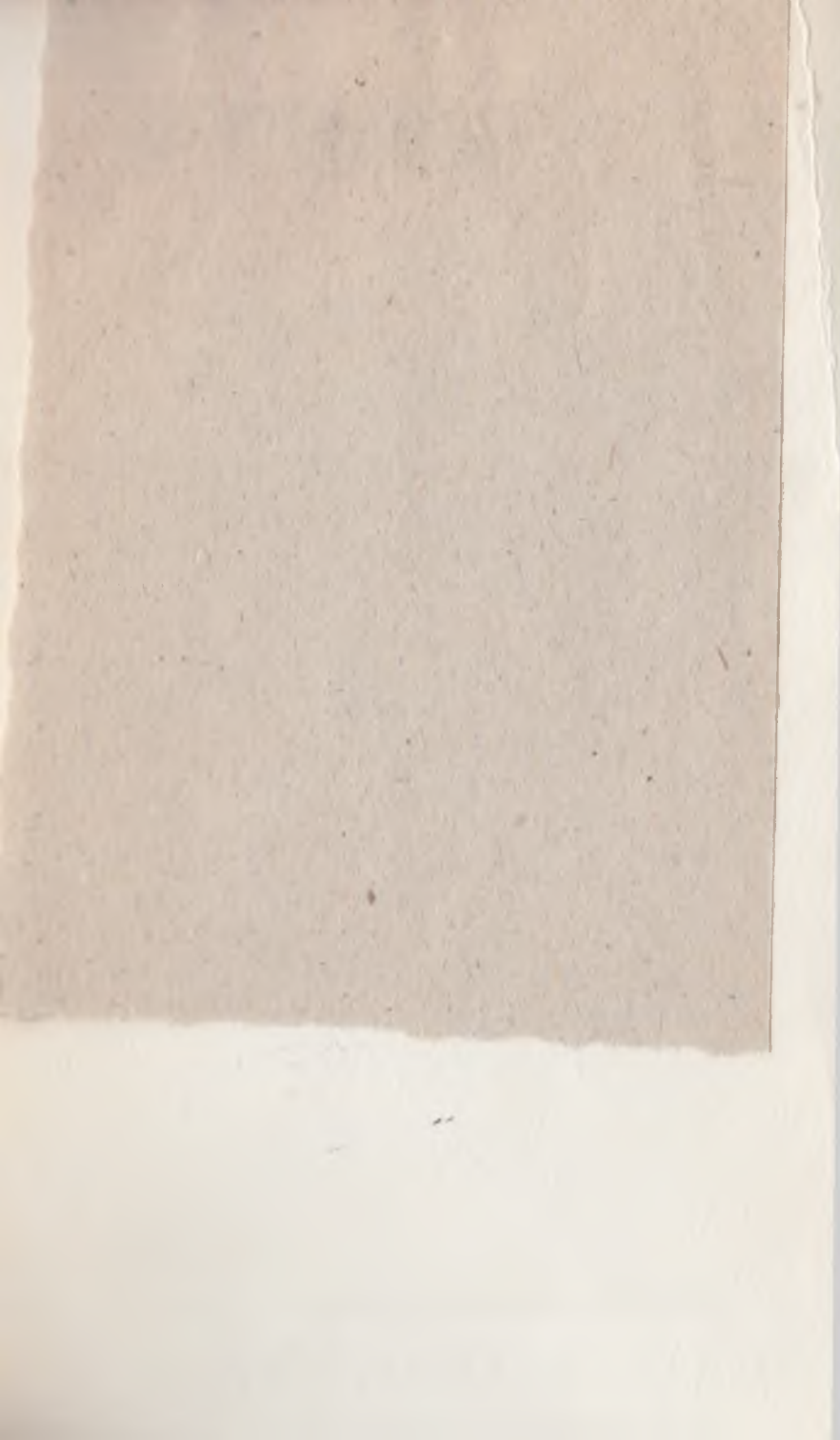

Научно-фантастическая
повесть

Издательство «Мир»

**Ип, инопланетянин
и его приключения на Земле**

509

William Kotzwinkl

E. T.

THE EXTRA-TERRESTRIAL
IN HIS ADVENTURE ON EARTH

Based on a screenplay by
Melissa Mathison

BERKLEY BOOKS, NEW YORK
1982

0.0.

Уильям Котцвинкл

Ип, инопланетянин и его приключения на Земле

Научно-фантастическая повесть
по сценарию
Мелиссы Мэтисон

Перевод с английского
А. Санина и Ю. Смирнова

Москва «Мир» 1991

ББК 84.7 США

Котцвинкл У.

К73 Ип, инопланетянин и его приключения на Земле: Науч.-фантаст. повесть по сценарию М. Мэтисон/Пер. с англ. А. Санина и Ю. Смирнова. — М.: Мир, 1991. — 128 с.

ISBN 5-03-001980-4

Научно-фантастическая повесть американского писателя У. Котцвинкла, написанная по сценарию Мелиссы Мэтисон и посвященная теме контактов и человеческого участия.

К $\frac{4701000000-212}{041(01)-91}$ Без объявл.

ББК 84.7 США

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

ISBN 5-03-001980-4

© 1982 by MCA Publishing Rights a Division of MCA Inc.
© перевод на русский язык, «Мир», 1986

Литературно-художественное издание

Уильям Котцвинкл

ИП, ИНОПЛАНЕТЯНИН И ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ЗЕМЛЕ

Заведующий редакцией А. А. Кирюшкин. Ведущий редактор А. Г. Белевцева.

Редактор И. Б. Ильченко. Художник Н. Е. Анисимова.

Художественный редактор Н. М. Иванов. Технический редактор Л. П. Бирюкова.

ИБ № 7571

Сдано в набор 6.09.90. Подписано к печати 11.04.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 2.

Печать офсетная. Гарнитура литературная. Объем 4 бум. л. Усл. печ. л. 8.

Усл. кр.-отт. 8,27. Уч.-изд. л. 8,73. Изд. № 9/7630. Тираж 200 000 экз. Зак. 924. Цена 5 руб.

Издательство «Мир» В/О ~~_____~~ Государственного комитета ~~_____~~ по печати
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2
совместно с издательством «Прейскурантиздат» Государственного комитета ~~_____~~ по ценам
125438, Москва, Пагаузное шоссе, 1

Отпечатано в московской типографии № 7 «Искра революции»,
121019, ~~_____~~, Г-19, пер. Аксакова, 13.

Космический корабль плавно парил над землей, заякоренный пучком голубовато-красного света. Окажись кто-то на месте посадки, ему на мгновение могло показаться, будто с ночного неба скатилось огромное украшение для рождественской елки — корабль был круглый, блестящий, украшенный изящным готическим узором.

Его мягкое сияние и словно припорошенный алмазной пылью корпус невольно заставляли искать причудливо изогнутый крючок, на котором эта игрушка висела в отдаленной галактике. Но любоваться этим зрелищем было некому — место посадки было тщательно рассчитано, а управляющий кораблем разум исключал навигационные ошибки. И все же одна ошибка должна была произойти...

Крышка люка открылась, члены экипажа выбрались наружу и с помощью странных инструментов стали ковыряться в почве — казалось, старички-эльфы колдуют над туманными садами в лунном свете. Когда мгла отступала, в нежно-голубом сиянии корабля становилось видно, что это вовсе не эльфы, а существа с научными склонностями — они собирали образцы цветов, мха, кустарника и молодой поросли. И все же при виде нелепой формы голов, висящих плетью рук и пухлых, словно опиленных по краям туловищ невольно вспоминалась сказочная страна эльфов; случись кто-нибудь рядом, это впечатление усилилось бы от их ласкового обращения с растениями; но вокруг не было ни души, и космические малютки-ботаники работали, не опасаясь, что их потревожат.

Но стоило только промелькнуть с писком летучей мыши, заухать сове или в отдалении залаять собаке, они испуганно вздрагивали. Дыхание их тут же учащалось, и струйки тумана сочились из кончиков их длинных пальцев рук и ног, окутывая малюток плотной дымкой, так что одинокий путник миновал бы освещенное лунным светом туманное облачко, не заподозрив, что в нем затаился представитель вечной Вселенной.

Укрыть корабль было не так просто. Огромные украшения с рождественских елок не каждый день падают с неба. Нюх военных, радары и другие сканирующие устройства незамедлительно выявляют их присутствие, и гигантский елочный шар не был исключением. Никакой маскировочный туман не скрыл бы его от посторонних глаз ни на земле, ни на раскачивающейся ветке ночи. Найти его — лишь вопрос времени. И вот уже мчатся особые машины, и федеральные специалисты, отрабатывая ночные часы, трясутся по проселочным дорогам, переговариваясь по радио, и сжимают кольцо вокруг огромного украшения.

Но крошки-ботаники не выглядели обеспокоенными, во всяком случае пока. Они знали, что время еще есть; им было известно, вплоть до мельчайших долей мгновения, когда в ушах послышится

скрежет и рев самодвижущихся аппаратов землян. Пришельцы из космоса наведывались сюда не впервые, ведь Земля большая, растений на ней великое множество, и надо хорошо потрудиться, чтобы собрать полную коллекцию.

Они собирали и собирали образцы и относили драгоценные экспонаты Земли на корабль, каждый в своем туманном облачке.

Поднявшись по трапу, они исчезали в матово сияющем чреве сказочной игрушки. Свободно двигаясь по пульсирующим коридорам, порождениям немыслимой технологии, они попадали в чудо из чудес: в гигантский храм земной растительности. Огромная оранжерея была сердцем корабля, его смыслом и предназначением. Здесь были цветки лотоса из лагун Индии, папоротники из африканских дебрей, крошечные ягоды с Тибета, кусты ежевики с американских проселков. Здесь были собраны по экземпляру все земные растения или почти все — ибо работу еще предстояло завершить.

Все цело. Попади в оранжерею эксперт из крупнейшего ботанического сада Земли, он встретил бы здесь растения, никогда не виданные им прежде, если не считать их отпечатков в угольном пласте. У него глаза полезли бы на лоб при виде живых растений, которыми в доисторические времена лакомились динозавры. Бедняга лишился бы чувств, но его мигом привели бы в себя травами из висячих садов Семирамиды.

С купола сочилась питательная влага, поддерживающая жизнь бесчисленных видов, украшавших оранжерею, самую полную коллекцию земной растительности, столь же древнюю, как и сновавшие туда и обратно малютки-ботаники; морщинки в уголках их глаз, казалось, окаменели за бессчетные века работы.

Один из них вошел в оранжерею, держа в руках растение, листья которого уже поникли. Он опустил его в бассейн, и под воздействием чудотворной жидкости растение тут же распрямилось, листья ожили и корни радостно зашевелились. В тот же миг сверху из круглого отверстия заструился матовый свет, омытое им растение уютно устроилось по соседству с изящным цветком давно минувших времен.

Подождав немного и убедившись, что все в порядке, инопланетный ботаник повернул к выходу. Он миновал цветущую сакуру, лианы с берегов Амазонки, на мгновение остановившись перед приветливо качнувшимся навстречу листом обыкновенного хрена. Погладив растение, он покинул храм и, пройдя пульсирующий коридор, спустился из светящегося люка.

Очувтившись на ночном воздухе, он окутал себя облачком-дымкой и отправился продолжать поиски. По дороге он повстречал коллегу, который бережно нес корешок пятнистого веха. Они не встретились взглядами, но что-то запылало у них в груди, словно

багряный огонь осветил изнутри тонкую, прозрачную кожу там, где находилось сердце. А через несколько шагов, когда малютка-ботаник миновал своего товарища с корешком и ступил на каменный склон, его сердце-фонарик погасло. Окутанный дымкой, он пересек заросли высокой травы, скрывшей его с головой, и очутился на краю роши вечнозеленой секвойи. Стоя под исполинскими деревьями, рядом с которыми казался муравьем, он повернулся к кораблю, обожаемой старинной игрушке, в которой ему довелось путешествовать столько веков. На трапе и поблизости от него, словно светлячки, мерцали сердца-фонарики его товарищей. Убедившись, что убежище близко, и зная, что еще есть время, прежде чем нагрянет опасность, он углубился в полную ароматов рошу.

Вокруг пели козодои, стрекотали невидимые насекомые, а маленький ботаник пробирался во мраке, похожий на лешего, сходство с которым добавлял вытянутый книзу, волочащийся по лесной подстилке живот; вообще-то он был очень удобен — придавал устойчивость благодаря низкому центру тяжести. Из-под бутылкообразного живота торчали, будто росли прямо из него, крупные перепончатые лапы, а по бокам свисали длинные, как у орангутана, руки. Словом, с такой наружностью инопланетянин не мог рассчитывать на любовь землян с первого взгляда. Робость сознававших это малютки-ботаника и его коллег так и не позволила им за миллионы лет попытаться вступить в контакт с какими-либо представителями Земли, кроме растений. Возможно, кто-то счел бы это ошибкой, но инопланетяне достаточно долго наблюдали за землянами, чтобы понять, что чудесный корабль для них — прежде всего мишень, а сами они — мечта таксидермиста, набивающего чучела для витрин.

Поэтому инопланетянин передвигался по лесу медленно, настороженно осматриваясь выпученными, как у гигантской скачущей лягушки, глазами. Он знал, каковы шансы у такой лягушки выжить на городской улице. И можно ли помышлять о том, чтобы передать свой опыт и знания землянам, появившись на заседании какой-то их всепланетной организации, когда твой нос похож на сплюснутую брюссельскую капусту, а сам ты напоминаешь раздувшуюся опунцию.

Он крэдучись ковылял вперед, касаясь пальцами листвы. Пусть другие выходцы из космоса, более близкие к гуманоидам, наставляют их. Его же интересовал только торчащий невдалеке крохотный росток секвойи, который он уже давно заприметил.

Остановившись у цели, он внимательно осмотрел побег и принялся выкапывать его, бормоча на непонятном языке таинственные, неземные слова; впрочем, растеньице, казалось, понимало их и, безболезненно перенеся тяжелую операцию, уже расслабленно лежало на крупной, изрезанной морщинами ладони.

Инопланетянин обернулся, разглядывая слабый дразнящий свет небольшого городка, раскинувшегося в долине за деревьями;

метами. При вспышке света старый ботаник разглядел, что это связка зубов с неровными краями — не иначе военные трофеи, вырванные из пасти какого-то космического бедолаги и нанизанные на кольцо, подвешенное к поясу.

«Пора, пора, пора», — призывал корабль, подгоняя замешкавшихся членов экипажа.

Малютка-ботаник нырнул под пульсирующими огнями к краю просеки.

Механические колесницы землян расползлись в стороны, их водители разбежались. Укрывшись защитной дымкой, инопланетянин стал пробираться через освещенную луной просеку, над которой повис отвратительный запах выхлопных газов; впрочем, ядовитые клубы усилили его маскировку и, благополучно перебравшись на другую сторону, он скатился в неглубокую ложбинку.

Словно почувствовав этот маневр, холодные огни метнулись в его направлении. Он вжался плотнее в песок и камни, когда земляне стали перепрыгивать через ложбинку. Взор огромных круглых глаз устремился кверху, и он увидел свирепо ощеренную пасть звякающей связки, обладатель которой перемахнул через него.

Инопланетянин еще глубже забился в камни — маленькое облачко, неотличимое от клочков тумана, окутывавших по ночам впадины и ложбины, где скапливается сырость. Да, земляне, я всего лишь облачко тумана, самое обычное и непримечательное, не шарьте по нему своими лучами, ведь в нем прячутся длинная-предлинная тонкая шея и две перепончатые лапы с пальцами, вытянутыми и веретенообразными, как корни булавовидного плауна. Вы же не поймете, что я высадился на эту планету, желая спасти вашу растительность, прежде чем вы ее окончательно погубите.

Остальные преследователи тоже перескочили через него, возбужденные и вооруженные, захваченные азартом погоны.

Когда скрылся из виду последний из них, крошка-ботаник выкарабкался наверх и углубился в лес вслед за землянами. Его единственным преимуществом было то, что он хорошо знал этот чудесный уголок, где он собирал растения. Быстро вращая глазами, он обнаружил следы, едва заметные в темноте среди спутанных ветвей, следы, оставленные им и его товарищами, когда они переносили выкопанные ростки.

Жесткий безжалостный свет кинжалом рассек мглу сразу в нескольких местах. Земляне были сбиты с толку, а он уверенно продвигался к кораблю.

По мере приближения к нему сердце-фонарик разгоралось все ярче, усиливаемое энергетическим полем товарищей; сердца его спутников, как и накопленные за сто миллионов лет растения, звали его и предупреждали: «Опасность, опасность, опасность...»

Он пробрался между шарящими полосами света, держась единственной в лесу тропинки, нащупывая каждый след длинными пальцами-корнями, словно тончайшими сенсорами. Каждое сплетение листьев, каждая паутинка были ему знакомы. Они нежно нашептывали, подгоняя его: «Сюда, сюда...»

Он следовал по тропинке, задевая пальцами траву, волоча неуклюжие ноги и прислушиваясь к лесным сигналам, а сердце-фонарик полыхало, торопясь слиться с другими сердцами в корабле, зависшем над лесной прогалиной.

Холодный свет остался позади, лучи запутались в зарослях, расступавшихся перед малюткой-ботаником и преградивших путь его преследователям. Ветви сплетались, образуя непроходимую чашу; о внезапно вылезший корень споткнулся и упал землянин с бряцающими на кольце зубами, другой корень зацепил за ногу его помощника, который грохнулся навзничь, ругаясь на чем свет стоит, в то время как растения призывали: «Беги, беги, беги...»

Инопланетянин спешил через рощу к прогалине.

Огромная игрушка, гордость Галактики, ждала его. Он ковылял к ее прозрачному, прекрасному свету, словно сотканному из десяти миллионов огней. Удивительная сила уже концентрировалась, испуская мощные волны сияния, озарявшего все далеко вокруг. Инопланетянин продирался сквозь высокую траву, стараясь, чтобы его заметили с корабля, увидели сигнал сердца-фонарика, но длинные, нелепые пальцы запутались в сорняках, которые не выпускали их.

«Останься, — говорили сорняки, — останься с нами...»

Рывком он высвободился и бросился вперед, к границе ореола корабля на краю поляны. Светящаяся игрушка возвышалась среди окружавших его стеблей, заливая всю поляну радужным сиянием. Он разглядел еще открытый люк, стоявшего в нем товарища, сердце-фонарик которого мигало, призывая его, разыскивая его...

— Я иду, иду...

Он в изнеможении продирался сквозь траву, но свисающий живот, вылепленный по законам иного тяготения, задерживал продвижение, и вдруг сознание его пронзила и захлестнула волна внезапного группового решения.

Люк захлопнулся, лепестки сложились внутрь.

Корабль взлетел в тот миг, когда маленький ботаник наконец вырвался из зарослей травы, размахивая руками с длинными пальцами. Но с корабля его уже не могли увидеть; корабль взмыл с огромным ускорением, а ослепительный свет поглотил все окрестные предметы. Поднявшись над верхушками деревьев, прекрасная рождественская игрушка исчезла, чтобы снова повиснуть на отдаленной ветке галактической елки-ночи.

Кактусоподобное существо осталось стоять среди травы, сердце-фонарик испуганно вспыхивало.

ник. Инопланетянин крадучись пробирался сквозь кусты, низко пригнув голову и прикрывая рукой сердце-фонарик. Сердце оживленно вспыхивало. Ему тоже досталось на орехи:

— Фонарик, — сурово закончил отповедь на своем языке инопланетянин, — тебе только на велосипеде место, и то сзади.

До странных сооружений землян было уже рукой подать. Они удерживались благодаря гравитации в отличие от милых его сердцу плавучих террасок.

Не стоило пускаться в воспоминания. Мысли о доме причиняли мучительную боль.

Стремление заглянуть в окна-огоньки становилось вконец неодолимым. Инопланетянин выбрался из кустов, преодолел песчаный откос и направился по извилистой дорожке к домам, нащупывая длинными пальцами лап следы причудливой формы.

Перед ним вырос забор, который предстояло преодолеть. Такие длинные пальцы на руках и ногах очень хороши, чтобы цепляться за...препятствия...

Инопланетянин, словно лиана, вполз на забор, но потерял равновесие и полетел спиной вниз, нелепо размахивая руками. Он шлепнулся по другую сторону забора, неуклюже разметав конечности, и покатился, словно тыква, по подстриженному газону.

«Что я здесь делаю? Совсем из ума выжил...»

Он сумел затормозить и замер как вкопанный. Дом высился устрашающе близко, огни и тени плясали перед глазами испуганного ученого. Зачем сердце-фонарик завлекло его сюда? Дома у землян такие нелепые, карикатурные...

Но что-то во дворе посылало ему слабые сигналы.

Он обернулся и увидел небольшой огород.

Листья и стебли смущенно подавали приветливые знаки; жалобно стелая, инопланетянин устремился к растениям и обнял артишок.

Спрятавшись на грядке, он провел совещание с овощами. Совет заглянуть в кухонное окно не пришелся ему по душе.

«Всеми своими злоключениями я обязан стремлению поглядеть в окна, — телепатически передал ботаник. — Недопустимо повторять подобное безрассудство».

Но артишок стоял на своем, тихо увещевая его, и старый путешественник уступил; вращая по сторонам глазами, он пополз к кухне.

Свет из оконного квадрата лился наружу — зловещий, как космическая черная дыра. Весь дрожа, инопланетянин бросился в этот ужасный водоворот на краю Вселенной. Задрав голову, он увидел флюгер, изображавший мышь и утку. Утка прогуливалась под зонтиком.

За столом посреди комнаты сидели пятеро землян, погружен-

ных в загадочный ритуал. Они что-то выкрикивали и передвигали по столу фигурки крохотных идолов. На сложенных листах бумаги виднелись таинственные письма, которые каждый из землян пытался скрыть от остальных.

Затем гремел и взлетал в воздух магический кубик, и все участники обряда внимательно следили за падением этого шестигранного объекта. При этом раздавались новые возгласы, земляне сверялись с табличками и передвигали идолов, все время переговариваясь на непонятном языке.

— Надеюсь, ты задохнешься в своей складной пещере.

— Послушай, вот еще: невменяемость, галлюцинаторный бред...

— Угу, читай дальше.

— При этом недуге больной видит, слышит и ощущает вещи, которых не существует.

Инопланетянин отпрянул от окна в темноту.

На редкость загадочная планета.

Допустят ли его к этому таинственному ритуалу, если он научится сам бросать шестигранный кубик?

Он уловил исходившие из дома вибрации невыносимой сложности, замысловатые сигналы и шифрованные послания. За десять миллионов лет он побывал в великом множестве мест, но никогда не сталкивался с такими трудностями, как здесь.

Ошеломленный, он пополз прочь, чтобы мозг смог передохнуть на овощной грядке. Ему и прежде случалось заглядывать в окна к землянам, но не столь близко, чтобы принять участие в причудливой работе их мысли.

— Но они только дети, — пояснил случившийся рядом огурец.

Древний ботаник тихо застонал. Если это сейчас были волны мышления детей, то каковы же они у взрослых? Какие непреодолимые сложности ожидают его там?

Обессиленный, он опустился рядом с кочаном капусты и понурил голову.

Все кончено. Пусть приходят утром и набивают из него чучело.

Мэри приняла душ, чтобы взбодриться. Обернув голову полотенцем, она ступила на остатки банного коврика, изжеванного псом Гарви.

Измочаленная бахрома путалась между пальцами, пока она вытиралась. Облачившись в халат из искусственного шелка, Мэри повернулась к зеркалу.

Какую новую морщинку, складочку или другой ужасный изъян обнаружит она на лице этим вечером в довершение депрессии?

На первый взгляд потери казались невелики. Но нельзя быть уверенной, невозможно предвосхитить ребячьи злодейства, которые могут разразиться в любой момент и ускорят ее моральный и физический распад. Наложив на лицо возмутительно дорогой увлажняющий крем, Мэри взмолилась о тишине и покое.

Покой в ту же секунду нарушил пес Гарви, который буквально надрывался от лая на заднем крыльце, куда был сослан.

— Гарви! — крикнула она из окна ванной. — Заткнись!

Дворняжка до смешного подозрительно реагировала на всякие передвижения во мраке; Мэри порой мерещилось из-за этого, что окрестности кишат сексуальными маньяками. Если бы Гарви лаял *только* на сексуальных маньяков, был бы толк. Но он облаивал фургончик, развозящий пицу, самолеты, невидимые искусственные спутники и, как ей казалось, явно страдал галлюцинационным бредом.

Не говоря уже о мании пожирания банных ковриков.

Мэри снова рывком распахнула окно.

— Гарви! Черт возьми, да замолчишь ты наконец?

Она с треском захлопнула окно и поспешно вышла из ванной.

То, что ожидало ее по другую сторону коридора, совсем не вдохновляло, но выхода не было.

Она открыла дверь в комнату Эллиота.

Та была завалена предметами любой степени негодности, вплоть до загнивания. Типичная комната мальчишки. Вот бы запихнуть ее в складную пещеру.

Мэри принялась за дело.

Разбирала, сбрасывала, расставляла по местам... Сняла с потолка космические корабли, закатила баскетбольный мяч в чулан. Предназначение украденных уличных указателей было ей непонятно. Иногда Мэри казалось, что у Эллиота не все дома. Легко объяснимо: безотцовщина, унылое детство не могли не наложить отпечаток на характер ребенка, да еще эта дикая склонность каждую свободную минуту шататься с Блуждающими Чудовищами. И вообще, он даже не положительный.

Возможно, это пройдет.

— Эллиот... — окликнула она маленького орка.

Ответа, естественно, не последовало.

— *Эллиот!* — завопила Мэри, повышая тем самым артериальное давление и углубляя морщинки вокруг рта.

Шаги Эллиота затопали по ступенькам, потом загромыхали в прихожей. Он ворвался в дверной проем и замер на месте во весь свой четырехфутовый рост, чем-то даже любимый и обожаемый, хотя сейчас Мэри так не казалось — с таким недоверием он смотрел на то, что случилось с его коллекцией хлама.

— Эллиот, ты видишь, на что теперь похожа твоя комната?

— Угу, я не смогу ничего найти.

— Никаких грязных тарелок, одежда убрана. Кровать застелена. Стол чистый...

- О'кей, о'кей.
- Так должна всегда выглядеть комната взрослого мужчины.
- Зачем?
- Чтобы мы не чувствовали, что живем в мусорной корзине.

По рукам?

- Ладно, по рукам.
- Это письмо от твоего отца? — Мэри указала на стол, на знакомый почерк на конверте, который так хорошо знала по бесчисленным кредитным счетам. — Что он пишет?

— Ничего.

— Понятно. — Она попыталась ненавязчиво сменить тему. — Ты не хочешь перекрасить комнату? А то здесь просто свиначник?

— Хочу.

— В какой цвет?

— В черный.

— Очень остроумно. Это здоровый признак.

— Я люблю черный. Это мой любимый цвет.

— Опять шуришься. Ты снимал очки?

— Нет.

— Мэри! — донесся снизу голос Властелина Преисподней. — Твоя любимая песня!

— Ты уверен? — она высунула голову за дверь.

— Твоя песня, мам, — сказал Эллиот. — Пойдем.

Из кухни и впрямь слышались звуки мелодии, исполняемой ансамблем «Персвейженс». Мэри начала спускаться по лестнице вслед за Эллиотом, стараясь ступать в такт ритмичной музыке.

— А отец не написал, когда собирается навестить вас?

— В День благодарения.

— Благодарения? Разве он не знает, что этот день я провожу с нами?

А в чем и когда он был последовательным? Разве что в последних строчках кредитных расписок, на которые извел бездну шариковых ручек. Приобретал запчасти для мотоцикла.

Представив, как он с ревом проносится где-то в лунном свете, Мэри вздохнула. Ладно...

В День благодарения она поужинает в кафе-автомате. Или закажет в китайском ресторанчике индейку, фаршированную гормонами для кожи.

Эллиот незаметно удрал, а Гарви начал лаять на приближающуюся машину.

Инопланетянин рыбкой нырнул и распластался между рядками овощей, пристроив несколько листьев над самыми выступающими участками тела.

— Не бойся, — сказал помидор. — Это всего лишь пиццеразвозчик.

Не зная, что такое пиццеразвозчик, инопланетянин счел за благо не высовываться из ботвы.

Фургон остановился перед домом. Дверь дома открылась, и наружу вышел землянин.

— Это Эллиот, — сказала зеленая фасоль. — Он здесь живет.

Инопланетянин осторожно приподнял голову. Землянин лишь на самую малость превосходил его ростом. У землянина были смехотворно длинные ноги и живот его не волочился по траве, в элегантной манере некоторых высокоорганизованных жизненных форм — вопреки ожиданию зрелище не было чересчур отталкивающее.

Мальчик пробежал по подъездной аллее и скрылся из вида.

— Обогни дом, — советовал помидор. — Сможешь рассмотреть его, когда он станет возвращаться.

— Но собака...

— Собаку привязали, — терпеливо пояснил помидор. — Она слопала ботинки Мэри.

Инопланетянин поспешно выбрался из грядки и повернул за угол. Но осветившие двор огни внезапно появившегося пиццеразвозчика ввергли его в замешательство; резко повернувшись, он прыгнул к забору и стал карабкаться наверх. Одним из длинных пальцев ноги он случайно надавил щеколду ворот и с ужасом осознал, что его уносит назад, во двор...

А землянин был близко и смотрел в его сторону.

Быстро прикрыв сердце-фонарик, инопланетянин спрыгнул со створки ворот и нырнул в сарайчик для инвентаря, где и затаился в испуге, окутавшись облачком.

Он оказался в западне, но в сарайчике лежали инструменты, цапка — подходящее оружие, чтобы постоять за себя. Она напоминала инструменты на корабле — садоводство везде садоводство. Инопланетянин крепко сжал рукоятку длинными пальцами и приготовился достойно встретить неприятеля. С загнанным в угол межгалактическим ботаником шутки плохи.

— Только не проткни ступню, — предупредил плющ.

Он поспешил взять себя в руки. Из сада послышался доступный только ему вскрик апельсинового деревца, с которого земной детеныш сорвал плод.

В следующее мгновение плод просвистел в воздухе, угодив прямо в грудь инопланетянина.

Маленький древний пришелец опрокинулся навзничь, плюхнувшись на широкий приплюснутый зад, а апельсин, отлетев, покотился по дощатому полу сарайчика.

Какое унижение для ботаника его ранга — пострадать от спелого цитруса!

Он в гневе схватил апельсин, взмахнул мощной длинной рукой и швырнул плод в темноту.

Землянин испустил крик и умчался прочь.

— Помогите! Мама! Помогите!

Мэри похолодела. Какой очередной сюрприз для преждевременного старения уготован ей?

— Там что-то прячется! — возбужденно вопил Эллиот, врываясь на кухню. Он поспешно захлопнул за собой дверь и запер ее.

У Мэри все внутри оборвалось. Она бросила взгляд на разложенных «Драконов и демонов», мечтая о складной пещере, достаточно вместительной, чтобы спрятаться там с детьми. Что ей теперь делать? Судом при разводе это не предусматривалось.

— Там, в сарайчике, — лепетал Эллиот. — Оно запузырило в меня апельсином.

— Уууууу, как страшно, — поддразнил Тайлер, Властелин Преисподней.

Мальчики оторвались от игры и направились к двери, но Мэри решительно загородила дорогу.

— Стойте. Ни с места.

— Это почему?

— Потому что я так сказала, — она расправила плечи, отважно встряхнула головой и схватила фонарик. Если там и в самом деле какой-нибудь сексуальный маньяк, она выйдет и как мать-куропатка попытается отвлечь его не себя.

В душе она надеялась, что это довольно симпатичный маньяк...

— Стой здесь, ма, — решительно велел Майкл, ее старший сын. — Мы все разведем.

— Что это за покровительственный тон, молодой человек?

Маленький Грег, из шайки, резавшейся в «Преисподнюю», схватил нож для разделки мяса.

— Положи на место! — грозно прикрикнула Мэри, присовокупив к словам испепеляющий взгляд Абсолютной Власти. Дети бочком протиснулись мимо нее, открыли дверь и гурьбой высыпали наружу.

Мэри выскочила следом, стараясь не отставать от Эллиота.

— Что ты видел?

— Оно там, — мальчик указал на сарай.

Мэри посветила внутрь фонариком — горшочки, удобрения, мотыги, совки...

— Там ничего нет.

— Ворота открыты! — послышался голос Майкла с другого конца лужайки.

— Смотрите, какие следы! — завопил Властелин Преисподней и со всех ног кинулся к забору.

Нескладная, мудреная речь звучала абракадаброй для древнего скитальца, затаившегося в укромном убежище на песчаном склоне, но зато он мог их как следует рассмотреть. Так, пятеро детей и...

Позвольте, а кто это экзотическое создание?

Сердце-фонарик запылало. Он поспешил прикрыть его рукой и проворно заковылял по направлению к дому, чтобы лучше рассмотреть высокое, стройное и гибкое как тростинка существо, сопровождавшее детей.

Увы, ее нос не походил на смятую брюссельскую капусту, да и фигуре было далеко до изящной формы мешка с картошкой, и все же...

Он подполз еще ближе.

— О'кей, нагулялись. Возвращайтесь домой. Грег, дай сюда нож.

Хотя пронзительно-рокошущие звуки языка казались ему полной тарабарщиной, ботаник догадался, что стройное существо — мать этих детей.

А где отец, огромный и могучий?

— Она его вышвырнула несколько лет назад, — пояснила зеленая фасоль.

— Вот и пицца, — обрадовался Грег, подняв что-то с земли. — Только Эллиот наступил на нее.

— Пицца? Кто вам разрешил заказывать пиццу? — Мэри поднялась на освещенное крыльцо, и инопланетянин воззрился на нее, на время позабыв о бегстве.

Мэри загнала шумный выводок в дом, довольная, что худшее миновало. Очередные бредовые фантазии Эллиота, от которых на лбу его матери добавилось несколько морщинок. Пока она подождет с подмешиванием в его пищу успокаивающих порошков. С возрастом он исправится.

— Мам, честное слово, там что-то было!

— Может, спринцовка, Эллиот? — поддразнил Тайлер.

— Эй! — невольно вырвалось у Мэри. — Никаких спринцовок в моем доме!

Дети стали слишком много знать. Они буквально обходят мать на каждом повороте. В лучшем случае она может рассчитывать на ничью, но и это становится все более недостижимым.

— Ладно, ребята, пора расходиться по домам.

— Но мы не съели пиццу.

— Она истоптана, — строго сказала Мэри, тщетно пытаясь добиться покоя, но дети, естественно, проигнорировали ее мольбы и принялись уплетать полураздавленную пиццу. Мэри устало потащила к лестнице, чувствуя себя так, словно по ней прошли сапогами. Ничего, она ляжет: положит на веки примочки из трав и займется подсчетом игуан.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, она обернулась.

— Прикончите пиццу и по домам!

Преисподняя отозвалась утробным ревом и громаханием. Как хорошо было, когда девятилетних детей загоняли работать на угольные шахты. Но эти золотые времена давно канули в Лету.

Спотыкаясь, она вползла в комнату и рухнула на кровать.

Еще один типичный вечер из жизни счастливой разведенной женщины.

Холодный пот, потрясения и Блуждающие Чудовища.

Мэри наложила на веки влажные тампоны и уставилась невидящим взором в потолок.

С потолка ее тоже, казалось, разглядывали.

Но Мэри знала, что это шутки ее измученного воображения.

«А если проклятый пес не перестанет лаять как ненормальный, я привяжу и оставлю его на шоссе».

Глубоко вдохнув, она принялась считать ящериц, которые пританцовывали вокруг и дружелюбно виляли хвостами.

В детской втихомолку продолжалась игра в «Драконов и демонов». Играли все, кроме Эллиота, который надулся и ушел в свою комнату. Он заснул, тревожимый странными видениями огромных, уносящихся вдаль переплетений, складывавшихся в бесчисленные коридоры, которые открывались в... космическое пространство. Он бежал по бесконечным коридорам, упирившимся в новые коридоры...

Не один Эллиот пребывал в таком состоянии. Гарви наконец исхитрился перегрызть поводок и дезертировал с заднего крыльца. Он прошмыгнул в комнату Эллиота и уселся, переминаясь с лапы на лапу. Эллиот спал. Гарви полюбовался его ботинками: съесть или не съесть? Пожалуй, не стоит, а то неприятностей не оберешься. Он явно был не в своей тарелке, нервничал и нуждался в положительных эмоциях.

Даже вечерний лай на луну не доставил радости. Во двор проникло нечто сверхъестественное, и шерсть Гарви встала дыбом, а из горла вырвалось сдавленное поскуливание, но он собрался с духом и залаял, как подобало приличной собаке. Что там затаилось? Гарви не понимал.

Чтобы отвлечься, он немного погонялся за хвостом и вознаградил себя, изловив нескольких блох. И вдруг снова раздался таинственный звук.

Эллиот тоже его услышал и приподнялся на постели.

Гарви зарычал, шерсть поднялась торчком, а глаза судорожно заметались в орбитах. «Надо срочно покусать кого-нибудь», — решил он и припустился вслед за Эллиотом из спальни, вниз по ступенькам, и из дома, на задний двор.

Престарелый пришелец из космоса, немного поспав на песчаном откосе, проснулся и вразвалку побрел назад к дому.

В окнах было темно. Он нащупал шеколду калитки, надавил ее пальцем ноги и вошел, как было принято у землян. Правда, бесформенная тень на залитом лунным светом газоне напомнила, что ему еще далеко до этих существ. По какому-то непонятному капризу эволюции животы землян не приобрели радующую глаз округлость, как у его живота, — такого основательного, приятно волочащегося по твердому грунту. Земляне походили на волокнистую фасоль — так натянута на каркас из костей и мышц, что того и гляди лопнут.

Он — другое дело. Весь из себя ладный, хорошо приспособленный, рассудительный...

Так, размышляя, он проковылял через двор, чтобы провести еще одно стратегическое совещание с растениями. Он и не заметил, как его большая ступня надавила на не приметные в темноте металлические зубья граблей, и длинная палка понеслась к нему с угрожающей скоростью.

От жестокого удара по голове он опрокинулся навзничь, испустив межгалактический вопль, и тут же, вскочив, бросился в заросли кукурузы. В следующее мгновение распахнулась задняя дверь и высочил землянин, в ногах которого путалась дрожащая собака.

Эллиот, размахивая фонариком, вихрем пронесся через двор к сарайчику и посветил внутрь.

Холодный свет вырвал из темноты инвентарь, и Гарви бросился в решительную атаку. Ему удалось разорвать мешок с торфом, что значительно прибавило псу настроения, но вся морда его была облеплена мхом. Отплевываясь и не зная, как избавиться от напасти, он ошарашенно заметался на месте, лязгая зубами на выступающие тени.

Инопланетянин лежал, скорчившись, на кукурузной грядке с зажатым в руке огурцом, готовый дорого отдать свою жизнь. Его била крупная дрожь, а зубы ходили ходуном от ужаса.

Вдруг стебли над его головой раздвинулись, и он увидел мальчика, который истошно завизжал и бросился ничком на землю.

Галактическое существо протиснулось сквозь заросли кукурузы и припустило к воротам, загребая неуклюжими лапами.

— Не уходи!

В голосе мальчика звучала нежность, как у юных ростков, и древний ботаник остановился и обернулся.

Их взгляды встретились.

Пес носился кругами и надрывался от лая. Из его пасти торчали клочья мха.

«Странная диета», — подумал преклонных лет космолог, однако не стал мешкать, чтобы в этом разобраться. Зубы Гарви сверкали в лунном свете, но Эллиот уже держал его за ошейник.

— Не уходи! — снова крикнул он.

Но древнее существо было уже за воротами и исчезло в ночи.

Проснувшись с примочками на глазах, Мэри почувствовала, что дом словно как-то перекошило. Она встала, облачилась в халат и вышла в темный коридор.

Из детской доносились голоса. Она порой задумывалась, во что дети там играли, ведь для игры были необходимы изображения полураздетых космических принцесс.

«Мои малютки», — вздохнула Мэри. Но приблизившись к детской, услышала голос Тайлера, а потом Стива и Грега — обитателей Преисподней, которым она приказала отправляться по домам. Как всегда, ее не послушались. Как всегда, они остались на всю ночь, а наутро появятся перед своими матерями с воспаленными глазами и загадочным видом.

Можно ли это выносить! Затянув потуже пояс халата, она приготовилась перейти в атаку, но увидела за полуоткрытой дверью вспыхивающий красный свет — самодельное лазерное устройство, мигающее в такт музыке.

«Эффект довольно успокаивающий», — признала Мэри.

— Смотри-ка, вот это титьки! А у этой еще больше...

Мэри без сил оперлась о стену. Как с ними бороться? Если она влетит, как сумасшедшая, и в их памяти запечатлется образ женщины-в-халате-визжащей-где-то-в-ночи, не повлияет ли это на их психику? Не разовьется ли у них какой-нибудь комплекс?

У нее же наверняка разболится голова.

Словно раненый верблюд, она ссутулилась и не успела вернуться в комнату, как Эллиот затопал по лестнице и ворвался в детскую.

— Ребята!

— Смотри на эту, видел что-нибудь подобное?

— Во дворе был настоящий монстр!

— Монстр? А у меня здесь шикарная марсианка в одних трусиках.

— Говорю же вам — там был гоблин! Ростом в три фута, с длиннющими руками. Он сидел в кукурузе.

— Закрой дверь, а то родительница проснется.

Дверь прикрыли. Родительница медленно побрела в комнату. Не дом стоял набекрень, а мозги Эллиота. Совсем спятил ребенок.

Или какой-то робкий маньяк избрал ее овощные грядки своим наблюдательным пунктом.

«Почему? — недоумевала она. — Почему все это обрушивается именно на меня?»

— Он был здесь, на этом самом месте...

Инопланетянин прислушивался к голосам землян, которые сновали взад-вперед на месте посадки. Ведя наблюдение из-за деревьев, он начинал догадываться, о чем они переговаривались:

здесь был диковинный аппарат, но его упустили. Чудесный корабль, невиданное диво, приземлился на этой поляне и улетел.

— ... и выскользнул прямо у меня из-под носа.

Их предводитель с бряцающей связкой зубов повернулся и указал в одну сторону, затем в другую. Остальные кивали с глупым видом. Тогда предводитель сел в машину и уехал. Все последовали за ним. Был уже день, и место посадки опустело.

Инопланетянин скорбно уставился на оставленные кораблем следы.

...Выскользнул из-под носа.

Он с трудом приподнял отяжелевшую руку. Силы иссякли, да и голод давал о себе знать. Живительных питательных таблеток, источников энергии, составлявших основной рацион для него и остальных членов экипажа, на Земле быть не могло. Он пожевал было несколько ягод дерена канадского, но нашел их несъедобными и выплюнул твердые косточки.

Вот уже десять миллионов лет, собирая образцы дикорастущей флоры, он не удосужился выяснить, какие из них можно употреблять в пищу, а начинать это теперь было поздно.

Кажется, все бы отдал за одну крошечную питательную таблетку с живительной энергией.

Он лежал, скорчившись, в кустарнике, обессиленный и подавленный, все тело зудело из-за опрометчиво попробованной церопегии щитовидной. Конец был близок.

Эллиот мчался на велосипеде по улице, направляясь к отдаленным холмам. Зачем, он не мог объяснить. Словно велосипед притягивало магнитом, захороненным в горах. Во всяком случае велосипед явно знал, куда ехать, и Эллиот отдался на его волю.

Мальчишка был из тех, кого обычно называют шельмой. Он жульничал при игре в «Парчизи». В его голосе внезапно, как джин из бутылки, появлялись и исчезали пронзительные, визгливые нотки, и что бы он ни говорил в классе или дома за обедом, все всегда казалось неуместным.

Он увиливал от всего, от чего только мог, зная, что Мэри или Майкл все сделают за него. Очки с толстыми линзами придавали ему сходство с лягушкой. Словом — прогрессирующий невротик и шельма впридачу.

Его жизненный путь вел в никуда, но если можно было бы указать точное место на карте человеческой судьбы, то Эллиота ожидали посредственность, скаредность и депрессия — он был из тех людей, которые бросаются под колеса поезда. Но сегодня жизненный путь Эллиота круто свернул — прямехонько в гору.

Велосипед доставил его на проложенную по склону холма противопожарную просеку. Здесь Эллиот спрыгнул и повел велосипед через низкий подлесок. Двухколесная машина, покорежен-

ная и заржавленная из-за бездушного отношения хозяина, бросившего ее где вздумается, сегодня казалась легче пушинки. Ему даже почудилось, что она сияла как новенькая, несмотря на слой ржавчины.

Велосипед уверенно вел Эллиота по извилистой тропинке через лес. Очутившись на прогалине, Эллиот уже нутром знал — здесь произошло что-то сверхъестественное. Казалось, все хранило память о пребывании грандиозного корабля. Щурясь за толстыми линзами на вмятины в травяном покрове, мальчик словно воочию разглядел его очертания.

Сердце громко стучало, и будь оно устроено так же, как у пришельца, его внутренний свет уже горел бы. Лоб мальчика пылал, словно подоженный заревом неземной энергии, ощущавшейся над поляной.

Затаившееся поблизости в кустах древнее космическое существо не шевелилось, чтобы не выдать своего присутствия — ведь где-то вокруг может рыскать эта скверная собака, не теряющая надежды цапнуть заслуженного ученого за лодыжку.

Нет, похоже, что мальчик пришел один. Все равно не стоит высовываться. В любой миг можно испустить дух и ни к чему демонстрировать это посторонним.

Мальчик же делал что-то непонятное. Достав из кармана пакетик, он извлек из него крошечный предмет, который положил на землю, отошел на несколько шагов, повторил странные манипуляции, опять отошел, и так еще раз и еще, пока не скрылся из виду за поворотом невидимой тропинки.

Старый звездопроходец, собрав остатки сил, стал выползать из убежища. Любопытство было худшей чертой его характера, пытаться изменить которую в его возрасте было уже поздно. Он на четвереньках выбрался на поляну посмотреть, что же оставил мальчик.

На траве лежала маленькая круглая таблетка, удивительно похожая на питательные таблетки из космического рациона. Старый ботаник поднял ее и положил на ладонь. На таблетке было отпечатано нечто, не поддающееся расшифровке: «ММ».

Он положил таблетку в рот и подождал, пока она растает. Восхитительно!

Потрясающее ощущение! Нигде в Галактике он не пробовал ничего подобного. Со всей скоростью, на какую был способен, он заковылял по оставленному следу, подбирая одну таблетку за другой, чувствуя, как восстанавливаются силы, а в сердце зарождается надежда. След привел его к уже знакомому дому.

Мэри подавала ужин. Она приготовила одно из своих фирменных блюд: консервированные макароны с сыром, приправленные проросшей пшеницей. Чтобы придать блюду окончательную утон-

ченность, она бросила туда щепотку орехов кешью.

— Ужинать, Эллиот.

Эллиот, как всегда, сгорбился над блюдом, словно собирался нырнуть в него с аквалангом:

«Я вырастила депрессивного ребенка».

Воображение Мэри перенесло ее в прошлое, когда Эллиот был совсем крошкой, а она и ее муж за ужином швыряли друг в друга чем попало. От стен отлетали жареные цыплята, с потолка сталактитами свисало картофельное пюре, и подливка капала прямо на неокрепшую еще головку Эллиота. Вряд ли это положительно отразилось на ребенке. Она попыталась оживить вечернюю трапезу веселой болтовней.

— Какие костюмы у нас будут на этот раз?

Вгоняющий ее в трепет праздник Хеллоуин* стремительно надвигался. Дом заполнят орды шумных детей, которые будут нестройно горланить, да еще и тарашиться на нее.

— Эллиот нарядится гоблином, — изрек Майкл.

— Иди к черту! — огрызнулся Эллиот.

— Молодой человек... — Мэри не нашла, что сказать, и растерянно постучала вилкой по стакану Эллиота, — ...ешьте макароны.

— Никто мне не верит, — уныло пожаловался Эллиот и с еще более мрачным видом уставился в тарелку.

Мэри ласково погладила его по руке.

— Дело не в том, что мы тебе не верим, малыш...

— Он взаправду был там, клянусь, — Эллиот посмотрел на мать полными мольбы глазами, неестественно увеличенными толстыми линзами.

Мэри повернулась к самому младшему чаду, пятилетней Герти, которая уже настаивала на отдельной квартире.

— Герти, душенька, а кем ты будешь на Хеллоуин?

— Бо Дерек**.

В измученном воображении Мэри тут же всплыл образ ее малышки-дочери, голышом разгуливающей под дождем по кварталу. Ковыряясь в макаронах, она попыталась подумать о чем-то другом, но тут Майкл опять пристал к Эллиоту.

— А может, — задумчиво протянул он покровительственным тоном, которым всегда обращался к младшему брату, — это была игуана?

Мэри мысленно простонала.

— Хоть бы моих игуан не трогали, — тихо сказала она орехам кешью.

---

*Хеллоуин — праздник, канун Дня всех святых, отмечается 31 октября и сопровождается колядованием ряженых.

**Бо Дерек — американская киноактриса, исполнительница роли возлюбленной Тарзана в известном кинофильме.

— Сам ты игуана! — огрызнулся Эллиот.

— А почему бы и нет? — стоял на своем Майкл. — Говорят, в канализационных трубах водятся аллигаторы.

«Аллигаторы — как раз то, чего мне недостает, — подумала Мэри. — Начну считать аллигаторов. Все-таки веселее».

Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором тут же возник клацающий зубами аллигатор. Великолепный экземпляр.

Она повернулась к Эллиоту.

— Эллиот, Майкл просто хочет сказать, что тебе это померещилось. Такое случается. Нам всем вечно что-нибудь кажется...

«Вот мне грезится, что на распродаже случайно затесалось платье от Диора — за два доллара! В каком сногшибательном виде я появилась бы в закусочной Макдональда!»

— Такое не может померещиться, — упрямо возразил Эллиот.

— Быть может, ты видел сексуального маньяка? — предположил Майкл.

— Ради бога, Майкл, не говори так при Гerti, — взмолилась Мэри.

— Мамочка, а кто такой маньяк?

— Просто дяденька в плаще, милая.

— Или испорченный ребенок, — добавил Майкл.

— Майкл! — прикрикнула Мэри строгим голосом.

И почему в головы детей вечно лезут какие-то извращенные мысли? Всякий раз одна и та же история! Неужто нельзя за едой (а она подала второе блюдо — жареные рыбные палочки) вести утонченно-шутливую беседу...

— Послушай, — не унимался Майкл, игнорируя просьбу матери, как игнорировал и любые другие ее приказы, — а вдруг это был эльф или даже гном?

Эллиот швырнул вилку на пол.

— Иди к черту, кретин!

Кретин? Мэри почувствовала, что ей становится дурно. Как в ее маленький семейный круг проникло *такое* выражение?

— Эллиот, не смей больше произносить это слово за столом. И вообще в нашем доме!

Эллиот угрюмо уткнулся в тарелку.

— А вот папа поверил бы мне.

— Так позвони ему и расскажи, — предложила Мэри, а про себя подумала: «Если у него еще не отключили телефон за неуплату».

— Не могу, — сказал Эллиот. — Он в Мексике, вместе с Сэлли.

Мэри сама не знала, как ей удалось сохранить присутствие духа при упоминании имени ее бывшей подруги, а теперь лютого врага. Она только ниже пригнулась к тарелке с рыбными

палочками. «Как жестоки бывают дети, — подумала она. — Особенно Эллиот».

— Если увидишь это снова, что бы оно ни было, не приближайся. Позови меня, и я распоряджусь, чтобы за ним приехали и увезли отсюда.

— Кто? Собаколовы? — поинтересовалась Герти.

— Именно.

Гарви тихо зарычал на заднем крыльце, дожевывая коврик, на который давно покушался.

— Но ведь его подвергнут лоботомии*, — сказал Эллиот, — или используют для каких-нибудь опытов.

— Ну и что? — ответила Мэри. — Это отучит его лазить по чужим грядкам.

Тем временем это выползло из леса и приближалось к спящему городку. Оно не слышало о лоботомии, но имело основание опасаться, что из него набьют чучело.

Перепончатые лапы существа далеко не первой молодости уверенно и бесшумно несли его к дому мальчика. Инопланетянин спустился с холма, оставляя за собой след, как от большой дыни, которую волокли два утконоса. В доме было темно, свет виднелся лишь в одном оконце.

Инопланетянин осторожно заглянул поверх забора, осматриваясь огромными выпуклыми глазами по сторонам. Собаки не было видно.

Надо только дотянуться пальцем ноги до задвижки, как принято у землян... и тебя внесет внутрь.

Чудотворные «ММ» возвратили его к жизни. Удивительные таблетки! Корабль прилетит через тысячу лет; если таблеток хватит, возможно, удастся продержаться...

Перестань мечтать, старый тупица!

Тебе никогда не вернуться *туда*.

Он возвел глаза к небу, но сверху повеяло такой грустью, что он тут же потупил взор. Никакие «ММ» не спасут его, лишившегося любви товарищей по экипажу.

Почему они бросили его?

Неужели не могли еще хоть чуть-чуть продержаться?

Он захлопнул калитку ногой, как это делал мальчик. Ничего не попишешь: хочешь сблизиться с землянами — изволь усваивать их обычаи.

Он на цыпочках прокрался через задний двор и, к своему изумлению, наткнулся на мальчика, который лежал в спальном мешке возле овощной грядки.

Дышал мальчик спокойно. Легкий пар выходил изо рта — ночь была прохладной.

*Лоботомия — рассечение доли головного мозга.

Инопланетянин тоже дрожал, над ступнями заструилась дымка беспокойства, страха и замешательства.

Внезапно глаза мальчика открылись.

Эллиот посмотрел вверх прямо в огромные глаза, глаза — словно медузы с неясными щупальцами, источавшими энергию, глаза, в которых укрывались страшные знания, накопленные за тысячелетия, глаза, которые, как рентгеновские лучи, просвечивали его насквозь, вплоть до мельчайших атомов.

Инопланетянин в свою очередь разглядывал мальчика, не в силах оторваться от уродливо торчащего носа, безобразных, ничем не прикрытых ушей и от самого жуткого зрелища — крошечных темных глазок-бусинок.

Но вот крохотные, глубоко посаженные детские глазки заморгали, и ужас, отразившийся в них, растрогал старого ученого. Он приветливо вытянул вперед длинный палец...

Эллиот завизжал и попятился, прикрываясь спальным мешком; инопланетянин рванулся в противоположную сторону, запутался в собственных ногах и, падая, испустил ультразвуковой крик, на который из темноты к космическому страшилищу спикировала летучая мышь. В следующее мгновение насмерть перепуганный рукокрылый летун уже улепетывал в ночь, хлопая крыльями и стуча зубами от страха.

Зубы Эллиота тоже клацали, коленки ходили ходуном, а волосы на затылке встали дыбом.

Где же ты, спаситель Гарви? Гарви — защитник домашнего очага?

Здесь, на заднем крыльце. И у бедного дрожащего пса зубы громко лязгали от ужаса, а шерсть стояла дыбом. Обезумевшее от страха животное то вжималось в крыльцо, то прыгало на дверь, отлетало от нее и хватало себя за хвост, пытаясь избавиться от неведомого, ледянящего душу запаха, таившего в себе ароматы немыслимых галактик, исследовать которые не придет в голову ни одной здравомыслящей собаке. Гарви прижался к порогу — лишь кончик морды торчал через дверную щель; в нос ударила новая волна запаха, и потерявший голову пес, забившись в угол, от волнения принялся грызть щетку.

Существо из космоса сделало еще одну робкую попытку приблизиться к Эллиоту. Глаза мальчика испуганно расширились, и он попятился еще дальше. Остатки мужества улетучились бесследно, он вспомнил про массу неотложных занятий и поручений, несделанных уроков — миллион дел, но лишь бы не это...

Чудовищные глаза пронизывали его насквозь; Эллиот буквально чувствовал, как электромагнитные зонды копошатся в его организме, взвешивая, вычленяя и анализируя. Губы кошмарного создания сложились в свирепую гримасу, маленькие острые зубки осцерились. Что нужно этой образине? Внезапно Эллиот осознал,

что уродец хочет вступить в контакт.

Престарелый скиталец протянул вперед руку и разжал кулак. На огромной чешуйчатой ладони лежала последняя «ММ», уже начавшая подтаивать.

Эллиот посмотрел на маленькую конфетку и перевел взгляд на монстра. Страшилище ткнуло длинным пальцем в направлении ладони, а потом указало на свою пасть.

— О'кей, — тихо сказал Эллиот. Он распахнул куртку, достал пакетик с «ММ» и, медленно пятясь, начал выкладывать продолжение дорожки из шоколадных пастилок. Колени мальчика все еще дрожали, а зубы громко лязгали, нанося серьезный урон дорогой работе ортодонта.

Преклонных лет путешественник брел следом, подбирая одну таблетку за другой и жадно их заглатывая. Пища богов, царей, завоевателей! Если ему суждено выкарабкаться из этой истории, то он непременно принесет образец чудодейственной пищи капитану корабля — ведь с такими таблетками можно осваивать новые вселенные, смело пускаться в сверхпродолжительные полеты.

Шоколад стекал по уголкам губ; пальцы космического ботаника тоже были перепачканы шоколадом. Инопланетянин жадно слизывал его, чувствуя, как восстанавливаются силы, как животворное вещество разносится по венам, питая таинственной энергией мозг, в котором зарождаются импульсы радости и надежды. Теперь он понял назначение жизни на Земле: десять миллионов лет эволюции, чтобы создать вершину творения — «ММ».

Чего еще желать от этой планеты?

Хватая одну таблетку за другой, он быстро пересек газон и сам не заметил, как очутился в доме землянина.

Охваченный ужасом ботаник бешено вращал глазами. Со всех сторон его окружал враждебный мир, каждый угол в котором, каждый предмет, каждая тень были сокрушительными ударами для сознания инопланетянина. Но он должен пережить и это, если хочет заполучить магические «ММ».

Подбирая таблетки, он вскарабкался по ступенькам и проковылял по коридору в комнату мальчика.

Ребенок вознаградил его целой пригоршней «ММ». Почтенный ученый уплеп их разом. Безрассудство, быть может, но кто знает, что ему уготовано завтра?

Голосовое устройство мальчика зазвучало:

— Меня зовут Эллиот.

Кваканье какое-то, ничего не разобрать. Впрочем, любой способный поделиться своими «ММ», заслуживает полного доверия. Инопланетянин в изнеможении растянулся на полу. Его заботливо укрыли одеялом, и он уснул.

Эллиот долго лежал, не решаясь заснуть. Страшилище спало, распростершись на полу, — несуразной формы фигура под одеялом. Откуда взялось это пугало? То, что не с Земли, Эллиот знал наверняка.

Он силился понять, но тщетно. Комнату заполнили мощные флюиды силового поля — различные, как бывает зримо виденной в пустыне, — пульсирующие и взлетающие вверх, словно в ритуальном танце. За магическим мельканием шевелился могучий разум; Эллиот подумал, что даже во сне таинственное существо охраняет часовой, бдительно всматривающийся в комнату, в окна, во мрак ночи.

Слабое поскуливание поведало Эллиоту, что Гарви опять удрал с заднего крыльца и жметесь за дверь. Было слышно, как собака грызет дверной косяк и колотит по полу хвостом.

«Что там происходит?» — казалось, задавал себе вопрос сбитый с толку пес, нервно мусоля деревяшку. Мелькание, которое видел Эллиот, теперь исследовало Гарви, зондируя спутанные мысли в собачьей голове. Дворняжка жалобно скулила, скреблась в дверь, разрываясь между желанием проникнуть в комнату и страхом перед заполнившим ее *нечто*, пульсирующим, словно мозговая кость, отборная, лакомая, но пугающая кость... попробуй тронь!

Эллиот повернулся на бок и сунул руку под подушку. Несмотря на стремление бодрствовать и следить за происходящим, его неудержимо клонило ко сну. Смежные веки налились свинцом, и он провалился в колодец, летя все глубже, глубже, глубже...

Он упал прямо на доску для игры в «Парчизи», в которую вечно плутовал, и ноги увязли в ней по шиколотку. Он заметил дорожку из сверкающих как золото конфеток «ММ», которые сам разложил для своего пугающего на вид друга; за дорожкой открылась прекрасная аллея через весь мир, и он зашагал по ней.

На следующее утро инопланетянин проснулся, не сразу осознав, на какой планете находится.

— Вставай, тебе нужно спрятаться.

С помощью жестов и тычков космическое существо бесцеремонно затолкали в чулан и захлопнули дверцу-жалюзи.

Через несколько минут пробудились остальные домочадцы. Старый ботаник услышал голос старшего мальчика, а потом и матери.

Вот она вошла в комнату, и космолог сжался в комок в углу чулана.

— Эллиот, пора в школу.

— Я заболел, мам...

Инопланетянин осторожно припал к дверным прорезям. Мальчик уже лежал в постели и, похоже, о чем-то просил высокое, стройное и гибкое как ивовый прутик существо. Мать засунула ребенку в рот какую-то трубку и вышла из комнаты. Мальчик, не теряя ни секунды, поднес трубку к световому устройству над головой, разогрел жидкость внутри и только возвратил трубку в рот, как вернулась мать.

Старый ученый с пониманием покачал головой. Хитрость — известная в Галактике.

— У тебя высокая температура.

— Мне тоже так кажется.

— Ты, должно быть, караулил всю ночь на дворе, не появится ли эта штука?

Мальчик кивнул.

Гибкое существо повернулось и шагнуло к чулану. Инопланетянин отпрянул в угол, но увидел только руку, которая нашарила стеганое одеяло на полке над его головой. Мать набросила одеяло на сына.

— Ты как — выживешь, если я пойду на работу?

Мэри подозревала, что Эллиот водит ее за нос, но ведь у ребенка выдалось подряд несколько тяжелых ночей; хотелось только надеяться, что перемены в его поведении не связаны с потреблением каких-то средств. Правда, глаза стали какие-то странные, но и у его отца зрачки были часто расширены, когда ему мерещилось то одно, то другое. Наследственность, должно быть.

— Ладно, — сказала она, — оставайся дома. Только никакого телевизора, понятно? Не хочу, чтобы ты рассыпался в прах перед этим ящиком.

Она повернулась, чтобы уйти, но на пороге остановилась, глядя вниз на дверной косяк.

— Опять эта дрянная псина глодала дверь? погоди, я велю поставить тебе на зубы резиновые коронки.

С этой угрозой Мэри решительно двинулась по коридору, но, сделав несколько шагов, пошатнулась, будто захлестнутая волной. Заставив себя выпрямиться, она пощупала лоб. Какая-то легкая зыбь пробежала по телу, словно от прикосновения волшебных пальцев. В следующее мгновение необъяснимое ощущение исчезло.

Мэри открыла дверь в комнату Герти.

— Восстань в блеске!

Девочка села, ошарашенно моргая, потом радостно свесила ноги.

— Мапочка, а мне приснился маньяк!

— Ну да?

— Такой потешный — с длинной-предлинной шеей и глазищами, выпученными, как у лягушки...

— Он был в плаще?

— Он был ни в чем.

«Может, и впрямь маньяк», — подумала Мэри, но не стала развивать эту тему.

— Пора завтракать. Помоги Майклу на кухне.

Она прошествовала в ванную для утреннего омовения чудовищно дорогим мылом, таявшим как лед; от куска, купленного два дня назад, остался жалкий прозрачный обмылок в ноготь толщиной. Но подруга уверяла, что это мыло предохраняет от морщин, пятен, прыщиков и бородавок.

Мэри намылилась, и обмылок исчез на глазах. Вот так, еще шесть долларов вылетели в сточную трубу.

Она вытерлась, и в ее затуманенном с утра сознании всплыл, словно во сне, образ какого-то коротышки с огромным волочащимся животом и нелепой, переваливающейся поступью.

Маньяк, должно быть.

Завтрак, как всегда, промелькнул незаметно, и Мэри выскочила из дому на подъездную аллею, где Майкл, упражняясь в вождении, задним ходом подавал машину к улице.

— Садись, ма, — сказал он, вылезая из машины.

— Спасибо, милый, — поблагодарила Мэри, заняв место за рулем и вцепившись в него с обычной мрачной решимостью; она резко отпустила сцепление, нажала на акселератор, и машина рванулась вперед под улюлюканье Майкла.

Услышав звук отъехавшей машины, Эллиот выпрыгнул из постели и распахнул дверь чулана. Инопланетянин отпрянул назад, вжавшись в стену.

— Эй, вылезай-ка отсюда, — позвал Эллиот, протягивая руку.

Старый уродец нерешительно прошлепал в комнату и остановился оглядываясь. Взгляду его открылось великое разнообразие причудливых предметов, большей частью пластмассовых. Он сумел распознать только письменный стол, да и тот был слишком высок для обладателя таких коротких ног, как его собственные. Впрочем, зачем ему стол — не собирается же он писать письмо на Луну?

— Как же мне тебя называть?

Эллиот посмотрел в огромные блестящие глаза страшилища, в которых искорками вспыхивали, распускаясь и увядая, крохотные цветки энергии. Существо осматривалось по сторонам, и Эллиот посторонился, чтобы не мешать,

— Ведь ты инопланетянин, верно?

Чудище моргнуло, и Эллиот понял, что выпученные глаза каким-то образом отвечают ему, но ощутил лишь неясное жужжа-

ние в голове, словно в нее забралась муха.

Эллиот открыл дверь в коридор. Инопланетянин отскочил назад — за дверью исходила слюной зловредная маленькая тварь, земная собака, с глупыми любопытными глазами и враждебностью в голосе.

— Гарви! Веди себя прилично! Не кусайся и не нервничай... Хороший пес. Хороший Гарви...

— Ггырррррррррррр...Гггыырррррррррррр...

Речь собаки по межгалактическим стандартам общения принадлежала к еще более низкой категории, чем речь мальчика, и напоминала шум двигателя космического крейсера, попавшего в аварию.

— Видишь, Гарви? Он хороший. Он тебя не тронет. Он не кусается.

У пальца ноги неземного существа возникло полупрозрачное облачко. Гарви поспешил сунуть в него нос, и перед неподготовленной к этому собакой — словно в другом измерении — возникла огромная, сотканная из света суповая кость; сверкая и переливаясь, она летела в ночи с воющим звуком, эхом раскачивающимся по древним космическим закоулкам.

Бедный пес съежился, припав к полу, сознание его помутилось. Из пасти вырвался жалобный стон. Поджав хвост, он стал пятиться назад.

Уродец шагнул вперед.

— Ты умеешь разговаривать? — для вящей убедительности Эллиот сжал и разжал кончики пальцев, изображая говорящий рот.

Престарелый ученый снова мигнул и в свою очередь начертил кончиками пальцев узоры и хитросплетения галактического разума, высшие формулы космического выживания, выведенные за десять миллионов лет.

Эллиот недоуменно хлопал ресницами, не успевая следить за рассекающими воздух пальцами, выводящими изящные орбиты, спирали и изломы важнейших физических законов.

Осознав бесплодность своих усилий, ветеран галактических путешествий, совсем было отчаявшись, опустил руки, но вовремя вспомнил, что перед ним десятилетний мальчуган.

Что же делать? Умудренный годами ученый проанализировал ситуацию. Его интеллект настолько опережал мыслительные возможности ребенка, что даже не придумаешь, с чего начать.

Беда в том, что он слишком сложно устроен. Впрочем, постойте, может быть...

Он попытался низвести себя до примитивного уровня путаного мышления землян, но дальше бесцельных манипуляций пальцами дело не пошло. Как он мог надеяться донести до их сознания смысл великих уравнений, грандиозных открытий, порожденных

блуждающими гиперзавихрениями времени? Он едва научился просить «ММ»!

Эллиот подошел к транзисторному приемнику и включил его.

— Тебе нравится такая музыка? Рок-н-ролл?

Из приемника полились звуки, подобных которым межгалактическому страннику слышать не приходилось; в голове возник теплотический образ камней, лавиной несущихся вниз по склону. Он поспешно прикрыл руками чувствительные к шуму ушные клапаны и скорчился в три погибели на полу.

Эллиот огляделся по сторонам в поисках других предметов, о назначении которых необходимо знать пришельцу из космоса. Он выудил из копилки монету в двадцать пять центов.

— Вот кое-что из наших денег.

Инопланетянин смотрел на мальчика, силясь разобрать смысл его слов, но артикуляция землянина не поддавалась расшифровке.

— Видишь — это четвертак.

Инопланетянину предложили плоский, с блестящим покрытием кружочек, отличавшийся по оттенку от таблеток «ММ», но, по всей вероятности, превосходивший их по энергетической ценности.

Он попробовал откусить кусочек.

Ну и гадость!

— Ты прав, — сказал Эллиот, — это несъедобно. Неужто ты опять проголодался? Я и сам голоден, пойдем состряпаем чего-нибудь. Гарви... — пригрозил Эллиот собаке, — не путайся под ногами.

Гарви жалобно заскулил, но освободил дорогу, потом уныло поплелся за Эллиотом и кошмарным чудовищем вниз, на кухню. Распластавшись у миски, он всем своим видом намекал Эллиоту, что для успокоения нервной системы остро нуждается в баночке консервов «Алпо», которые улетет в один присест. Но Эллиот прикинулся, будто не понимает собачьих страданий, и Гарви пришлось утешиться обгрызанием края миски.

Тем временем Эллиот открывал ящик за ящиком, доставая все необходимое для своего излюбленного завтрака.

— Вафли — мое фирменное блюдо, — похвастался он, замешивая бездрожжевое тесто. — Пробовал когда-нибудь?

На глазах у выдавшего виды ботаника один за другим возникали таинственные предметы, не имевшие отношения к космическим полетам. Он наблюдал, и огромные глаза вращались, фиксируя детали загадочных приготовлений, в итоге которых образовалось длинное шупальце клейкого месива, протянувшееся с полки буфета до самого пола.

Гарви быстрехонько, словно влажной шваброй, слизал языком разлитое тесто, остатки которого Эллиот пытался запихнуть в вафельницу.

— Ну вот и все. Уже печется.

Космическое чудище, поводя носом, прошлепало к вафельнице. Пахло восхитительно, словно от гигантской «ММ».

Эллиот извлек испеченную вафлю и пооткрывал остальные ящики и дверцы.

— Вот сироп, масло, консервированные фрукты... А не полить ли сверху взбитыми сливками?

Ботаник так и подскочил на месте — внезапно сильно запахло озоном, а из баллончика в руках мальчика изверглась белая струя.

— Не бойся, это вкусно. Пальчики оближешь.

Эллиот украсил взбитые сливки лепешечкой «ММ» и протянул вафлю многомиллионнолетнему скитальцу во времени.

— А вот вилка. Умеешь такой пользоваться?

Древний исследователь внимательно посмотрел на сверкающие зубцы. Лучший образец механической работы из всего виденного им в доме. Он вспомнил матовое сияние корабля. Верно, предмет с четырьмя отростками, прикрепленными... К чему же? На какой-то миг в сознании мелькнул и исчез образ готового устройства, которое его спасет.

— Эй, этим едят. Видишь? Вот так, как я...

Изрядно помучившись, инопланетянин наконец выковырял «ММ». Проглотив конфетку, он приступил к белой массе, пробуя неожиданные химические соединения, формулы которых тут же, по мере того как ученый углублялся вилкой в эфемерное, точно пена, лакомство, расшифровывались внутренним анализатором. Потрясающий, поразительный эффект...

— А как насчет молока? Вот, держи стакан.

Жидкость заплескалась, выплескиваясь на пальцы; форма рта инопланетянина не была рассчитана на земные стаканы, поэтому большая часть молока пролилась ему на грудь, ручейком стекая над сердцем-фонариком.

— Эх, какой же ты недотепа!

Тыкая вилкой в хрустящее угощение, старый путешественник не отводил глаз от зубцов. Четыре острых отростка, звенящих «вжик, вжик, вжик...»

— Что случилось? Мне вдруг стало так грустно из-за тебя.

Словно неведомая могучая волна подхватила и закружила Эллиота. Необъяснимые чувства переполняли мальчика, будто он лишился чего-то несказанно прекрасного, что должно было всегда принадлежать ему.

«Вжик, вжик, вжик...»

Древний натуралист, закрыв глаза, погрузился в пучину Высшего Знания. Отыщется ли в бескрайней Вселенной ухо, которое прислушается к песне четырех зубцов? И как это осуществить? Не может же такой миниатюрный инструмент исторгнуть волны, пересекающие галактики. Ученый горько сожалел,

что в свое время не прислушивался к разговорам навигаторов и связистов, которые смыслят в этом куда лучше чем он.

— Пора повеселиться, — сказал Эллиот, стряхнув нахлынувшую грусть, и взял жутковатой наружности пришельца за руку. — Пойдем...

Длинные, похожие на корни пальцы переплелись с его пальцами; Эллиот показалось, что рядом с ним совсем маленький ребенок, но тут его накрыла и понесла на гребне новая волна, волна, в которой было все — и тайны мироздания, и космические законы, — и Эллиот осознал, что пришелец куда старше его, несравнимо старше. Что-то изменилось у него внутри, слегка покачнулось, будто гироскоп, который непонятным образом всегда возвращается к исходному положению в пространстве; мальчик заморгал, не в силах постичь пронизавшего его вдруг ощущения, что он тоже дитя звезд и никогда-никогда никого не обижал.

Он увлек неуклюже переваливавшееся существо к лестнице. Гарви трусил следом, зажав в пасти свою миску на случай, если по дороге подвернется что-нибудь достойное того, чтобы запустить в него зубы.

Эллиот привел процессию в ванную и остановился перед зеркалом — интересно, видело ли нелепое существо со стороны свое отражение?

— Видишь? Это ты!

Ветеран-звездодоходец посмотрел на свой облик в примитивном отражающем стекле землян. Его гордости — сложнейшего и хитроумного органа установления контакта, радужным нимбом сияющего и переливающегося вокруг головы, *не было видно!* В результате лицо полностью утратило красоту.

— Смотри, вот это рука... — Эллиот подрыгал верхней конечностью. Галактическое создание последовало его примеру, расчленив сложнейшее движение на простые составляющие, выводя мелькающими пальцами формулы сверхскоростных полетов, кратчайших межзвездных маршрутов и космического прорицания.

— Тебе бы фокусы показывать... — Эллиот изумленно хлопал глазами на медленный манер землян, следя за пальцами вместо того, чтобы постигать тайный смысл их жестикуляции. «Да он глупее огурца», — подумалось многомудрому звездодоходцу.

— А откуда берется вода, — изрек Эллиот, поворачиваясь крапы. — Вот — горячая. Теперь — холодная. Здорово, да? Там, откуда ты взялся, есть водопровод?

Архаичный естествоиспытатель зачерпнул пригоршню воды и поднес к лицу. Переключив зрение на режим микрофокусировки, он по привычке стал созерцать мир крохотных водных существ.

— Ну как, нравится? А теперь смотри — это вообще шикарно! — Эллиот начал наполнять ванну и жестом указал инопланетянину, чтобы тот залезал. — Давай сюда, не бойся.

Реликтовое создание наклонилось над ванной, которая напо-

мнила ему лабораторные резервуары на Великом Корабле, где любой ученый мог, расслабившись, предаться изучению водного микромира. В порыве грусти, вызванной воспоминанием, он опустил в воду.

Раздался звонок. Ботаник подскочил в ванне — во все стороны полетели брызги. Уж не для того ли его посадили в воду, чтобы тайком изучать? Неужели это лаборатория для регистрации излучаемых им волн?

— Успокойся, это всего лишь телефон...

Эллиот выскочил из ванной, и ученый с головой погрузился в воду, убаюкиваемый обволакивающим потоком, умиротворенный зрелищем танцующих микроорганизмов. Переключив дыхательный аппарат на водную среду, он с наслаждением вытянулся на дне. Потом сфокусировал зрение на атомном уровне и углубился в изучение молекул воды, наблюдая за скрытой тепловой энергией. Может ли она пригодиться для его спасения?

Гарви осторожно приблизился к ванне. Едва ли не худшие воспоминания его жизни были связаны с ней, когда раз в году его подвергали унижительному мытью шампунем от блох; пес украдкой покосился через край на нынешнего обитателя ванны, которому, судя по всему, пребывание в ней ничуть не претило. Он напомнил Гарви крупную и ужасно кусачую старуху-черепаху, которой пес однажды вознамерился задать изрядную трепку; дело кончилось тогда трагически — Гарви отделался болезненным укусом в нос. Этим и только этим объяснялось, что вместо того, чтобы как следует куснуть или, на худой конец, обляять нежившегося в воде монстра, Гарви только боязливо поглядывал на него. Уготовил ли Эллиот мытье шампунем этому типу?

Эллиот вернулся, заглянул в ванну и рывком выдернул образину из воды.

— Эй, так и утонуть недолго!

Гарви разочарованно вздохнул — мытье шампунем не состоится. Как видно, блох у страхолюдины не было.

— А может, ты гном-амфибия? — спросил Эллиот.

«Кто угодно, лишь бы не кусачая черепаха», — подумал Гарви и бережно прикрыл лапой нос — так, на всякий случай.

— Вот полотенце, умеешь им пользоваться?

Странник, повидавший на своем веку не одну сверхновую, в недоумении уставился на предлагаемый предмет — его собственная кожа была покрыта водозащитной пленкой. Он взял полотенце, осмотрел его и вопросительно воззрился на мальчика.

— Ну, вытирайся же, дурья башка!

Мальчик дотронулся до него. Пальцы землянина с целительными компонентами доставили облегчение ноющей спине. Спасибо, молодой человек, очень вам признателен.

— У каждого из нас собственное полотенце. Это мое, — указал Эллиот, — это Майкала, это Герти, а вот мамино. А это

когда-то принадлежало папе. Он теперь в Мексике. Ты туда летал?

Старый ученый мигнул, уловив волну грустного чувства в диапазоне связи с мальчиком. Эллиот подступил ближе и растопырил руки, словно крылья.

— Ты ведь везде летаешь на корабле, да? Где твой корабль?

В сознании космического существа всплыл матово сияющий облик корабля, корпус которого, залитый голубовато-красным светом, украшали древние письмена. Сердце-фонарик тоже замерцало в ответ, и вот уже грусть молодого землянина стала его собственной.

— Пусть это будет твое полотенце, — сказал Эллиот. — Мы сделаем на нем метку «И. П.», инопланетянин. — Он снова прикоснулся к удивительному созданию, поражаясь странной коже. Новая волна прокатилась по телу Эллиота, и он понял, что стоявшее рядом существо старше Мафусаила, старше самой старости. — А кожа у тебя, как у змеи, приятель. Да и сам ты не от мира сего!

Ученый чувствовал, как энергия мальчика растекается по каналам его тела: «лум, лум, лум...»; занятно устроены биополя землян — примитивные, но хорошие, если научиться ими пользоваться.

Он снова принялся жестиковать, объясняя пальцами строение атома, любовь звезд и происхождение Вселенной.

— Ты опять проголодался? Хочешь печенья?

Гарви радостно завилял хвостом. Что касается его, он согласен на печенье — конечно, едал он кое-что и повкуснее, но псу, обгладывающему деревянные щетки, привередничать не пристало. Он схватил зубами миску, намекая Эллиоту на готовность принять участие в трапезе, но тот прошел мимо, ведя за собой кошмарную страхолюдину.

«Дудки, — решил Гарви, — я все равно не отстану».

Он затрусил за ними через коридор в комнату Эллиота, где пугало угостили печеньем. Гарви негодуя зарычал и призывно постучал миской по полу.

— Сгинь, Гарви, ты и так толстый.

Это он толстый? Пес повернулся боком, демонстрируя ребра. Но на сей раз провести Эллиота не удалось — баловнем стал уродец. Гарви поплелся проверить, не остались ли съедобные куски в недогрызенном ботинке Эллиота.

Эллиот открыл дверь чулана и обратился к космологу:

— Давай поселим тебя в чулане? Переоборудуем его, как космический «Шаттл». Достанем все, что тебе необходимо.

Престарелый межзвездный скиталец, задрав голову, разглядывал застекленное оконце в потолке клетушки. Через все стекло распростерся освещаемый солнечными лучами намалеванный дракон с растопыренными крыльями.

— Нравится? У меня таких много.

Эллиот раскрыл лежавшую на полу книгу и начал показывать страшилищу картинки.

— Вот гоблины... а это гномы...

Глаза чудища прошли несколько последовательных фокусировок, определив при этом структуру бумажных волокон, и настроились на рисунок — со страницы книги тарасилось изрядно на него смахивавшее маленькое существо с огромным волочащимся животом.

Неужто какие-то его предки уже терпели здесь бедствие?

Оставив страшилу изучать картинку, Эллиот принялся раскладывать по чулану подушки и одеяла. Он не задавался вопросом, почему прячет пришельца. Он как бы летел на автопилоте, без лишних вопросов, копания в себе, не пытаясь увильнуть от странной миссии. Он знал, что существо доверено ему звездами, и должен был подчиниться... или умереть.

— Тебе здесь понравится! — крикнул он из-за двери. Его мозг и мышцы работали без малейшего напряжения, повинуюсь сигналам, пульсирующим внутри. Эллиот не знал, что соприкоснулся с Космическим Законом, направившим его на новый путь. Он знал только, что еще никогда в жизни не ощущал подобного душевного взлета.

Гарви не испытывал подобных духовных метаморфоз; обглаживание каблучков ботинок не облегчило ни страданий души, ни мук желудка. Одно утешало — давно вынашиваемый план кинуть за лодыжку почтальона, осуществление которого было намечено на предполуденные часы.

Эллиот пробежал по коридору и вскоре вернулся с миской воды в руках. Впрочем, вспыхнувшая было у Гарви надежда тут же погасла: миску поместили в чулане перед гоблином со словами:

— Возьми, а все это, — кивок на чулан, — твой командный отсек.

Сразу за дверью чулана Эллиот выстроил шеренгу плюшевых зверюшек.

— Это маскировка. Встанешь с ними в ряд — никто не заметит разницы.

Озадаченный носитель высшего разума тупо воззрился на загадочные приготовления.

Гарви тоже следил за ними, борясь с зарождающимся желанием отгрызть голову у плюшевого медвежонка.

Эллиот тем временем приволок настольную лампу.

— Свет. Видишь?

Он включил лампу, яркий, слепящий свет которой резанул по сверхчувствительным глазам космопроходца. Тот попытался, налетел на проигрыватель и сбил рукой иглу, которая, поехав, поцарапала пластинку. Несмотря на противный скрежещущий звук, случилось неожиданное: внутри инопланетянина вспыхнули мягкие огоньки, а перед глазами снова возникли схемы побега. Для спасения нужна вилка и... что-нибудь вращающееся, вроде той

штуковины, на которую он случайно наткнулся. Она будет вращаться, а вилка... нацарапает... послание.

Ученый уставился на проигрыватель, обдумывая выход и лихорадочно перебирая в уме все, что знал о средствах связи.

Он принялся топтаться по комнате в поисках других полезных механических устройств. Выдвинув ящик стола, он перевернул его, высыпав содержимое на пол.

— Полегче, приятель! — прикрикнул Эллиот. — Мне велено поддерживать здесь порядок.

Пришелец обследовал комнату, шаря по углам, вытряхивая, опрокидывая и бесцеремонно расшвыривая все, что попадалось под руку. Попробуй все изучить, когда кругом так необычно. Планета примитивная — действовать приходится на ощупь, методом проб и ошибок. Откуда тут взяться вдохновению?

Его взгляд остановился на прикрепленном к стене изображении марсианской принцессы, наготу которой едва прикрывали несколько полосок сверкающего металла.

Ну и ну!

Несколько секунд он созерцал ее — пистолет, шлем, сапоги цвета электрик.

— Нравится? — ехидно поинтересовался Эллиот.

Старый путешественник медленно опустил руки — сначала перед собой, затем развел их пошире, изображая более классический идеал красоты — расширяющийся книзу грушевидный силуэт.

— Таких у нас не много наберется, — сказал Эллиот, взяв рукой старое пугало под локоть и легонько подтолкнул к чулану.

— Будешь там жить, ладно?

Изнешенный временем скиталец, тяжело переступая утиными лапами, поплелся в отведенное логово. Он, в чьем ведении находилась растительная жизнь в необъятных космических дворцах, вынужден ютиться в жалкой клетушке по соседству с доской на роликах.

Сгорбившись, он опустился на пол. Где же корабль? Где украшение Вселенной? Его так не хватает!

Внезапно он воспринял донесшийся из глубины космоса сигнал маяка, — маяка, разыскивавшего Землю с немыслимых расстояний.

— Здесь даже окошечко есть, — Эллиот вывел гостя из оцепенения, указав ему на стеклянный квадратик над головой.

— А вот тебе светильник для чтения, — сказал он и включил лампу. — Ладно, располагайся, а я побежал. Куплю печенья и еще чего-нибудь.

Дверь в чулан закрылась. Ученый прищурился от резкого света, потом стащил с полки красный платок и набросил на абужур. Свет смягчился и стал лилово-розовым, как внутри его родного корабля.

Он должен подать сигнал, *во что бы то ни стало* известить

товарищей о том, что он жив.

В голове опять возник образ вилки — четыре зубца царапали линии по вращающемуся кругу: «вжик, вжик, вжик...»

Мэри въехала в ворота, зацепив крылом машины мусорные баки, которые, опрокинувшись, сгромоздились в кучу. Плевать, главное — она дома. Выключив зажигание, она некоторое время сидела за рулем в полном изнеможении. Может, принять женьшень? Или хотя бы глоток джина?

Открыв дверцу, она выбралась из машины. Взгляд упал на оконце чулана под крышей, в нем торчал какой-то из недавно купленных плюшевых гоблинов.

Бр-рр, ну и игрушки выпускают теперь для детей. От одного их вида кошмары станут сниться.

Она прошла по аллее и поднялась на крыльцо. За дверью ждал Гарви.

— Не смотри так, Гарви. Я и без того вечно чувствую себя виновной.

Игнорируя мольбы животного, она решительно проследовала к столику для корреспонденции.

Вдруг есть письма от тайного вздыхателя? Хотя бы от Блуждающего Чудовища?

Как бы не так, обычный мусор — счета, просроченные счета, сверхпросроченные счета и просьба от какой-то организации по сбору пожертвований. Дудки, только под пыткой!

Она швырнула почту в очень кстати подвернувшуюся корзину для бумаг и сбросила туфли.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она своему племени. Отозвался один Гарви.

— Оставь миску, Гарви.

Она сидела в кресле, не в силах подняться. Над головой прожужжала муха. Мэри прогнала ее рукой раз, другой, но муха не унималась, и Мэри поняла, что жужжит не муха, а у нее в ушах.

Следующая стадия — звон колокольчиков, а за ней — голоса.

Решив, что сегодня сходить с ума все равно некогда, она встала и пошла на кухню. Глянув на пол, сразу поняла, что Эллиот готовил себе калорийный завтрак. Она вытерла полки и дверцы буфета и сварила крепкий кофе.

Сидя в раздумье над чашкой, Мэри разглядывала свои ноги. Ноги, готовые вот-вот забастовать.

— Эй, так есть кто-нибудь дома?

Как обычно, ей не ответили. Не иначе погрузились в какие-то тайные замыслы; может, сегодня у них на очереди государственный переворот?

Бога ради, лишь бы не шумели.

Задняя дверь с пушечным грохотом распахнулась, и в кухню

ворвался Майкл, будто на слоне верхом.

— Салют, ма, как прошел день?

— Хорошо. А у тебя?

Майкл неопределенно пожал плечами.

— Пойду поиграю в регби, — после некоторой паузы добавил он таким тоном, что было ясно — ничто, ничто на свете его не остановит.

— Прекрасно, — сказала Мэри. — Валяй!

Она небрежно махнула рукой, словно давая разрешение, которого никто не спрашивал, и опять уставилась в кофейную чашечку, пытаюсь собраться с силами.

Майкл нацепил наплечники и схватил шлем; он весь кипел от азарта, уж сегодня *он им покажет!* В два прыжка он очутился в коридоре, но перед лестницей, преградив дорогу, стоял Эллиот.

— Майкл...

— Привет, симулянт... — бросил на ходу Майкл, норовя протиснуться к ступенькам.

— Я должен сообщить тебе что-то очень важное.

— Ну, чего?

— Помнишь гоблина?

— Гоблина? Слушай, дай пройти.

— Подожди секунду, Майкл, дело очень серьезное. Он вернулся.

— Эллиот... — Майкл редко снисходил до бесед с младшим братом — от такого хорька не только в «Парчизи» того и жди мелких пакостей, — отвяжись!

— Я покажу его тебе, только, чур, он мой!

Майкл заколебался.

— Ладно, давай быстрее.

— Сперва поклянись. Самой страшной клятвой.

— О'кей, о'кей, показывай. Что там у тебя, скусн какой-нибудь? Прямо в комнате? Мамаша тебя прикончит.

Эллиот увлек Майкла за собой по коридору.

— Сними наплечники, — попросил он, когда они вошли в комнату. — Он может испугаться.

— Не испытывай мое терпение.

Эллиот подвел брата к чулану.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Ну я тебя прошу, ладно, Майкл?

В чулане хранитель многовековой мудрости перебирал в памяти все, что он знал о коммуникационных устройствах — одно из них требовалось каким-то образом построить. Он услышал, что в комнату вошли двое круглоголовых (так иногда называл он про себя землян), но не стал отвлекаться, сосредоточившись на том, чтобы вспомнить схему передатчика. Внезапно дверь в его убежище распахнулась.

Вошел Эллиот и, успокаивающе кивнув, обнял древнего ученого за плечи.

— Пойдем, познакомишься с моим братом.

Не успели они переступить порог, как в комнату ворвалась Герти, только вернувшаяся из детского сада. Увидев чудовище, она завизжала, завизжал и сам инопланетянин, и Майкл, который в этот самый миг открыл глаза, тоже завизжал. Их общий пронзительный визг разнесся по дому и достиг командного пункта, где сидела Мэри, безуспешно пытавшаяся прийти в себя.

— О боже... — простонала она, делая усилие, чтобы вылезти из-за стола. Что за новую забаву придумали ее детки? Не мучают ли Герти? Она с трудом взобралась по ступенькам и устало потащилась по коридору в комнату Эллиота. После дня изнурительной работы бороться с шайкой малолетних преступников дома — кто способен это вынести?

Мэри на мгновение остановилась перед дверью. Одно утешение — у Эллиота теперь порядок.

Она вошла в комнату и остолбенела. Все, что можно было вывернуть, было выворочено на пол. Мэри посмотрела на Эллиота. Как можно посреди такого разгрома сохранять невинное выражение лица?

— Что случилось? — спросила Мэри и не узнала собственный голос.

— Где?

— Ты еще смеешь спрашивать? Посмотри на этот бедлам! Что произошло?

— Ты имеешь в виду комнату?

— Это не комната, это кошмар! У тебя тут дикари танцевали?

В чулане старый космолог скорчился ни жив ни мертв между Герти и Майклом. Девочка, казалось, готова была вот-вот укусить его; мальчик сидел с раскрытым ртом и остекленевшим взором, его огромные, неестественной формы плечи едва помещались в крохотной клетушке. Гость из космоса надеялся, что осадное положение сохранится не слишком долго — в помещеньице становилось тяжело вато дышать.

Инопланетянин осторожно приник лицом к прорезям в двери. Гибкое, похожее на иву создание указывало на предметы, которые он разбросал по полу в поисках деталей для передатчика, и казалось чем-то недовольным.

Ученый попытался оценить, насколько миролюбиво настроено гибкое создание. Ни металлических цепей, ни оружия при нем не было, в остальном оно ничуть не уступало марсианской принцессе с плаката, хотя, к сожалению, и его природа обидела, лишив важнейшего атрибута женской красоты — расширенного книзу грушевидного живота, да и длинными пальцами на ногах, придающими такую пикантность и очарование, существо похвастать не могло. А жаль...

— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Вы с Майклом не мучили ее?

— Ну что ты, мам...

— Почему же она визжала?

— Не знаю. Вошла, завизжала и убежала.

Мэри задумалась. Случалось ли ей в детстве забегать в комнаты, беспричинно визжать и выскакивать? Да, признаться, случилось, и частенько. Ей и теперь хотелось завизжать. Впрочем, если разобраться, она и сейчас визжала. Может, повизжать еще немного на Эллиота, а потом уйти?

— Извини, мам.

— Я не хотела на тебя кричать, Эллиот. Ты меня тоже прости. Но прибири в комнате, иначе получишь нахлобучку.

— О'кей, мам, приберу.

Мэри повернулась и вышла из комнаты. Когда ее шаги стихли, дверь чулана распахнулась, и оттуда появились Майкл, Герти и старый гоблин.

Майкл за эти короткие мгновения стал не похож на себя, словно на пятидесятиардовой линии его блокировал не защитник соперников, а паровой каток; тело онемело, и ему все казалось, что он грезит. Быть может, во время матча он столкнулся с кем-то головой и лежит теперь без сознания? Нет, вряд ли, — рядом эта надоеда Герти, да и эта дрянь Эллиот тут, в натуральную величину. А вот и пугало.

— Эллиот, надо сказать матери.

— Нельзя, Майкл. Ты ведь знаешь, к чему это приведет? Его, — Эллиот кивком указал на древнего путешественника, — пустят на собачьи котлеты.

Гарви наострил уши и завилял хвостом.

— Он умеет разговаривать?

— Нет.

— А что он здесь делает?

— Не знаю.

Мальчики посмотрели на пятилетнюю сестру, во все глаза тарашившуюся на чудище.

— Герти, можешь его потрогать. Он тебя не обидит.

Залетный космолог безропотно позволил ощупать и потыкать себя — пульсирующие сигналы от детских пальчиков воспринимались рецепторами в глубине его тела, и хотя сигналы эти были путанными и сумбурными, инопланетянин понял, что круглоголовые не безнадежно глупы и желают ему добра. Но способны ли они помочь ему достигнуть Великой Туманности?

— Ты ведь никому на расскажешь, правда, Герти? Даже маме?

— Почему?

— Потому что... взрослые не могут его увидеть. Он видимый только для детей.

— Неправда, ты обманываешь.

Эллиот выхватил из рук Герти куклу.

— Знаешь, что я с ней сделаю, если ты разболтаешь? — он резким движением развернул руку куклы за спину.

Герти вскрикнула:

— Перестань! Сейчас же перестань!

— Обещаешь молчать?

— А он что, с Луны?

— С Луны, с Луны...

Лежа на полу спальни, Мэри вслед за тренером на телеэкране повторяла гимнастические упражнения. Занятия проводила пятидесятилетняя шведка без единой морщинки на лице, которой ассистировал фигляр с физиономией слабоумного.

— И-и-и раз, два, три...

Мэри, тщетно пытаясь поспеть за ними, сбилась с ритма, выключила звук и разлеглась на ковре в излюбленной позе, подтянув колени к животу.

Из комнаты Эллиота слышались приглушенные голоса детей. Всех троих. Снова они что-то затевают — Мэри ощущала знакомое напряжение в воздухе. Может, от этого у нее опять в ушах жужжит? Или от омолаживающих упражнений, когда ногу закладываешь за голову? Придется от них отказаться.

Дебил на телеэкране пытался беззвучно что-то втолковать. Довольно с нее.

Она выключила телевизор. Пора уже что-нибудь запихнуть в голодные детские рты.

— Эй! — воззвала она, выходя в коридор. — Кто мне поможет с ужином?

Ясное дело, никто не ответил. По лестнице она спустилась в гордом одиночестве.

Она приготовит фрикассе из индейки и... пожалуй, разогреет пюре-полуфабрикат — прелестный гарнир. Напоследок останутся сухие соленые крендельки.

Она колдовала на кухне, время от времени поглядывая в окно на примыкающий участок, где сосед разъезжал на газонкосилке, словно свихнувшийся великан на детском автомобильчике. Газон у нее был хилый — из-за Гарви, который с упрямой одержимостью выкапывал каждую травинку в поисках мифических костей. Вот и сейчас он попрошайничал, застыв в своей любимой позе — одно ухо кверху, другое книзу.

— Кто изгрыз щетку, Гарви? Мы его знаем?

Гарви высунул длинный язык и умильно облизал морду от уха до уха. Даже нос не забыл.

— В чем дело, Гарви? Что тебя так возбудило? Здесь опять прогуливалась эта кокетливая французская болонка с бантиком? Ты из-за нее такой чудной?

Гарви кивнул, невнятно рыча, потом жалостно заскулил. Целый день голодом морили. Все в этом доме забыли свою главную обязанность — кормление собаки. Совсем с ума посходили. Из-за пугала в чулане, что ли?

Придется его съесть.

Мэри подошла к лестнице и ласково позвала детей ужинать.

— Эй, вы, спускайтесь, иначе оставлю без ужина!

Вскоре по лестнице загроыхали носороги, и появился ее выводок. Вид у всех был презагадочный.

— Что вы еще затеяли? Признавайтесь, я вас насквозь вижу.

— Ничего, ма, — Майкл плюхнулся за стол. Герти уселась рядом и заметила фрикассе.

— Умм!

— Замолчи, милая. Эллиот, передай соль, пожалуйста.

— Я сегодня переоборудовал чулан в жилище, — невпопад брякнул Эллиот и покосился на мать.

— Какое жилище?

— Нечто вроде убежища.

— Вот как, когда же ты успел? Ведь ты был так занят превращением прибранной комнаты в свинарник?

— Так можно мне сохранить убежище?

— Надеюсь, ты не собираешься скрываться в нем от ответственности, а, Эллиот? Мальчикам не пристало проводить все время в чулане.

— Не все время. Совсем немного.

— Я должна подумать, — ответила Мэри, и дети уже знали, что мать уступила, ибо Эллиот терзал бы ее до тех пор, пока бы она не сдалась. Мэри попыталась незаметно сменить тему:

— Картошка, по-моему, удалась, не правда ли?

— Умм!

— Возьми еще, Герти, раз тебе так нравится.

— В детском саду нас кормят вкуснее, — отрезала Герти. — Нам дают большие шоколадные пряники.

— Вот как? Придется мне поговорить с директором.

— Он маньяк.

— Герти, не смей употреблять слов, которых не понимаешь!

— ...Маньяк, маньяк... — запела Герти над тарелкой.

Мэри схватилась за голову.

Тем временем скрываемый от посторонних глаз древний скиталец выбрался из чулана. Он очутился в комнате посреди кучи хлама, которую сам наворотил в поисках деталей для передатчика, в поисках, которые намеревался сейчас продолжить.

Он обвел глазами комнату. В режиме ультрафокусировки взору открылся мир электронов, мелькавших в своем орбитальном танце; но упорядоченный вихрь микрочастиц ему не поможет. Здесь нужны предметы поплотнее, такие, как... проигрыватель.

Перефокусировав зрение на нормальный диапазон, старый ученый, смешно цепляя лапами, зашлепал к проигрывателю. Пластинки на этот раз не было. Длинным пальцем он крутанул тяжелый диск.

Как же прикрепить сюда вилку?

А вот как — *сверху...*

Он удовлетворенно кивнул. Спасение придет благодаря спирально впрядаемым, вкручиваемым в ночь сигналам, ниточкам надежды, сотням миллионов ниточек, лучистых, как шелковистые волосы ивopodobного создания.

Снизу послышался стук вилок — пришелец из космоса уже хорошо различал его — и звон тарелок и стаканов, сопровождаемый трескотней землян.

— Мама, а почему дети видят то, что не можешь видеть ты?

— А что ты видела, Гerti? Гоблина у Эллиота?

— Мама, а кто такие люди, которые не люди?

Некто, который не человек, знал, что дети его не выдадут, но от маленькой девочки можно ждать неприятностей — она не понимала, к чему все эти секреты.

Впрочем, пока он был в безопасности. Ужин подходил к концу. Должно быть, съели великое множество «ММ». Возможно, скоро и ему немножко перепадет.

— Так, а кто сегодня моет тарелки?

Голос гибкого создания телепатически донесся до инопланетянина вместе с ее образом — увенчанным ниспадающими волнами лучистых волокон, которые были тоньше шелка. Если бы только нос существа больше походил на сплюсненную брюссельскую капушту...

Он снова крутанул пальцем диск.

Послышались шаги Эллиота по ступенькам, и мальчик появился в комнате с подносом в руках.

— Вот твой ужин, — прошептал он, протягивая поднос.

На тарелке лежало несколько листочков салата-латука, яблоко и апельсин. Древний знаток растительной жизни взял апельсин и съел целиком, с кожурой и семенами.

— У вас так принято?

Престарелый путешественник нахмурился — внутренний анализатор подсказал ему, что в следующий раз плод следует сначала помыть.

— Как твои дела? Все в порядке? — Эллиот заметил крутящийся диск.

Пугающего вида гость жестом показал, что хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил иглу.

В жизни все возможно,

Но это рок-н-ролл...

Старый звездопроходец прислушивался к диким выкрикам, наблюдая за вращением черного диска на проигрывателе, но мысли его были о передатчике. Корабль Волшебной Ночи не отзовется на звук камней, несущихся вниз по склону. Сигнал необходимо послать на родном языке. Как же преобразовать этот звук? Как трансформировать его частоту в микроволновый спектр?

Ухо космического странника уловило голос ивоподобного существа внизу, в прихожей.

— Гerti, что ты делаешь, душечка?

— Я иду играть к Эллиоту.

— Не позволяй себя мучить.

Девочка вошла в комнату, везя за собой тележку с игрушками. Достав из тележки горшочек с геранью, она поставила его под ноги старому ботанику.

Тот изумленно уставился на подношение. Сердце-фонарик замерцало: «Спасибо, милая девочка, я очень тронут».

Появился Гарви, обнюхал пугало и осмотрел герань. Не полить ли?

— Гарви, не увлекайся!

Вошел Майкл, втайне надеясь, что уродец исчез сам собой, но тот был жив и невредим, и с этим приходилось считаться. Майкл окинул галактического натуралиста задумчивым взглядом, потом повернулся к Эллиоту и изрек:

— Может, это просто какое-нибудь вымершее животное?

— Не будь идиотом, Майкл.

— Но я не верю в существование таких страшил...

— А я вот верю. И всегда верил.

Гerti вывалила к ногам космического растениевода остальные подарки,

— Вот немного пластилина. Умеешь с ним играть?

Инопланетянин взял пластилин в руки и поднес ко рту, явно намереваясь отхватить изрядный кусок.

— Не так, глупый, его надо мять... — Гerti показала, как это делается, и ученый принялся скатывать комок ладонями.

— У меня идея, — выпалил Эллиот. — Где глобус?

Получив из рук Майкла глобус, Эллиот поставил его перед старым звездопроходцем и ткнул пальцем в Северную Америку.

— Посмотри, мы находимся здесь...

Многоопытный странник кивнул, узнав очертания материка, на котором часто бывал, прилетая на Корабле Веков. Да, он хорошо знал эту планету, слишком хорошо...

— Угу, — сказал Эллиот, — мы отсюда. А ты откуда появился?

Старый путешественник повернулся к окну и устремил взор к звездному небу.

Раскрыв атлас, Эллиот указал на схему Солнечной системы.

— Ты из этой части Вселенной?

Ученый разделил пластилиновый комок на пять шариков и поместил их на схему вокруг центрального шарика-Солнца.

— Пять? Ты с Юпитера, что ли?

Инопланетянин не понимал их невнятный лепет. Он указал на шарики и сделал движение кончиками пальцев. Шарик взлетел в воздух и поплыл над головами детей.

Глядя, как они вращаются по круговым орбитам, бедные дети, которым казалось, будто земля уходит из-под ног, только слабо постанывали:

— О... нет...

Не обидел ли он их?

Инопланетянин снял электрическое поле, и шарики упали на пол. А он заковылял к чулану, бережно прижимая к груди горшочек с геранью.

— Мамочка! — позвала Герти. — А Эллиот держит в чулане монстра!

— Прекрасно, милая... — Мэри возлежала на софе в гостиной, положив на валик ноги и прилагая отчаянные усилия, чтобы не прислушаться к детской болтовне, что, впрочем, становилось уже невозможным, так как Эллиот внезапно ни за что ни про что отвесил сестренке оплеуху скатанной в трубочку газетой.

— Уу-аааааааааа! — истошно завизжала Герти. — Гадкий Эллиот, ненавижу тебя!

— Сейчас же прекратите! — взвилась Мэри, стараясь не потревожить маску; под толстым слоем крема, похожего на колесную мазь, магически разглаживались морщинки на лице, во всяком случае она надеялась, что разглаживались. — Эллиот, не смей обижать Герти!

— Почему?

— Она твоя сестра как никак.

— Пойдем, Герти, — неожиданно миролюбиво позвал Эллиот, — поиграем.

— Это другое дело, — удовлетворенно хмыкнула Мэри, блаженно опустив голову на подушку. Она смотрела из-под толщи крема — ощущение было такое, словно ей в лицо запустили торт. Ничего, вот соскребет маску — и все ахнут, увидев... новую Мэри! Лишь бы дети не слишком шумели. Мэри прислушалась — Эллиот с Герти выходили через заднюю дверь. Каким уступчивым бывает он, когда захочет...

— Еще выкнешь хоть слово про монстра, — угрожающе зашипел Эллиот, когда вывел сестренку во двор, — я все волосы выдергиваю у твоих кукол.

— Только посмей! — выкрикнула Герти.

— Понимаешь, Герти, этот монстр вовсе не монстр, а чудесный подарок нам. — Эллиот мучительно старался облечь свои

мысли и ощущения в слова о том, что в их жизни произошло грандиозное событие, что это лучшее из всего, что когда-либо было. — Мы должны помочь ему.

— Ну и что, а мне он кажется просто большой игрушкой, — настаивала Герти.

— Сама ты игрушка. Это чудесное существо *оттуда*, — он указал на небо.

— Все равно он похож на игрушку, — Герти надула губки. — А мамочка сказала, что мы должны делиться игрушками.

— Хорошо, я поделюсь с тобой. Но обещай хранить тайну.

— Тайна, тайна... — запела Герти, — я знаю одну тайну...

Она посмотрела на Эллиота с затаенным ехидством.

— Что дашь, если я не скажу?

— А что ты хочешь?

— Твой уоки-токи*, — заявила Герти с победной улыбкой. Нет больше радости в жизни, чем заставить брата пойти на уступки.

— Ладно, — угрюмо согласился он, — можешь взять.

— А еще ты должен играть со мной в куклы.

В глазах у Эллиота появилось затравленное выражение.

— ...И все куколки пьют чай... — Герти накрывала игрушечный стол, вокруг которого восседала компания кукол. — А моя кукла говорит твоей: «Правда, мальчишки ужасные?» А твоя кукла отвечает...

Эллиот выслушал, что именно должна ответить его кукла, и повторил это вслух, покачивая в такт кукольной головой и протягивая ручку куклы к чашке. Он вспомнил (при этом лицо его осветилось улыбкой, которая тут же сползла), как бывало носился на роликовых коньках по Гертиным чаепитиям, разметывая по сторонам их участниц, опрокидывая стульчики и столы, и укатывал прочь, хохоча во все горло. Неужто эти прекрасные времена прошли безвозвратно?

Мэри, проходя мимо, заглянула в дверь.

— О, Эллиот, как мило с твоей стороны!

— Эллиот будет играть со мной в куклы *каждый вечер!* — радостно сообщила Герти.

Кукла Эллиота со стоном рухнула под стол.

Придя сражаться в «Драконов и демонов», Тайлер нарвался на невероятную сцену: на кухне Эллиот с Герти хлопотали над ее игрушечной плитой. Эллиот был в фартуке и держал в руке крохотную формочку для кекса.

*Уоки-токи — портативное радиопереговорное устройство.

— Эй, ты что, чокнулся? — Тайлер, тощий, преждевременно вытянувшийся долговязый мальчишка, оперся о дверной косяк. Казалось, он весь состоит из одних только рук и ног, отчего Эллиот дразнил его Кеглей; Тайлера эта кличка очень уязвляла — он страшно боялся, что вымахает до семи футов.

— Чего варганишь, Эллиот? — Тайлер сложился пополам над малюсенькой плитой, над которой самозабвенно суетилась Герти, в то время как порабощенный Эллиот замешивал на воде глину.

— О-о-о! — Тайлер издевательски потянул носом, — похоже на рагу с подливкой. Дашь попробовать?

— Исчезни, Тайлер, — процедил Эллиот, вытирая руки о пестрый фартук.

— Пожалуйста, но я хотел напомнить, что у нас намечалась игра в «ДД».

— Он будет играть только со мной, — вмешалась Герти. — До конца жизни.

Распахнулась задняя дверь, и на пороге появился Грег-орк. Цветастая рубашка придавала ему сходство с тающей неоновой сосулькой — впечатление усиливали его вечно мокрые губы.

— Эй, что здесь происходит?

— Ничего, Слюнтяй, — прошипел Эллиот, не отрываясь от «теста».

— С Эллиотом мы вдвоем, ой, как весело печем, — пропела Герти.

Грег развернул к себе стул, обхватил руками спинку и уселся, ехидно ухмыляясь.

— Кажется, я все понял, — протянул он, сочувственно разглядывая Эллиота. До сих пор Эллиот, как и любой другой нормальный брат на свете, играл с сестрой только в игры, от которых сам получал удовольствие. Вот забава, например, защекотать ее до синевы — он не раз сам проделывал это с сестренкой. Или, еще лучше, привязать ее к дереву и потом щекотать. А верх восторга — ворваться к ней в ванную с приятелями и показывать пальцем, давясь от смеха, пока она визжит в воде. Но то настоящая игра! А эта? Грег задумался.

В окне кухни возник четвертый член команды, сражавшейся в «Драконов и демонов», Стив. Его голову украшала бейсбольная шапочка с дурацкими трепыхающимися крылышками. Взявшись обеими руками за крылышки, он насмешливо потряс ими и после столь жизнерадостного приветствия вошел в дом.

— Вот только скажи что-нибудь! — рявкнул Эллиот, засовывая «кексы» в плиту.

— А что тут говорить? — Стив весело помахал крылышками. — Всякое случается.

Он не забыл, как его шантажировала собственная сестра. Нет, мужчине всегда надо быть начеку, держать двери на запоре

и соблюдать светомаскировку.

— Мы с Эллиотом открыли лавку-пекарню, — похвасталась Герти, бубня под нос песенки о своей омерзительной выпечке. — И все, даже Санта Клаус, приходят к нам покупать печенье. — Она закрыла дверцу духовки. Потом обернулась к Эллиоту с таким ехидным выражением лица, что было ясно — про гоблина наверху она не забыла.

Эллиот перекосялся и принялся испуганно замешивать следующую порцию «теста».

Ночью инопланетянин приподнял голову над подушкой и увидел Эллиота, который карабкался на черепичную крышу из окна спальни.

Что задумал мальчик?

Межзвездный странник наблюдал из оконца своего убежища, как Эллиот прокрался по покатой крыше, начал спускаться по лесенке в огород и в следующий миг исчез.

Старый путешественник установил с мальчиком телепатическую связь и увидел, что тот, выйдя за ограду, направился прямехонько к холмам. Может, хочет поискать что-нибудь вкусненькое для своего друга в чулане?

Нет, мальчик выбрался на зловещую противопожарную просеку, где начались все неприятности.

Вдруг нежные телепатические антенны в голове инопланетянина судорожно дернулись — он уловил в ночи позвякивание зубов на кольце у обитателя ужасного трофея.

Не одному только Эллиоту вздумалось вернуться на просеку.

Там были и другие, рыскавшие в темноте в поисках... Кого?

Нетрудно догадаться — его, конечно же.

Он услышал тяжелую поступь и вздрогнул — прямо в глаза ему был устремлен холодный, пристальный взор землянина, телепатически рассекающий ночь.

Престарелый ученый отключил внутреннее радарное устройство и сжался в комок. Они искали его, сам своими слепящими огнями. Прочесывали лес, не оставляя самого малого островка, их внутренние радары подсказывали — инопланетянин где-то здесь, мы непременно отыщем его.

И набьем из него чучело.

И выставим в витрине.

Ученый потянулся за печеньем и нервно сжевал его. Нельзя, чтобы его нашли. А ведь они так близко. Эллиот, правда, так и следит за ними... Что если мальчика схватят? Могут ли его заставить отдать несуразной формы существо, затаившееся в чулане?

Он умоляюще посмотрел на герань. Растеньице повернуло к нему свои побеги. Тугие бутоны набухли, развернулись, и в тот же

миг герань словно вспыхнула пламенем ослепительно-ярких алых цветков. Но вот растение тяжело вздохнуло, съежилось и на глазах увяло — видимо, чрезмерное усилие стоило ему слишком дорого. Космический ботаник кончиком пальца ласково погладил умирающий цветок и что-то прошептал. Его слова, квинтэссенция опыта бесчисленных миров, вдохнули жизнь в растение, которое востепенулось и зацвело с новой силой.

— Твой язык таит секрет жизни, Хозяин, — прошелестела герань.

Да, но, к сожалению, он не знал языка его друзей землян...

Древний путешественник поскреб голову. Он должен овладеть их языком, чтобы выжить.

Герти притащила ему азбуку. Раскрыв книжку на коленях, он после изрядных мучений отыскал букву «М».

Затаившись в кустах возле просеки, Эллиот следил за агентами, которые рыскали вокруг, обшаривая лес светом своих фонарей. Если его обнаружат, он скажет, что натаскивает собаку.

Гарви распластался рядом, дрожа от возбуждения. Дворняжку неудержимо тянуло выскочить из засады и вцепиться в ногу человека с ключами.

— Ничего мы сегодня не найдем, — сказал один из агентов.

— Знаю. И все же я печенкой чую, что за нами наблюдают, — человек с ключами посветил в окаймлявшие просеку кусты. — Но кто?

«Голодающий пес, вот кто», — подумал Гарви и пополз было проверить, не припасен ли аварийный собачий паек в припаркованной невдалеке машине, но Эллиот удержал его.

— Не трепыхайся, Гарви... — цыкнул мальчик, увлекая пса назад, в густые заросли. В следующее мгновение они с Гарви бесшумно соскользнули с песчаного склона.

Мириады звезд зажглись на ночном небосклоне. Глядя на яркие звезды, Эллиот подумал, что у него в чулане спрятана величайшая из тайн неба. Он никогда не выдаст эту тайну, пусть с ним делают, что хотят, хоть пытаются.

— Гарви, — торжественно произнес Эллиот, — мы с тобой хранители бесценного сокровища. Ты это знаешь?

Гарви мрачно смотрел перед собой. Он знал только, что в мире мало, ужасно мало собачьей пищи.

— Я люблю его, Гарви. У меня никого лучше не было. — Эллиот задрал голову, пытаясь угадать, с которой из звезд прилетел его новый друг.

«Со всех», — шепнул лунный свет.

Гарви наострил уши.

Что там за шорох? Не везут ли корм для собак?

Он с надеждой огляделся по сторонам, но вокруг не было ни души.

Мэри разбудил шум на крыше. Она сняла с глаз травяные примочки и привсталала.

Звук не повторялся, в доме стояла тишина. Мэри подошла к окну и выглянула наружу. Двор был пуст, если не считать Гарви, который, точно взбесившись, остервенело рыл землю.

Задернув шторы, не желая видеть ополоумевшего пса, Мэри снова легла в кровать. В доме определенно творилось что-то неладное, она это чувствовала. Но что? Что замышляют ее дети?

Она расправила подушку и сонно обняла ее. Перед глазами поплыли прерванные шумом картинки сна. Она кружилась в танце, ах, как здорово, с... кем-то, едва достававшим ей до талии.

Веки отяжелели; заиграла неземная музыка — странные, неведомые звуки, словно космические позывные, «блип, блип» — и вот она снова кружится в вихре танца, не замечая партнера, который головой уткнулся ей в живот.

— Мы должны рассказать, Эллиот. Дело слишком серьезное.

— Нет, он хочет остаться с нами.

Братья шагали к остановке автобуса, на котором ездили в школу. Майкл казался озабоченным. Весь его мир, все представления словно перевернулись вверх тормашками. В голове роились бредовые мысли про орбиты спутников, про поверхность Меркурия... И это вместо того, чтобы думать о приземлении мяча в зачетном поле, захватах и нырках...

— Он же прилетел из космоса, Эллиот. Мы не знаем, что ему здесь нужно, что он собирается делать дальше. В одно прекрасное утро мы проснемся на Марсе или еще подальше, и вокруг будут кишмя кишеть эти тыквоголовые.

Эллиот не слушал брата — его внимание привлек незнакомый человек на утренней улице.

— Взгляни-ка, — потянул он Майкла, — ведь это не наш молочник?

— Видно, наш в отпуске — это совсем другой парень.

— Послушай, Майкл, в окрестностях появились люди, которых здесь раньше никогда не видели. Взгляни на ту машину, в которой сидит какой-то тип и делает вид, что читает газету... Они ищут нашего гоблина!

— Они? А кто они такие?

— Их здесь полно. Даже в горах.

— Пораскинь мозгами, Эллиот, как найти выход.

— Ему нужно время, чтобы придумать, как спастись.

— А может, он не такой уж умный, а как рабочая пчела — только и умеет кнопки нажимать?

— Майкл, он... он настолько опередил нас в развитии — ты даже не представляешь.

— Тогда почему он живет в чулане?

— Ему не повезло. Но мы все исправим.

— Эллиот, мы с тобой всего лишь безмозглые молокососы, неужели не понимаешь? Если кто ему может помочь, так это ученые и так далее. Ребята с мозгами. Они возьмут анализы, будут его кормить, как полагается.

— Мы его кормим досыта.

— Печеньем? Разве это еда? Может, это его убивает, а мы даже не подозреваем?

Эллиот помрачнел, и в голосе его послышались напряженные нотки.

— Майкл, если мы отдадим его кому-нибудь, он *никогда* не вернется домой. Я знаю наверняка.

— Каким образом, Эллиот? Откуда тебе знать?

— Сам не понимаю. Это словно сидит во мне. И повторяется снова и снова. Он выбрал нас, потому что больше никто ему не поможет.

— Но почему именно нас? Кто мы? Ни денег, ни ума особенного... Даже отца у нас нет.

— Ерунда. Он все понимает. Мы нужны, чтобы... чтобы помочь ему наладить...

— Что наладить?

— Один... одну штуковину, — Эллиот замялся; словно очнувшись от сна, он безуспешно пытался вспомнить, что ему приснилось. А во сне он видел устройство, в котором так нуждалось космическое существо. Навеянный образ уже улетучился, да и до остановки автобуса было рукой подать.

Тайлер, Стив и Грег уже ждали их, поддразнивая друг друга. При виде Эллиота они обрушили на него град насмешек.

— Эй, Эллиот, как дела в пекарне? Готов ли фруктовый пирог?

— Шел бы ты, Тайлер...

Грег, брызжа слюной, посоветовал Эллиоту, как быть с Герти — засунуть ее в корзину с бельем. Совет казался не лишним здравого смысла, в другое время Эллиот, возможно, и прислушался бы к нему.

Стив помотал крылышками шапки.

— Послушай, Эллиот, я забыл спросить — что случилось с твоим гоблином? Он не возвращался?

Нескончаемые, изматывающие игры в куклы и в дочки-матери с ненасытной Герти, выпечка бесчисленных земляных «пирожков с фруктами» и накопившаяся тревога доконали Эллиота. Он не выдержал и взорвался:

— Вернулся! Только никакой он не гоблин. Он пришелец из космоса!

— Как ты сказал, пришелец из космоса? — вкрадчиво прогнусавил Лэнс, маленький рыжий мальчишка, проталкиваясь к Эллиоту. — А ты знаешь, сколько лететь от Земли до Урана?

— Плевать я хотел на твой Уран, мурло, — огрызнулся Эллиот, уже осознав свою ошибку. А глазки у Лэнса разгорелись, как у крысы, почуявшей добычу.

Подъехал автобус, и дети вошли в салон, удивленно косясь на незнакомого водителя.

— Эй, а что случилось с Джорджем?

— Он заболел, — ответил новый шофер, которого никто из детей прежде не видел.

Герти прогуляла детский сад. Она прикинулась, что больна, и сторож отвез ее домой, где можно было без помех всласть поиграться со страшилищем. А то Эллиот присвоил его себе и не позволяет с ним играть.

Девочка принялась складывать в тележку игрушки, которые, на ее взгляд, должны были прийтись уродцу по вкусу. Вот бы он навсегда остался у них в доме и женился на мамочке!

Она проволокла тележку по коридору в комнату Эллиота, открыла дверь чулана и втиснулась с нею внутрь. Монстр посмотрел на Герти и закатил глаза. Герти счастливо захихикала и уселась рядом.

— Ты ведь большая игрушка, да, монстрик? — спросила она, оглядывая чудовище с головы до ног. — А если не большая игрушка, то кто?

Инопланетянин забился в угол, вид у него был испуганный. Девочка же, наоборот, перестала бояться, потому что ночью ей приснилось, будто страшила повел ее гулять по звездам, далеко-далеко. Он держал ее за руку и показывал чудесные цветы, а необыкновенные птички пели и садились ему на голову, и вокруг разливался удивительно мягкий свет.

Теперь девочка сама взяла его за руку.

— Не бойся, монстрик, — сказала она. — Это как во сне. — Она погладила его по руке, как гладила Гарви. — Мы с Эллиотом позаботимся о тебе, так что не беспокойся, хоть ты и большая игрушка. Здесь в тележке мои куклы, видишь? Смотри, какие у них красивые прически. А вот у тебя совсем нет волос. Ты это знаешь?

Инопланетянин смотрел на щебетавшую девочку и думал, что хотя общество ребенка и более приятно, нежели, скажем, общество собаки, но способны ли такие дети помочь? Да, они могут его спрятать на какое-то время. Но он остро нуждается в совершенных технических устройствах, а не в тележке с куклами.

— ... а это моя скалка, а вот мой фермерский наряд — прав-

да, красивый. А это моя «Скажи правильно». Ты знаешь такую игру?

Длинные пальцы древнего странника обвились вокруг блестящей прямоугольной коробки. Внезапно он насторожился, а сердце-фонарик затрепетало.

— Она учит правильно говорить и писать, — поведала Герти. — Вот смотри...

Она нажала кнопку, на которой была буква «А». Устройство заговорило мужским голосом.

— А ... — произнесло оно.

Герти нажала кнопку с буквой «Б».

— Б... — сказал голос.

Старый ученый надавил кнопку «М» и услышал:

— М...

— Теперь внимание, — предупредила девочка, нажимая на кнопку «Старт».

Коробка заговорила:

— Скажи правильно: «Механик».

Герти взялась поочередно нажимать на кнопки, но, судя по всему, была пока не в ладах с орфографией. Устройство сказало:

— Нет. Неправильно. Попробуй еще раз.

Вторая попытка оказалась не лучше. Голос неодобрительно изрек:

— Это неправильно. Правильнее будет «м-е-х-а-н-и-к».

Глаза инопланетянина загорелись. Прибор научит его говорить на их языке. Это хорошо. Но куда важнее, несоизмеримо важнее то, что прибор этот — компьютер!

Его телепатический шуп уже проник внутрь устройства, исследуя микропроцессор, синтезатор речи и ячейки памяти.

— Эй, ты не заболел? — Герти прикоснулась к старому ботанику, руки которого заметно дрожали.

Он кивнул ребенку, не спуская глаз с драгоценного прибора; мозг лихорадочно работал, перебирая варианты, отыскивая альтернативы, анализируя прямые и обходные пути к спасению, зародившиеся благодаря крохотной коробочке.

Герти усердно нажимала на кнопки.

— Скажи правильно: «Досада», — произнес голос.

Известный в галактических кругах ученый смотрел на девочку, наблюдая, как та коверкает очередное слово, и дожидаясь, пока ей надоест игра.

— Ну вот, — сказала Герти, наигравшись вдосталь, — хватит с вас на сегодня, мистер Монстр. Но я еще вернусь.

Девочка усакала прочь. Ученый положил коробочку на колени, перевернул ее и снял заднюю крышку.

Чудо из чудес...

Цепenea от восторга, он погладил микросхемы.

Вот главная деталь для передатчика.

С хрустом он сжевал печенье и принялся за работу. Пристальному взору открылась схема «Скажи правильно»; в следующий миг инопланетянин был уже посвящен во все тайны прибора. Процесс и методы накопления информации — детская забава для старого космопроходца. Он асс по компьютерам. Но занятно, право, что этот разговаривает!

— Скажи правильно: «Механик...»

Раскрыв ушной клапан, он напряженно прислушивался к голосу устройства, быстро схватывая основные фонемы и вникая в структуру языка.

— Скажи правильно: «Досада...»

Сложнейшие механизмы головного мозга астроботаника напряженно работали, накапливая, анализируя и синтезируя гигантскую информацию. Глаза остекленели — мозг переключился на усвоение. На других планетах — в мертвых, затерянных мирах — он изучал первоосновы древних языков и в конце концов овладевал ими. Вот и сейчас у него на коленях такая основа — «Скажи правильно», электронный краеугольный камень, с помощью которого он выучит буквы и звуки языка землян.

— Скажи правильно: «Холодильник...»

Слово высветилось на внутреннем радаре, и старый ученый как бы воочию узрел его значение, увидел холодильник, место для хранения молока и печенья.

— Хол...лод...диль...н...ник... — рот словно охватывал сразу и звучание и смысл слова. Казалось, даже желудок принимает участие в усвоении незнакомых слов, настолько все существо пришельца сконцентрировалось для овладения драгоценными звуками.

После такой разминки подключился и заработал всюду центр речи его удивительного мозга, в памяти всплыли тысячи накопленных языков, которые он использовал как отправные точки для сравнения с земным. Вскоре он уже понял и легко усвоил основу новой лексики и перешел к изучению нюансов.

— Кон...фе...та..., пи...рож...но...е...

В ближайшее время он наберет достаточный словарный запас, чтобы суметь объясниться в любом обществе и высказать самые сокровенные мысли.

— Мо...ро...же...но...е...

Он нажимал и нажимал кнопки. Какой симпатичный прибор, одновременно учитель и товарищ. Но главное — в другом.

Говорящий на языке Земли прибор со встроенным компьютером можно обучить и другому языку — его собственному. На нем он и пошлет сигнал звездам.

Единственной ошибкой, которую допустил инопланетянин, было то, что он не отключил телепатической связи с Эллиотом. Иг-

ра «Скажи правильно» так захватила древнего натуралиста, что он совсем забыл о мальчике, о тонком телепатическом мостике с ним, и его другу пришлось из-за этого очень туго.

На уроке биологии предстояло препарировать лягушку. Учитель уже готов был начать.

— Мы надрежем кожицу и посмотрим, что у них внутри, — учитель указал на банку с живыми лягушками. Потом он взял в руки лягушку и провел вдоль ее брюшка красную черту. — Линия надреза пройдет так... Эллиот, что ты там вытворяешь?

Учитель недоуменно смотрел на журнал лабораторных занятий, который Эллиот лихорадочно покрывал диаграммами мудреных электронных цепей, будто в него вселился бес.

Бесом был, конечно, инопланетянин, сидевший в чулане и, сам того не желая, внушавший Эллиоту тайны цифровой речи и программируемой памяти.

Но учитель этого не знал. Его ученик, один из не самых управляемых, сегодня совершенно игнорировал урок — он иступленно чертил какие-то дикие каракули, не обращая внимания на стекающий со лба пот и устремленные на него взоры всего класса.

— Эллиот! — прикрикнул ошеломленный учитель.

Мальчик строчил как одержимый; исписав листок, перекинул-ся на поверхность стола, пока рука не повисла в воздухе. Тогда он встал, вышел на середину класса, сорвал схему анатомического строения лягушки и принялся рисовать мелом на доске.

Тайлер, Грег и Стив раскрыли рты от изумления. Тайлер, вытянув под столом ногу, лягнул Грега в щиколотку. Потом указал на Эллиота и выразительно покрутил пальцем у виска.

Грег, с мокрым от возбуждения ртом, кивнул в ответ. Эллиот, словно загипнотизированный, выводил на доске загадочные диаграммы, похожие на радиосхемы.

— Молодой человек, немедленно сядьте на место! — иступленно закричал учитель.

Он вцепился мальчику в руку. Рука походила на пульсирующий железный прут: влекомая сверхъестественной силой, она продолжала выводить на доске таинственные звкорючки. В классе творилось что-то невообразимое.

— Занятие окончено! Эллиот!

Кусочек мела надломился под пальцами Эллиота и упал на пол. Мальчик повернулся к учителю, взор его был затуманен, а мозг все еще анализировал знания, которых хватало бы на целый штат специалистов огромной компьютерной корпорации и которые свалились на него сразу непонятно откуда.

Учитель вытащил нерадивого ученика за шиворот в коридор.

— ...аналого-цифровому... — бормотал Эллиот. С кончика его носа свисала капля крови.

Стив вынул из кармана бейсбольную шапочку, натянул на голову и расправил крылышки; ошарашенно трясая головой, он

наблюдал, как Эллиота поволокли к директорскому кабинету.

— Да, не миновать ему взбучки.

— По-моему, он совсем спятил, — авторитетно произнес Тайлер.

— Может, он наглотался материнских таблеток для похудения, — предположил Грег. — Мэри в последнее время откальвала штучки и почище.

— Послушайте, — убежденно заговорил Стив, — во всем виноваты пироги из глины, которые он пек. Я-то знаю, до чего могут довести младшие сестренки. — Он разгладил крылышки шапки. — Всю жизнь могут загубить.

Герти оторвалась от альбома для раскрашивания. К чему такое пустое занятие, когда можно повозиться со страшилой? Что-то (непонятно что) увлекло ее из чулана, но теперь она снова готова играть с монстриком.

Девочка пересекла коридор и вбежала в комнату Эллиота. Тут она вспомнила, что во сне они со страшилой где-то далеко-далеко рука об руку скользили вниз по водопаду.

Она открыла дверь чулана. Жутковатой наружности существо забавлялось со «Скажи правильно». Герти заглянула в огромные, чудные глаза и увидела в них отражение приснившегося водопада — вода весело плясала и переливалась всеми цветами радуги.

Старый путешественник отложил прибор в сторону. Он чувствовал удовлетворение, досыта напичкав мозг сложными микросхемами — лучшей интеллектуальной пищи со времени высадки на Землю он не имел.

Но он совершенно забыл про детей, а это недопустимо: дети ему абсолютно необходимы. Без них у него ничего не выйдет. Крохотные ручки девочки, например, вручили ему бесценную «Скажи правильно»! Какие другие сюрпризы она заготовила?

— Идем, монстрик. Никого нет, не бойся...

Герти повела его за руку. Ее пальцы утонули в огромной морщинистой ладони, на которой была начертана судьба космического существа — он вернется к звездам благодаря трем маленьким детям с Земли.

Герти, приплясывая, вытащила его из комнаты в коридор.

— Пойдем же, тебе понравится...

Он уже понимал, о чем щебечет девочка — день, проведенный с речеобучающим устройством «Скажи правильно», не пропал даром. Настала пора немного попрактиковаться в новом языке...

— Скажи правильно: «Механик».

Герти воззрилась на него:

— М-е-х-о-н...

— Неправильно.

— Ой, да ты говорить умеешь! — она привела его в спальню Мэри, и в воображении инопланетянина тут же возник телепатический образ изящного, похожего на ивовую веточку создания. Образ нежный и красивый, но от него веяло одиночеством.

Милое гибкое существо, славный ивовый пруттик, не думай о Мексике, ведь здесь рядом, совсем близко — привлекательный и элегантный поклонник...

«Блип-блип...»

Он проковылял к окну и увидел, как властительница его грез остановила машину напротив овощной грядки. Неужели родственная душа? Любит овощи, как и он? Это ли не основа для установления отношений? Только посмеет ли он явить ей свой баклажаноподобный облик?

Нет, это безумие. Она не поймет, почему он прячется в чулане. А он не сумеет объяснить, несмотря на почти совершенное владение ее языком. Скажи правильно: «Досада»!

— Мамочка в огороде, — сказала Герти. — Она нас оттуда не услышит.

Девочка на цыпочках подкралась к телевизору и включила его. На экране появился скачущий Маппит с выпученными, как у инопланетянина, глазами.

Старый ученый придвинулся к экрану поближе.

— Умеешь считать до десяти? — спросил Маппит, пялясь на Герти.

— Да, — ответила девочка.

— Один... — начал Маппит.

— Один, — сказал инопланетянин.

— Два! — пропела Герти, забегая вперед. — Двадцать, тридцать, сорок, пудюсят!

— Пудюсят, — повторил инопланетянин.

Маппит лихо отплясывал, выбрасывая в стороны огромные ступни. Герти подозрительно посмотрела на перепончатые лапы космолога.

— Ты Маппит? — спросила она.

— Нет.

— Яблоко, — проквакал Маппит.

— Яблоко, — эхом отозвалась Герти.

Космический растениевод бочком продвинулся к задней стенке телевизора, чтобы лучше разобраться в его устройстве. Телепатический шуп подсказал — чтобы перевести сигнал «Скажи правильно» в микроволновую частоту, необходим ультравысоко-частотный тюнер. Скажи правильно: «Пеленгатор».

Вот он — надо его только извлечь. Правда, он принадлежит стройному созданию... Инопланетянин ощущал ее привязанность к одной из программ, в которой участвовал мужчина, играющий мускулами и совершающий дикие прыжки, — все это с идиотской ухмылкой на лице.

«И все же я вынужден позаимствовать эту деталь, временно».

Герти радостно визжала, и не успел добрый ботаник вытащить тюнер, как девочка нахлобучила ему на голову ковбойскую шляпу, под стать собственному сомбреро.

— Ну вот, монстрик, теперь мы с тобой ковбои.

— Будь хорошей, — с достоинством произнес заслуженный астроботаник, опасаясь, что визг ребенка может привлечь мать.

Старый путешественник, цепляясь за ковер, прошлепал к окну и выглянул наружу. Гибкого создания не было видно.

Он сдвинул на лоб ковбойскую шляпу и указал на коридор, по направлению к своей комнате:

— Дом.

— Ну-ка, повтори!

— Дом!

Герти так и покатилась от смеха.

— Герти, — донесся снизу голос матери. — Ты еще в жизни не видела такой огромной тыквы. Хочешь посмотреть?

— Мамочка, я играю с... с...

— Не шали. Не шали, будь хорошей, — быстро забормотал инопланетянин.

Для вящей убедительности он схватил куклу и заломил ей руку. Он знал, что это действует на не в меру разошедшегося ребенка подобно выключателю.

И действительно, девочка мигом затихла.

Стараясь не шуметь, он повел ее по коридору, остановившись на мгновение, чтобы полюбоваться из-за перил на мать Герти, которая сидела за столиком в прихожей и просматривала корреспонденцию.

Вокруг стройного существа сияла ласковая аура радужного света, на краешке которой ученый несколько секунд понежился.

— Идем же, монстрик, — шепнула Герти.

Она затащила его в заваленную хламом комнату Эллиота. Дверь в чулан стояла нараспашку, и девочка втолкнула страшилу в убежище. Тут же снизу послышался голос Эллиота:

— Привет, я пришел.

Герти забралась в чулан к пришельцу из иных миров. Взяв в руки «Скажи правильно», она надавила на кнопку с буквой «Б». На дисплее возникла буква, подобно которой на Земле еще не выдвали. Да и голос, раздавшийся из коробки, произнес вовсе не привычное и родное «Б», а...

— ...Блип.

Или нечто, очень похожее, во всяком случае — совершенно бессмысленное; компьютерный чародей кротко улыбнулся, отчего стал совсем похож на черепаху.

— Неужели мой «Скажи правильно» сломался? — недоуменно спросила девочка.

Нет, — ответило древнее существо. Ему удалось успешно перемодулировать сигнал, разрушив все связи в ячейках памяти и запрограммировав их на новом, ласкающем слух лексиконе.

Дверь в чулан распахнулась, и влетел Эллиот.

— Эллиот, — промолвил инопланетянин.

У мальчика отвисла челюсть.

- Я научила его разговаривать, — похвасталась Герти.
— Ты заговорил! — не веря своим ушам, воскликнул Эллиот.
— А ну, еще разок!
— Эллиот...
— Ну а ты можешь сказать — Ип?
— Ип, — покорно повторил инопланетянин.
В дверь комнаты трижды постучали.
— Это Майкл, — успокоил Эллиот. Они выбрались из чулана, и одновременно в комнату вошел Майкл.
Старый ботаник посмотрел на него и открыл рот:
— Скажи правильно: «Механик».
— М-е-х-а... Что ты сказал?
Эллиот фыркнул.
— Мы научили его разговаривать.
— Это я научила! — возмущенно поправила Герти.
Майкл шагнул вперед.
— Чему еще тебя научили?
— Скажи правильно: «Досада».
— Это все, на что он способен — просить что-нибудь правильно сказать?

Престарелый скиталец скромно потупил очи. Он еще не слишком хорошо воспринимал речь детей на слух, но знал, что самое необходимое объяснить сумеет: например, не забывать кормить его вовремя печеньем и «ММ» и стащить у матери ультратравмоустойчивый тюнер.

Беседу прервал телефонный звонок, и затем голос Мэри:
— Эллиот, тебя!

Эллиот вышел в коридор, снял трубку параллельного аппарата и понес в комнату, волоча длинный шнур.

— Привет, Эллиот, — ухо резанул гнусавый, дребезжащий голос. — Это Лэнс. — Эллиот насторожился, почувствовав опасность. Ведь если Лэнс ему когда и звонил, то лишь для того, чтобы наврать, сколько выбил очков, играя в «Астероиды». А теперь — так и копает, так и вынюхивает и несет всякий вздор про Сатурн, гору Олимп на Марсе, загадки космоса... — Да, Эллиот, космос, космос и только космос. Словно в мозгах засело. Странно, да? Тебе вообще не кажется, что происходит что-то непонятное? Вот сегодня...

— Я занят, — резко оборвал Эллиот, швырнул трубку на рычаг и вытер пот со лба. Лэнс явно что-то унюхал, это очевидно.

Старому ученому, телепатически присутствовавшему при разговоре, это тоже было ясно. Он все еще ощущал вибрацию биополя не в меру любопытного ребенка: от такого жди... скажи правильно: «Неприятности».

Время дорого. Он указал на телефон, потом — на окно.

— Что? Что ты хочешь, Ип?

Инопланетянин показал на телефон, на окно и махнул рукой в сторону неба.

— Звонить домой.

— Ты хочешь... позвонить домой?

Он кивнул:

— Ип звонить домой.

— Нет, Эллиот, не стоило обзывать учителя ползучим гадом.

— А чего он взъелся? Я просто пошутил.

— Что с тобой творится в последнее время?

— Со мной все в порядке, мам. Всего лишь фаза такая.

Это пройдет.

— Не строй из себя психиатра. — Мэри выбрала диетический крекер и с хрустом вонзила зубы в безвкусное печенье. Есть хотелось до сумасшествия, но она держалась из последних сил: уступи искушению, и в один присест она могла бы уплести целую булку с маслом и малиновым джемом. А как еще бороться с бесчисленными треволнениями, безмянными и теми, у которых есть вполне определенное имя — такое, как Эллиот?

— Мамочка, а ты настоящих чудовищ видела? — спросила Герти.

— Сколько угодно, — бодро ответила Мэри и подумала: «Более того, я побывала замужем за одним из них».

— А я дружу с взаправдашним чудовищем, — заявила Герти.

Эллиот мгновенно выхватил у сестры куклу и свернул ей шею.

— Эллиот! — завизжала Герти, но тут же осеклась. — Прости, я забыла...

— Бога ради, Эллиот, — взмолилась Мэри, — не будь садистом.

Герти захлопала носом и стала гладить пострадавшую куклу, а рассвирепевший Эллиот смотрел на нее уничтожающим взглядом. Мэри взяла ломоть хлеба, густо намазала маслом и увенчала несколькими ложками джема. Разделавшись с внушительным сооружением, она вдруг ощутила себя настолько растолстевшей и отяжелевшей, что в утешение приготовила и с жадностью проглотила еще один бутерброд, не уступавший первому.

— Мам, — сказал Майкл, — так и всю булку съесть недолго.

— Замолчи, — приглушенно бросила Мэри и потянулась к хлебу, но Майкл проворно убрал булку подальше, Герти схватила джем, а Эллиот спрятал масло.

Она посмотрела на детей.

— Спасибо.

— Мама, которая объела весь мир, — продекламировал Майкл.

— Верно, верно, — пробормотала Мэри и сорвалась мыть тарелки, отгоняя прочь предательские мысли о бутерброде.

— Не подпускайте меня к еде. Спрячьте ее как можно дальше.

Так они и сделали. Попрятали еду за спины, отнесли наверх и скормили Ипу.

«Скажи правильно» было не узнать: выпотрошен, схемы перебраны, подсоединены по-новому и то тут, то там заляпаны малиновым джемом. Вместо «механик», «досада» и других земных слов прибор выдавал теперь звуки, воспринимавшиеся на слух как нечто вроде «дуп-дупл», «скигл», «цлок».

Довольный инопланетянин нажимал на кнопки, демонстрируя сидящим рядом мальчикам работу устройства.

— Это твой родной язык, Ип?

— Ип звонить домой, — он указал на оконце чулана.

— И они прилетят?

Кивок головой.

Пока он изготовил только часть передатчика — звукопередающий блок. Его нужно установить под звездами, обеспечить бесперебойную работу днем и ночью, чтобы никому не приходилось нажимать на кнопки. Но необходимо найти движущую силу, способную поддерживать повторение, цикл за циклом.

Ученый увлек мальчиков из чулана за собой и подвел к проигрывателю. Жестами, короткими фразами и отрывистым ворчанием он изложил суть дела.

Но дети только хлопали глазами.

Он показал на тяжелый диск и жестом изобразил, что ставит пластинку.

По-прежнему полное недоумение.

Вконец расстроенный, старый натуралист в изнеможении зашагал взад-вперед по комнате, потом резко повернулся, открыл рот и попытался пропеть:

— Но эттт...та...роокк ...к...н...роллл...

Возможно, в каких-то кругах Вселенной его голос показался бы мелодичным, но у детей он вызвал только хихиканье. Звездный странник ожег их испепеляющим взглядом.

— Ип делать песня.

Дети непонимающе уставились на него.

— Песня, песня, Ип делать песня, — он взял пластинку и выразительно помахал ею в воздухе.

— Ты хочешь сам сделать пластинку?

— Да, да.

— Из чего?

— Из... из... — Если бы он знал! В одном лишь был уверен, что предмет должен иметь форму замкнутого круга. Попытался выразить это жестом.

— Ты хочешь что-то круглое?

— Да, да.

— И ты запишешь песню?

Майкл не выдержал:

— У нас не студия звукозаписи. Знаешь, во что обойдется твоя пластинка?

Ип ткнул пальцем себе в лоб:

— Скажи правильно: «Механик».

— М-е-х-а... Подожди, зачем тебе? Что он хочет, Эллиот?

Эллиот пожал плечами:

— Может, он имеет в виду, что он механик?

— Да, да, скажи правильно: «Механик». — Космический ученый устремился к проигрывателю, и выдернул пучок проводов.

— Ну вот, — вздохнул Майкл, — хорошая была машина.

Ип протянул им проводки:

— Еще.

— Тебе нужно больше?

Старый ботаник кивнул.

— Ему, видите ли, нужны проводки... — Мальчики переглянулись, думая, как угодить требовательному гостю, который, переваливаясь с боку на бок, ковылял по комнате на перепончатых утиных лапах, поглощенный поиском высшего решения.

Как много всего нужно, чтобы записать свой собственный рок-н-ролл!

В водовороте его сознания снова и снова всплывал искомый образ, всякий раз с новыми дополнениями. Ему нужен... пиджак.

Он прошлепал в чулан, снял с распялки пиджак и надел на себя.

Для особы с такими узкими плечами сидит вроде бы неплохо, вот только пуговица на животе не хочет застегиваться. Впрочем...

Инопланетянин топтался на месте, недоумевая, что на него нашло: какое отношение имеет пиджак к передатчику?

Ах, нет же, кендырь* несчастный, — вовсе не пиджак!

А распялка для пиджака!

Он вперился взглядом в деревянную распялку, в то время как мозг усердно работал. Распялка, казалось, засветилась и поплыла, гипнотизируя ученого. Прикрутить ее к проигрывателю, а потом...

...скажи правильно: «Тонарм».

Он схватил распялку, направил палец на перекладинку и стал выжигать в ней дырки, по одной на каждый проводок переделанного «Скажи правильно».

— Ого, да у тебя пальчик как сварочный прибор, Ип!

Не снимая пиджака, он заторопился в чулан, схватил панель, расплавил пальцем припой на контактах и припаял к ним все проводки, какие у него были.

— Еще... еще...

Мальчик заглянул в чулан.

*Кендырь — многолетнее растение семейства кутровых.

— Еще... еще... — бормотал галактический путешественник, размахивая распялкой.

Дети скрылись и через некоторое время принесли провода, формочку для кекса, зеркало и колпак от колеса.

Провода он взял, а остальные предметы отверг. На таких пластинку не запишешь. Она должна быть твердой, плоской и круглой. Неужели не понятно?

Раздосадованный, он повернулся к герани.

«Это же только земные дети, — сказал цветок. — Они добрые, но медленно соображают.

— О'кей, Ип, принесем еще чего-нибудь.

— Да, барахла кругом навалом...

Глядя на детей, инопланетянин подумал, что не должен судить их слишком строго. Он как м-е-х-а-н-и-к должен сосредоточиться на том, чтобы припаять все проволочки к «Скажи правильно» и протянуть их концы к дырочкам в распялке. В дырочки должны входить контактные пальцы, маленькие, металлические и хорошо пружинящие.

Где-то он видел такие металлические пальцы, видел здесь, в доме. Но где?

Внезапно старый звездопроходец ощутил ласковые волны гибкого создания. Закрыв глаза, он сконцентрировался на ее мысленном образе.

Конечно, вот же металлические пальцы — в ее волосах. Как она их называет? Он телепатически нырнул в ячейку памяти Мэри, пошарил там и нашел, что хотел.

— Герти...

Прибежала маленькая сообщница.

— Скажи правильно: «Заколки для волос».

— З-о-к-о-л-...

— Неправильно. — Он указал на свою скользкую, лишенную волосяного покрова голову.

— Тебе нужны заколки?

Утвердительный кивок.

Герти взяла страшилище за руку, и вдвоем они прокрались по коридору в спальню Мэри. Инопланетянин осторожно приблизился к окну. Похожее на иву создание возилось в огороде с невероятно вдруг вымахавшими овощами — подобных здесь и не видывали. Озадаченное гибкое существо пыталось приподнять тыкву, такую огромную, будто ее вскормили через соломинку.

Стебли расставленных на подоконнике не по сезону буйно цветущих растений в горшочках потянулись к инопланетянину.

«Здравствуй, Хозяин. Что ищешь? Какая проблема тебя волнует?»

— Заколки для волос.

— Вот они, — сказала Герти, сняв крышку с белой фарфоровой курочки.

Старый путешественник взял заколки и вдруг заметил собственное отражение в зеркале над туалетным столиком Мэри. Быть может, если он впридачу к лиджаку облачится еще и в брюки, гибкое создание не испытает такого потрясения при встрече с ним?

Брюки придется, конечно, подкоротить, а на ступни натянуть бумажные пакеты...

— Идем, Ип,— Герти потянула его за руку из спальни и отвела назад в чулан.

— Зачем тебе мамочкины заколки?

Усевшись на подушку, он одну за другой повтыкал заколки в проделанные отверстия. Теперь с распялки свисали в ряд металлические контакты, которые должны царапать по поверхности пластинок. Заколки он подсоединил к проводам от «Скажи правильно».

— Какая интересная игрушка! — воскликнула Герти. — У тебя всегда так смешно выходит?

— Да.

— А зачем?

— Ип звонить домой.

— А где твой дом?

Он показал в сторону неба. Герти посмотрела в оконце.

— Это туда ты водил меня гулять во сне? Далеко-далеко?

— Да, далеко.

— А дома тебя услышат?

Потрясающая способность задавать вопросы у этих земных детенышей!

— Они снимут телефонную трубку и скажут: «Привет, Ип!»?

— Скажи правильно: «Приставака».

— П-р-е...

— Не так.

— Это все из-за того, что ты забрал мой «Скажи правильно», а он теперь говорит только «глипл-дипл».

— Глипл-дупл.

— Все равно, но «приставака» он не говорит.

Повернувшись спиной к старому натуралисту, Герти начала возиться с игрушечной плитой, которую предусмотрительно при-тащила в чулан. Сегодня она выпекала кекс по особому рецепту, смешивая глину с маминым кремом для лица. Престарелый механик, оставленный наконец в покое, копошился с передатчиком, мыча под нос (жутко перевирая) мелодию из «Сорока лучших песен», подслушанную по радиоприемнику Эллиота. Ботаник и девочка настолько были поглощены каждый своим занятием, что не услышали, как Мэри поднялась по лестнице и прошла по коридору. Очнулись они только тогда, когда открылась дверь в комнату Эллиота.

Старый монстр одним прыжком очутился у входа в чулан среди плюшевых зверюшек — пучеглазых маппитов и космических роботов. Он окаменел, а огромные глаза, венец эволюции, более совершенные, чем лучшие оптические приборы землян, остекленели,

словно у лягушонка Кермита. Они невидяще смотрели перед собой, а сам инопланетный ботаник, застыв в оцепенении, казался таким же неживым, как игрушечный робот справа.

Вошла Мэри. Ее взгляд скользнул по разбросанным игрушкам, на мгновение встретился с глазами инопланетянина и остановился на пышно расцветшей герани.

— Ты принесла сюда цветок, Герти?

— Человек с Луны любит цветы. При нем они быстро растут.

Мэри погладила роскошную листву и изумленно покачала головой:

— Действительно, растут и цветут словно ненормальные. Не понимаю, что происходит.

— Съешь кекс, мамочка.

— Ого, как красиво,— удивилась Мэри, глядя на формочку.

Пожалуй, слишком красиво для глины. И пахнет так вкусно...

— Боже мой, Герти, уж не мой ли крем для лица ты сюда плюхнула?

— Банановый крем.

«Прощай, обновленная Мэри»,— подумала обездоленная мать, глядя на жалкие остатки чудодейственного средства.

— Герти, ангел мой, я не выйду из себя. Я понимаю, что ты не нарочно. Но мамочка платит по двадцать пять долларов за склянку крема, и теперь мне придется наложить его на лицо вместе с глиной, песком и камешками.

— Извини, мамочка.

— Хорошо, милая. Когда-нибудь я даже посмеюсь над этим. Но не сегодня.

Она снова скользнула взглядом по инопланетянину, застывшему в шеренге с маппитами, но даже глазом не моргнула, настолько была расстроена утратой драгоценного крема.

Когда Мэри отвернулась, межгалактический ботаник облегченно вздохнул, хотя и с некоторой долей грусти. Разве сможет она полюбить его, если он для нее то же, что лягушонок Кермит?

Вывободившись из опутавших его ниточек от подвешенной марионетки, Ип с тяжелым сердцем следил, как гибкое создание уходит из комнаты. Он значил для Мэри не больше чем игрушка, чем все эти плюшевые уродцы.

Грустное космическое существо, скажи правильно: «Тоска». Скажи правильно: «Отвергнутый».

Он примостился возле передатчика и припаял пальцем еще несколько проводков.

Какая нелепица, что похожая на иву чудесная Мэри убивается из-за сбежавшего мужа, когда рядом, в чулане, томится один из самых ярких умов во Вселенной! Инопланетянин перевел взгляд на свой тяжело волочащийся живот и впервые осознал его нелепость. Но даже перестань он есть печенье, несуразный бурдюк не похудеет. Таков уж он.

— Ты почему грустишь, Ип? — спросила Герти.
Она посмотрела на Ипа и увидела, как пляшущий в его глазах водопад превратился в пустыню, изрезанную вековыми трещинами. Самое унылое и заброшенное место на свете.

Инопланетянин замигал, и пустыня исчезла. Он взял «Скажи правильно» и прикоснулся к кнопкам.

—...Глипл дуплл цвак-цвак снафн олг мммннип...

Звуки высшего разума утешили Ипа. Вот это настоящий язык. На нем можно высказать все, что накопилось в душе, на этом языке он каждую ночь будет вещать в пространство, после того как дети вернутся из скобяной лавки... Когда он покинет Землю, у него хотя бы останется чувство удовлетворения от того, что он учил юных землян и наставил их на высший путь.

Если покинет Землю...

При взгляде на самодельный передатчик из заколок для волос и распялки в душу его закралось сомнения. Но внутренний голос заверил, что все идет как надо. Нужно только следовать его указаниям и надеяться.

А вдруг им не удастся стащить диск циркулярной пилы?

На лестнице слышались дробные шаги, и вошли Эллиот с Майклом. Они расстегнули куртки и вытащили пилу, пригоршни болтиков и других крепежных деталей.

— Возьми, Ип. Это то, что ты просил?

Ип возбужденно ощупал поверхность пилы, затем опустил ее на диск проигрывателя и крутанул пальцем. Острозубое лезвие завертелось, поблескивая в солнечном луче, проникшем через маленькое оконце.

— Но как ты сделаешь пластинку из пилы?

— Скажи правильно: «Краска», — жестом Ип показал, что лезвие нужно покрасить.

— В какой цвет?

Ип показал на небо.

— В голубой?

Ип кивнул.

— Приходила мама, — объявила Герти, — и даже не заметила Ипа.

— Да? Значит, маскировка сработала? — восхитился Эллиот и указал на шеренгу бестолковых плюшевых игрушек.

— Уходите, уходите, — выпроваживал детей Ип. Ни один выдающийся ученый не вынес бы столько унижений, сколько досталось на его долю в этот день.

Мэри взглянула на себя в зеркало над туалетным столиком и сунула руку в фарфоровую курочку, в которой держала заколки для волос.

Там было пусто.

Она догадалась, где заколки. Конечно, Герти. Девочка уже пользуется ее косметикой. Теперь ей понадобились заколки.

— Герти!

Девочка вбежала в комнату.

— Да, мамочка?

— Верни мои заколки для волос.

— Не могу, мамочка, они нужны монстрику.

— Вот оно что! И зачем же?

— Для его машины.

Мэри задумалась. Стоило ли разрушать детскую фантазию из-за нескольких заколок?

— Ладно, Герти, иди играй.

— Передать от тебя привет монстрику?

— Обязательно. Самый сердечный.

Тем временем Ип не покладая рук трудился в чулане. Диск циркулярной пилы был покрашен, высушен, и теперь престарелый механик выжигал в нем отверстия.

— Я понял,— сказал Эллиот.— Это будет вроде шарманки.

Майкл перегнулся через плечо Эллиота, разглядывая узор из дырочек на лезвии пилы.

— Как в механическом пианино,— сказал он, наблюдая, как палец-паяльник Ипа выжигает в диске ряды отверстий, словно в перфокарте. Затем Ип положил пилу на диск проигрывателя, крутанул его рукой и опустил на «пластинку» распялку с припаянным к ней рядом заколок, которые царапали по вращающейся поверхности и щелкали при каждом попадании в дырочку в соответствии с заданной программой.

— О, Ип! Ты просто чудесник!

Как только диск закрутился, идущие от заколок проводки задействовали клавиатуру «Скажи правильно», и зазвучали вновь и вновь слова на звездном языке:

— ...Глипл дулл цвак-цвак снафн олг ммнннип...

— Ты все-таки добился своего, Ип! Сделал запись!

Вошла Герти с недавно выпрошенным у Эллиота уоки-токи, по которому переговаривалась с куклами, скучающими в ее комнате.

— Слушай меня, куколка, это говорит Герти...

Протянув длинную руку, Ип выхватил уоки-токи, в одно мгновение вычленил микрофон и вмонтировал его в «Скажи правильно».

— Ип, ты ломаешь все мои игрушки! — завопила на весь дом Герти.

Братья терпеливо принялись убеждать ее, злодейски выкручивая при этом руки куклы, что нельзя быть такой жадной.

— Ладно,— шмыгнула носом Герти.— Только пусть он больше ничего не портит...

Старый ученый заверил, что больше не тронет ни одной игрушки. Ему еще необходим только коаксиальный кабель от телевизора

Мэри, а также механизм высокочастотной настройки — его черед уже настал.

Все вместе они крадучись вышли в коридор.

Позже, вечером, Мэри прошла к себе в спальню, включила телевизор, сбросила туфли и улеглась на постель. Превозмогая усталость, она развернула газету и принялась за чтение, но вскоре обратила внимание, что телевизор не работает.

— Майкл!

В доме было тихо.

— Эллиот!

Опять гробовое молчание. Материнская интуиция подсказывала, что здесь не обошлось без ее сыновей. Но тут же в мозгу отчетливо возник образ Герти.

Герти? Неужели малышка могла что-то натворить? Мэри, озадаченная, закрыла глаза. Вдруг ей представилась Герти, на цыпочках входящая в спальню с Маппитом на руках.

«Я слишком утомляюсь на службе»,— вздохнула Мэри и накрыла лицо газетой.

После короткого беспокойного сна она пробудилась с чувством голода. Не съесть ли булочку с клубничным джемом? Неужели снова настал Час Порока?..

Она тихонько спустила ноги на пол и, стараясь не шуметь, осторожно выбралась в коридор. Дети не должны застать ее; нельзя показывать им дурной пример — что это за мать, которая не в силах совладать со своим аппетитом и которая одержима мыслями о варенье?..

Мэри прислушалась. Эллиот и Майкл играли в детской. Отлично, они не станут свидетелями ее падения, не увидят, как она превращается в ненасытную свинью. Но самое главное — они не смогут ей помешать!

Мои заботливые детки, не желающие, чтобы мать стала толстой как бочка.

Но я не могу сдержать себя!

Я умираю от голода...

Все бы отдала за булочку... С заварным кремом... За рисовый пудинг...

Она на цыпочках спустилась по лестнице в прихожую и прислушалась: кажется — тихо.

В гостиной было темно и пусто. Мэри крадучись направилась к кухне. Приоткрыв дверь, она увидела за столом Герти и перед ней печенье и молоко. Мэри не заметила Ипа на табурете рядом с холодильником. Бедный космический гоблин съезжился, не зная, куда спрятаться, и ожидая самого худшего.

— Для кого второй прибор? — Мэри указала на тарелки, жадно пожирая взглядом печенье, будто специально приготовленное для нее.— Для твоей куклы?

— Для инопланетянина,— простодушно ответила Герти.— Он любит печенье.

Бедный Ип готов был сквозь землю провалиться.

— Он не обидится, если я возьму одно?

— Конечно, нет. Он тебя обожает.

— Какой милый инопланетянин,— сказала Мэри, поспешно хватая печенье.

О боже, какое наслаждение...

Невыразимая услада обуяла ее, и она поняла, что погибла.

Я должна взять джем.

Она устремилась к холодильнику и рывком открыла дверцу, которая сбросила Ипа с табурета прямо в корзину для мусора. Голова его оказалась внизу, ноги торчали наружу, но Мэри ничего этого не видела.

— ...яблочное масло... мармелад... а вот и пирожки с черникой... Могу съесть хоть десяток...

— Мамочка,— спросила Гerti,— у тебя опять приступ?

— Да, милая... Ириски... эклер...

Чьи-то сильные руки вдруг обхватили ее сзади.

— Не надо, мам!

— О, Эллиот, Майкл... Оставьте меня в покое!

— Мам, прошу тебя, ну пожалуйста...— Майклу стоило больших усилий оторвать мать от холодильника.— Ты же сама просила, чтобы мы удерживали тебя!

— Забудьте о том, что я просила...— Она попыталась схватить печенье с тарелки Гerti.

— Пойдем же, мам,— потянул ее за собой Эллиот, загораживая спиной торчащие из мусорной корзины ноги Ипа,— поиграем в «Монополию».

Мэри растроганно посмотрела на не на шутку встревоженного сына, который вертелся перед ней, всячески пытаясь отвлечь от холодильника.

— Ты славный мальчик, Эллиот.

— Ты же велела напоминать, что если станешь есть много сладостей, то превратишься в бочку.

Сыновья увлекли ее в прихожую, подальше от Ипа.

— Вы хорошие дети... Строгие, но хорошие...

Они подталкивали мать к лестнице.

— Не оглядывайся, мам. Знаешь же, что тебя ждет, если оглянешься!

— Да, отдел «Платья для полных дам»,— смиренно вздохнула Мэри, поднимаясь по лестнице.

С утра шел дождь. Мэри хотела взять зонтик, но зонтика на месте не оказалось, и она нигде не могла отыскать его. Объяснялось это просто — зонтик был наверху, в чулане, переделанный в параболический рефлектор.

— Ого! — воскликнул Эллиот.— Вот это да!..

Ип обклеил зонтик изнутри фольгой, к ручке прикрепил банку из-под кофе с коротковолновым тюнером, от которого коаксиаль-

ный кабель вел к микрофону уоки-токи. Микрофон в свою очередь был вмонтирован в «Скажи правильно», и звуки «глипл дупл цвак-цвак» теперь трансформировались в частоты ультраволнового диапазона. Древний радиотехник объяснил, что ему еще не хватает того приспособления, которое он разглядел под приборной доской в автомашине Мэри.

— Детектор дорожной полиции?! — Майкл в сомнении покачал головой.

Эллиот кивком поддержал его.

— Это единственное, что мама оставила себе после отца. Она дорожит этой штукой.

Ип начертил несколько диаграмм и показал мальчикам, как нужно смонтировать детектор с тюнером, чтобы сигналы микроволнового диапазона передавались в космическое пространство.

В тот вечер, когда Мэри торопилась домой после работы, ее детектор почему-то не сработал и не предупредил о полицейском радаре. Это обошлось ей в двадцать пять долларов штрафа.

Зато передатчик инопланетянина был почти готов.

— Да, но кто приведет его в действие? Откуда возьмется энергия, чтобы вращать эту штуковину? — спросил Майкл и крутанул диск проигрывателя с пилой-пластинкой. — Ведь там, на холмах, — он указал пальцем в окно, — никакого электричества нет.

Ип только что покончил с ужином. Он направил свой удивительный палец-паяльник на нож для масла, извлек из стали углерод, легко согнул лезвие и прикрутил вместе с вилкой к распялке, сделав из них храповик. Нож и вилка, цепляясь за зубья, поворачивали пилу.

— Так-то оно так, — пожал плечами Майкл, — но мы не можем всю ночь напролет крутить эту штуку.

Ип улыбался. Теперь он уже понимал, почему в его сознании всплывала вилка, танцующая вокруг тарелки. Он смастерил именно такое устройство, которое будет работать там, на холмах, и ничьи руки не понадобятся, чтобы задействовать его.

— А это кто?

— Новенький.

— Что за новенький?

— Чародей первого класса. Вот его характеристика.

— Зачитай вслух.

— Мудрость — 20 баллов. Обаяние — 20. Интеллект — 18.

Сила — 14.

— Имя?

— Ип.

Внизу, на кухне, мальчики играли в «Драконов и демонов», но Ипа больше интересовало, что происходит почти каждый вечер в комнате Герти. Для этого нужно было только приложить ухо к двери. Он так и сделал, оправдывая себя тем, что изучает историю земли. Из-за двери доносился негромкий голос Мэри.

— «Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пиратами?! — воскликнул Питер. — Я спасу ее! Освобожу! Ах, где мое волшебное снадобье?» Тинк кричит, желая остановить его: «Отравлено?! Кто мог это сделать? Я обещала Венди выпить его, и я выпью, как только наточу кинжал». Но тут малютка-фея выхватила пузырек из рук Питера и осушила его...»

— Не пей!.. Не пей! — воскликнула Герти.

— Не пей!.. — прошептал старый космический путешественник.

— «О, Тинк, ты выпила мое снадобье! Оно было отравлено, и ты выпила его, чтобы спасти меня! Тинк, дорогая, ты умираешь? Ее огонек тускнеет и если потухнет совсем — значит, она умерла! Я едва слышу ее, с трудом разбираю, что она хочет сказать...»

Инопланетянин склонил голову. Действительно, как ужасно...

«...она говорит, что ей станет лучше, если дети поверят в фей! Ты веришь в фей? Отвечай, веришь?..»

— Верю, — всхлипнула Герти.

— Верю, — повторил за ней Ип, слезы навертывались у него на глаза.

В этот момент Эллиот поднялся наверх за пластырем. Он поранил руку теркой для сыра. Древний ботаник увидел рану и направил на нее палец. Кончик пальца озарился ослепительным розовым светом. Эллиот испуганно отшатнулся — он видел, как Ип прожигает насквозь сталь... Ип легонько провел мерцающим теплым розовым светом над порезом. Кровотечение прекратилось, а ранка мгновенно затянулась, словно ее и не было.

Эллиот изумленно воззрился на свою руку. Он открыл было рот, чтобы поблагодарить Ипа, но почтенный врачеватель жестом остановил его и снова прильнул ухом к двери.

«Если веришь в фей — хлопни в ладошки...»

Ип тихо сблизил свои огромные неуклюжие ладони.

Ночью инопланетянин стоял в своей камерке перед окошком и наблюдал за небом. Луна наполняла его невыразимым чувством печали, ласковый шепот Млечного Пути проникал в самое сердце. Лучи, нежные и осязаемые, отражались в его широко раскрытых глазах; движение Великого Звездного Колеса доносило открытую музыку летящих в бесконечности звезд и планет, он слышал их беседу в темноте, торжественные голоса титанов космоса, преодолевающих огромные расстояния.

Охваченный грустью, он прижался лбом к стеклу. Когда-то и он являлся частицей Великого Колеса, ему было доступно лицезрение чудес Вселенной, он видел рождение звезд. А сейчас — ютится в крохотном чулане, рядом с украденным зонтиком и дурацким Маппитом...

Он обернулся к плюшевой игрушке, но Маппит только пялился в ночь стекляшками глаз, будто погруженный в собственные мысли.

Невыразимая тоска по космосу овладела Ипом. Каждая косточка его тела томилась по звездным лучам, рвалась туда, где великолепие Ориона перехватывало дыхание, где чудесными красками играли туманности. Он тосковал по Плеядам, где голубой ореол молодой звезды светит прямо в сердце, по туманности Вуали, вечно перемещающейся в пространстве и нашепывающей свои величавые тайны тем, кто плывет вместе с ней в космическом океане.

Терзаемый воспоминаниями, Ип отошел от окна и тихо растворил дверь чулана.

Он прокрался мимо спящего Эллиота в коридор и, стараясь не шуметь, заковылял вдоль стены. За ним двигалась бесформенная тень то ли шагающей тыквы, то ли дыни, — уродливый выходец из чужих миров, он теперь уже на все смотрел глазами землян. Проникшись их представлениями о красоте, он стал воспринимать себя как ходячую карикатуру, оскорбляющую взор и разум, как пугающе-безобразного уroda.

Он приоткрыл дверь в комнату Гerti и некоторое время разглядывал спящую девочку. Вот она считает, что у него приятная внешность, но ведь ей и лягушонок Кермит кажется красавцем.

Он просеменил дальше, к комнате Мэри, и осторожно заглянул в дверь.

Мэри спала, чудесный ивовый прутик, и он долго не мог оторвать от нее глаз. Богиня, самое красивое создание, которое он когда-либо видел. Сверкающие волосы, разметавшиеся по подушке — совершенство природы; закрытые глаза, словно спящие бабочки на благоухающем ночью нарциссе, губы — лепестки водосбора.

«Мэри...» — прошептало его старое сердце. Он прокрался на неуклюжих перепончатых ногах к изголовью постели. Самое прекрасное существо в мироздании, а что он мог дать ей?

Ничего.

Только украл детектор из ее автомобиля.

Прелестное создание шевельнулось во власти сновидений, но ни в одном из них, Ип твердо знал это, не было места старому ботанику — звездпроходцу с животом как тыква.

Осторожно он положил ей на подушку «ММ» и тихо вернулся в коридор.

Там его поджидал Гарви.

Пес сидел, высунув язык, и смотрел на приближающееся к нему странное существо, как на горшок с подливкой.

Ип потрепал дворняжку по загривку.

Мурашки пробежали по спине Гарви, хвост свернулся крючком. Гарви посмотрел на предмет своей гордости, затем перевел взор на Ипа: «Пожалуйста, приведи в порядок мой хвост».

Инопланетянин коснулся собачьего носа, и хвост выпрямился.

Каждую ночь, когда все засыпали, они вместе бродили по дому, неся ночной дозор. Гарви трусил за гостем вниз по лестнице.

Ип остановился у ниши, где был телефон, и поднял трубку. Услышав гудок, он поднес трубку к уху Гарви. Собака внимательно прислушалась. Ей приходилось видеть, как Эллиот крутил диск пальцем, что-то говорил, и вскоре появлялась пицца.

Гарви ткнулся носом в диск, пытаясь его повернуть, в надежде, что вот-вот появится сэндвич с бифштексом. Ип несколько раз крутанул диск, и они слышали сонный голос:

— Алло... Алло...

«Один сэндвич с бифштексом», — подумал Гарви и мысленно прибавил к заказу сахарных косточек.

Ип положил трубку на место, и они проследовали дальше, в гостиную.

Цветная фотография Мэри стояла на телевизоре. Ип взял ее в руки и запечатлел на губах Мэри поцелуй.

Затем он показал портрет собаке.

Не проявляя никаких чувств, Гарви взглянул на фотографию в рамке. На стекле остались следы поцелуя. За все, что было облянено в доме, влетало Гарви, и пес понял, что попадет ему и на этот раз. Он мотнул головой, приказывая Ипу поставить рамку на место. Но тот, сунув фото под мышку, прихватил его с собой.

«Ну вот, — подумал Гарви, — теперь решат, что я съел рамку». И зачем только он сжевал коврик в ванной, веник, шляпку Мэри и пару вкусных кожаных перчаток? Теперь чуть что — сразу обвиняют его!

Ип бродил по гостиной. На столе стояла ваза с цветами. Старый ботаник нежно коснулся цветов и что-то прошептал на непонятном языке.

Гарви с надеждой повел носом. В одном из своих собачьих сновидений он нашел целый куст, на котором росли сосиски, и с той поры потерял покой, разыскивая этот куст повсюду.

Ип протянул ему розу, и Гарви торопливо ткнулся в нее носом, но сосисками и близко не пахло — глупый, бесполезный цветок.

Ип аккуратно укрепил розу в ободке рамы с фотографией Мэри, так что роза и Мэри стали единым целым — два самых красивых создания на свете.

Затем Ип направился на кухню. Гарви радостно завилял хвостом и облизнулся — кухня была средоточием всех его собачьих вожделений.

Ип показал на холодильник.

Гарви, заурчав, радостно мотал головой. Сколько раз он тщетно пытался дотянуться лапой до ручки этого волшебного ящика!

Ип открыл холодильник, достал молоко и шоколадный торт. Гарви только жалобно повизгивал, источая слюну и размахивая хвостом, и Ип дал ему остатки ветчины, обнаруженной на верхней полке.

Пес мигом проглотил нежное мясо и преданно посмотрел на Ипа: «Я твой. Если что-нибудь случится — дай мне знать...»

Когда спустились сумерки, на улице кроме привычной пище-развозки появился еще один автофургон, но от него не исходил аромат сыров и помидоров. Он был полон подслушивающей аппаратуры, столь чувствительной, что попадись она на глаза космических пришельцев, то воздали бы ей должное. У оператора, сидевшего перед освещенной панелью, на поясе висела внушительная связка ключей. В наушниках звучали шумы и разговоры, происходившие в домах квартала.

«Для печенья на чашку муки достаточно чашки молока?..»

И:

«Убирайся вон из моей жизни, ясно?»

И:

«Джек, я вечером сижу с ребенком, приходи, если хочешь...»

Автофургон медленно продвигался по улице, оператор внимательно вслушивался в каждый голос, в каждый разговор, который доносился до него в будничной мозаике вечера:

«Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пиратами?! — воскликнул Питер».

И:

«Передачик уже готов, Майкл. Можно вывезти и установить...»

Оператор с ключами на поясе махнул водителю, и машина остановилась.

«Знаешь, Эллиот, в последнее время он очень плохо выглядит».

«Не говори так, Майкл, мы чувствуем себя прекрасно».

«Что значит „мы“? Ты теперь все время твердишь „мы“, „мы“...»

«Это телепатия. Я... он мне так близок, словно он — это я...»

Неискушенный человек пропустил бы этот разговор мимо ушей — обычные ребячьи фантазии, — но для оператора в автофургоне разговор этот был равноценен сигналу с Марса. Перед ним тут же появился план улицы, и жирный красный круг очертил дом Мэри.

Эллиот как можно понятнее объяснял Ипу, что такое Хэллоин, напирая на то, что это единственная возможность у Ипа появиться на улице.

— Все без исключения будут в самых невероятных и уродливых маскарадных костюмах и масках, — говорил он. — Извини, я не хотел сказать, что ты уродлив, как раз наоборот...

— Скажи правильно: «Наоборот», — попросил Ип, когда Эллиот накинул на голову старому путешественнику простыню и

обул ноги-ласты в громадные меховые домашние туфли. Туалет завершала широкополая ковбойская шляпа.

— Сойдет,— оглядел Ипа Эллиот.— Можно идти куда угодно.

Сам Эллиот вырядился в какое-то горбатое чудовище, под стать Ипу, чтобы космический гоблин не слишком выделялся. Но против костюма Майкла Мэри решительно восстала.

— Нет,— упорствовала она,— окончательно и бесповоротно нет! Одетый террористом ты не выйдешь!

— Но все ребята...

— Ты и двух шагов не пройдешь в таком виде!

— Мам... Прощу тебя!..

— Нет! А где Герти?

— Наверху. Наряжается вместе с Эллиотом.

Но Герти не наряжалась вместе с Эллиотом. Она смотрела в окно.

Эллиот обернулся к Ипу.

— Мама ни за что не заметит разницы, ты только помалкивай в своей накидке, о'кей? Усвоил, что ты — Герти?

— Герти,— отозвался старый гоблин.

Мэри ждала их внизу. По случаю Хэллоуина она облачилась в костюм под леопарда, надела полумаску и вооружилась волшебной палочкой, чтобы осаживать не в меру разбушевавшихся ряженых.

— Ого, мам, ты классно выглядишь!

— Спасибо, Эллиот, очень мило с твоей стороны.

Не только Эллиот с обожанием смотрел на мать. Старое чудище, скрытое покрывалом, тоже восторженно взирало на Мэри, которая казалась ему прекрасной, как никто другой.

— Герти,— сказала Мэри, подходя к Ипу,— у тебя замечательный костюм. Как тебе удалось сделать такой толстый живот?

— Мы привязали подушку,— поспешил отозваться Эллиот.

— Просто молодцы,— похвалила Мэри.— Но будет лучше, если шляпу сдвинуть слегка набекрень.

Ее руки взлетели над черепашьей головой инопланетянина. Щеки Ипа зарделись. Восхитительные волны исходили от рук создания, похожего на ивовый пруттик, вызывая сладкую дрожь в страусиной шее старого ученого. Сердце-фонарик засветилось, и он поспешно прикрыл его рукой.

— Так-то лучше,— сказала Мэри и обернулась к Эллиоту.— Следи за ней, и не ешьте ничего, не завернутого в фабричную упаковку, не разговаривайте с незнакомыми...

Вниз сошел Майкл в слегка измененном костюме террориста.

— ...не ешьте яблок, в них могут оказаться бритвенные лезвия. И ничего не пейте, там может быть подмешан ЛСД.

Мэри наклонилась и поцеловала мальчиков, а затем и покрытую покрывалом голову гоблина; утиные колени Ипа задрожали,

внутри все затрепетало; нежный свет, словно туманность Ориона, вспыхнул в сердце-фонарике.

— Ну, идите, развлекайтесь,— напутствовала Мэри.

Эллиот потянул инопланетянина за руку — тот как замороженный застыл на месте, не в силах оторвать глаз от Мэри, словно узрел рождение новой звезды. Он зашаркал к двери в огромных шлепанцах, но все же не удержался и бросил последний взгляд на ивовое создание.

— Веди себя хорошо, золотко,— на прощание сказала Мэри.

«...золотко...» — молча повторил Ип, и трепет охватил его.

Мальчики увлекли инопланетянина к гаражу. Там ждала Герти, пряча под покрывалом упакованный в картонную коробку передатчик и сложенный зонтик. Ип взглянул на зонтик и тут же подумал, а хочет ли он воспользоваться им? Может, лучше провести остаток дней в чулане, рядом с Мэри?..

— Ну, Ип, прыгай!

Они помогли ему залезть в проволочную корзину, укрепленную на багажнике, привязали к раме передатчик и выкатили велосипеда на улицу.

Ип лежал в корзине, подобрав под себя ноги, и глазел на веселящихся на улице детей землян — принцесс, кошек, клоунов, бродяг, пиратов, чертей, горилл, вампиров, франкенштейнов. Поистине Земля — удивительная планета!

— Держись крепче, Ип!

Эллиот ощущал тяжесть инопланетянина — маленького существа, затерявшегося в мироздании. От предстоящей ему сегодня важной миссии мальчик испытывал удивительный душевный подъем. Орудую рулем и крутя педали, он вдрызг осознал, что становится лучше, чище, возвышеннее. Легкомыслие оставляло его, уносясь куда-то во тьму. Хотя у него хватает недостатков, но именно ему выпала судьба исполнить высокую миссию. Каждый оборот колеса делал Эллиота все более счастливым и независимым. Он обернулся к Майклу, и тот улыбнулся ему, сверкнув зубными скобами. Эллиот посмотрел на сестру, и Герти помахала ему рукой, хихикая над тем, как скрючился в корзине Ип, задрал вверх ноги в меховых шлепанцах.

«Мы поможем ему вернуться туда, откуда он прилетел»,— думал Эллиот, глядя на Млечный Путь, мерцающий сквозь легкую дымку. Таинственное сияние исходило от звезд, всполохи и паутинки холодного пламени опускались вниз, касались Эллиота и исчезали вдали.

— Что за чудо-юдо?! Впервые вижу такую жуть... — воскликнул мужчина на крыльце дома. Его жена изумленно взирала на Ипа, как и дети, испуганно жавшиеся к родителям.

Ип стянул с себя покрывало. В ковбойской шляпе и шлепанцах, с выпученными глазами, свисавшим до земли животом и

ногами, как у жабы, он выделялся даже среди пестрой толпы ряженных. В какой бы дом они ни заходили, облик Ипа неизменно вызывал переполох. Старый ботаник веселился от души. Несколько недель он провел взаперти, и теперь смело протягивал свою кошелку для подарков, в которую по обычаю клали конфеты, вафли, печенье...

— Потрясающе... — бормотал мужчина, провожая их и не сводя глаз с Ипа, с его похожих на древесные корни пальцев на почти достающих до земли руках.

Ип вышел на пешеходную дорожку с доверху набитой кошелкой. Сколько тут сокровищ — повышенной питательности вафли и конфеты, которых в космосе ему хватило бы на долгое время, уйма «ММ» и одна огромная плитка под названием «Млечный Путь», по-видимому предназначенная для особо длительных путешествий.

— Ты производишь фурор, Ип, — заметил Эллиот, ведя велосипед по дорожке.

Космическое создание ковыляло рядом, и Эллиот всем своим существом ощущал счастье, переполнявшее Ипа. Он на собственном опыте знал, каково, когда над тобой потешаются. А вот сейчас он этого не чувствовал. Он казался себе старше, умнее, чувствовал дыхание далеких миров; великие мысли посещали его и уносились, словно кометы, оставляя за собой огненный след и ощущение причастности к чуду.

Ип заметил, что многие ребята заглядывают в чужие окна, и потянул Майкла за рукав.

Они прокрались через лужайку к освещенному окну. По комнате расхаживал мужчина с банкой пива в руке и сигарой в зубах. Старый небожитель улыбнулся, положив подбородок на подоконник. Вот бы каждый вечер выходить на улицу со своими друзьями и подглядывать в чужие окна — на Земле стоило бы жить!

— Пойдем, Ип! — торопила Герти. — Пойдем же...

Девочка тихонько провела его вокруг дома к парадному крыльцу, нажала на кнопку звонка, и они дали деру.

Меховые тапочки шлепали по земле, один слетел с ноги, куда-то делась ковбойская шляпа. Ип вопил от радости. Он жил! Жил! Он был равноправным обитателем Земли!

— Быстрее, быстрее! — торопила Герти, и, запыхавшись, они шмыгнули в какие-то кусты. У Ипа из пальцев ног струился легкий туман. Старый инопланетянин был так возбужден, что его пальцы сами собой вычерчивали формулы, рожденные высшим галактическим разумом, которые раскрывали самые сокровенные тайны космической эволюции. Но великий ботаник уже ковылял вразвалочку, обуреваемый желанием заглянуть еще в одно окно.

Так они переходили от дома к дому. Ип от возбуждения съел почти все подаренные сладости и высказал пожелание пополнить запасы.

— Ладно, — согласился Эллиот. — Зайдем вон в тот дом.

И он повел Ипа по дорожке, уверенный, что чудное существо примут за шалуна-подростка в надувном резиновом костюме. Что касается Ипа, тот и думать забыл о своей нелепой для Земли наружности. Он уже воспринимал ее как нечто совершенно естественное: как всякий землянин, он жевал конфеты, звонил в двери, выпрашивал подарки и шмыгал носом.

Но когда распахнулась дверь и на пороге возник рыжеволосый коротышка, Ип впервые за весь вечер испуганно заморгал. Рыжего мальчишку он узнал сразу — это был тот самый Лэнс, к которому он давно питал недоверие. Лэнс в свою очередь подозрительно разглядывал Ипа.

— Это что за пугало? — спросил он, не веря, что длинные руки и круглый, будто кегельный шар, живот были из резины.

— Это... это мой двоюродный брат,— пролепетал Эллиот, готовый казнить себя за то, что не узнал дома Поганца; они попались в ловушку, и теперь от Лэнса не отделаешься.

— Ну и уродина,— усмехнулся Лэнс, приближаясь к ним, словно влекомый неведомой силой, которая, казалось, исходит от причудливого гостя.

«Ай-яй-яй, какой любопытный,— подумал древний космолог.— Надо держать ухо востро».

Ип попытился, Эллиот отступил за ним. Но Лэнс неотвратимо надвигался. Подхватив Ипа, Эллиот вскочил на велосипед. Лэнс тут же оседлал свой.

— Скажи правильно: «Быстро»,— пискнул с багажника Ип, и Эллиот изо всех сил нажал на педали, злясь на себя, что из-за собственной беспечности показал Ипа Лэнсу, а значит, и всему свету. Но разве можно сохранить от людей такую тайну, как Ип? Так и подмывает им похвастать, посмотреть, как у людей при виде его отвисает челюсть. Но уж кому-кому, а Поганцу его вообще нельзя было показывать. Такого паршивца не проведешь. Он с первого взгляда поймет, что перед ним инопланетянин.

Ип, второпях засунутый головой вниз в корзину на багажнике, гадал, что предпримет Лэнс? Не обратится ли к властям? Неужели все кончится тем, что из него набыют чучело?..

Эллиот оглянулся. Лэнса не было видно.

— Все в порядке,— сказал Эллиот.— Лэнс отстал.

Но он ошибся. Кратчайшими путями, известными только таким пронырам, Лэнс мчался за ними сквозь ночной сумрак. И откуда он знал, где сворачивать, чтобы сократить путь?! словно телепатически настроенный на волну Ипа, он крутил педали как одержимый. Встречный ветер прижимал рыжие волосы к голове, отчего нелепые уши Лэнса, казалось, торчат еще больше. Фонарь на его велосипеде не горел, только отражатели поблескивали в темноте. Лэнса бросало то в жар, то в холод. За свою короткую жизнь у него никогда ничего не получалось толком, он вечно слонялся без дела и даже в электронные игры сражался сам с собой. Но сегодня, сегодня он весь дрожал от прилива сил и

преодолевал повороты, как заправский гонщик. Его торчащие вперед зубы лязгали от возбуждения. Ночь явно благоволила ему.

При выезде из города Лэнс наскочил на край тротуара, велосипед задрезжал, и он увидел, как далеко впереди сверкнул в свете уличного фонаря отражатель на велосипеде Эллиота.

«К холмам едет», — решил Лэнс, улыбнувшись. Велосипед бесшумно пронесся под фонарем, его седок при всем желании не сбился бы со следа. Казалось, его ведет какой-то внутренний безошибочный автопилот.

Лэнс склонился над рулем, без усталости работая педалями. Мысли о космосе настолько захватили его, что Лэнсу чудилось, будто он вот-вот взмлет в небо. Миновав последний уличный фонарь, он помчался по темному шоссе.

Эллиот оглянулся через плечо и, не увидев преследователя, свернул на просеку.

Космический путешественник трясся на багажнике, вцепившись в край корзины. По мере приближения к месту посадки корабля мысль его работала все лихорадочнее. Сейчас он установит передатчик, и в небо полетят сигналы. Космос необъятен, время бесконечно, нельзя терять ни минуты... Но как медленно ползет велосипед, едва продвигается вверх по склону...

— Эллиот...

— Да?

— Скажи правильно: «Держись крепче», — старый космолог шевельнул пальцами, и... велосипед оторвался от земли. Он пролетел над кустами, обогнул верхушки деревьев и поплыл над лесом.

«Так-то лучше», — подумал Ип и поудобнее устроился в корзине.

Руки Эллиота будто прилипли к рулю. Он посмотрел на темневший внизу лес с едва различимыми просеками и тропинками. Сверху за спиной светила луна.

На ветке проснулась сова, лениво расправила крылья и пощелкала клювом, мечтая изловить на ужин жирную полевку или хотя бы летучую мышь. Она взлетела, не спеша взмахивая крыльями, и вдруг, выпучив круглые глаза, круто взвилась вверх.

Что за напасть?..

Человек верхом на железном чудовище пролетел мимо. Сова, сложив крылья, камнем ринулась вниз и, оцепенев, припала к земле. Но и тут прямо на нее, продираясь сквозь заросли, надвигалось такое же чудовище. Метнувшись в сторону, сова едва выскочила из-под колес Лэнса. Он спешил, велосипед подскакивал на корнях. В голове гудело от сигналов, которые вели его. Лес принял Лэнса, раскрывая свои тропинки, и Поганец продирался сквозь такие заросли, где не прошел бы и опытный лесник. Но где же Эллиот?

Паутина лунного света, проникавшего сквозь кроны деревьев, скрывала Эллиота от Лэнса. Эллиот едва касался педалей, в ночной тишине слышно было лишь, как позвякивает велосипедная

цепь. В душе он всегда верил, что его велосипед может летать, иногда ему даже казалось, что он вот-вот взлетит, особенно если он резко тормозил на краю обрыва, но до этого вечера чуда не происходило. Сегодня чудо совершил Ип, посвященный в тайны космической науки, доступные лишь тем, кто прожил миллионы и миллионы лет. Законы этой науки управляли межгалактическими полетами, и уж, конечно, тому, кто владел ими, ничего не стоило на мило-другую перенести по воздуху велосипед.

Выглянув из корзины, космический странник увидел, что они приближаются к цели. Он мягко посадил велосипед на траву, но в последний момент тот опрокинулся набок, и длинный палец на ноге старого космолога попал в спицы.

— Ай-яй-яй-яй...

Высвободив ногу, Ип выполз из-под велосипеда, пострадавший палец болел, но ученый был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Эллиот поднялся и тут же начал развязывать коробку с передатчиком.

Ип оглядел поляну — не подстерегает ли его здесь кто-нибудь из тех, кто охотился за ним в ту первую ночь на Земле? Его внутренний радар не спеша прощупывал лес, но, наткнувшись на Лэнса, обогнул его, не отреагировав. Ведь эманация рыжего выскочки сейчас не отличалась от эманации Ипа, такого же отверженного, одинокого и неприспособленного. Поэтому радар и не засек Поганца, не почувал угрозы.

Ип повернулся к Эллиоту и знаком показал, что пора устанавливать передатчик.

Диск циркулярной пилы вращался, словно волшебная тарелка, по которой плясали, цепляясь за зубья, нож и вилка. Старый ботаник протянул к деревьям сотни проводов, присоединил их к прожилкам листьев, к ветвям и корням. По этим проводам из растений текла живительная энергия. Как это получалось, знал только он. Но и Эллиот ощущал, как животворная сила леса питает и приводит в действие передатчик.

Раскрытый зонтик, оклеенный изнутри фольгой, поблескивал в лунном свете. Но он отражал не только свет луны. Микроволновый сигнал детектора дорожной полиции, рождаемый высокочастотным тюнером, посылал в пространство сигналы из параболического отражателя:

глиппл дуппл цвак-цвак олг ммннин...

На самом деле звуки эти были гораздо мелодичнее, но наш алфавит не может передать всего их благозвучия.

Эллиот прислушивался к сигналам. Он не терял надежды на успех, однако передающее устройство казалось ему таким примитивным, таким слабым, что он сомневался, отыщут ли излучаемые волны кого-нибудь в беспредельном пространстве космоса.

Пришелец из другого мира почувствовал сомнения мальчика и тронул его за плечо.

— Мы отыскиали окно.

— Какое окно?

— Окно нашей частоты. Нас услышат.

Они еще долго молча стояли возле передатчика. Казалось, звезды тоже прислушивались к удивительным сигналам, но слушал их и Поганец Лэнс, затаившийся в кустах.

Тем временем Мэри отбивалась от ватаги ряженных, осадивших дом.

— Добро пожаловать. Заходите. О боже, что за страхолюдина...

Дети пели специально для нее, роняя изо рта на ковер жевательную резинку; танцевали, размахивая руками, и если мешал обслонявленный леденец, его прилепляли к стене, чтобы потом отодрать обратно вместе с куском обоев. Гарви решил попробовать свои зубы на одном из ряженных. Пока бесстрашный страж дома вел схватку с маленьким гостем, наверху неслышно растворилось окно, и в спальню Мэри проник правительственный агент, которого вела за собой колеблющаяся стрелка электронного прибора.

В комнате Эллиота стрелка заметалась из стороны в сторону, а в чулане и вовсе обезумела. Агент, казалось, был вполне удовлетворен. В то время как внизу затягивали платком пасть Гарви и ублажали шоколадом плачущего ребенка, он прокрался обратно в комнату Мэри и благополучно вылез в окно.

...глиппл дуппл цвак-цвак...

Инопланетянин и Эллиот сидели возле передатчика, глядя в ночное небо и прислушиваясь. Лэнс следил за ними из кустов. Небо молчало.

Прошло несколько часов, Эллиота сморил сон, Лэнс вернулся домой. Оставшись наедине с передатчиком, Ип взглядом проследил в темном небе траекторию уходящего вдаль сигнала.

Старый космолог чувствовал недомогание. Может быть, переусердствовал с конфетами? Он углубился в лес — навестить растения. Шагал Ип тяжело, тяжелее обычного. Возможно, он устал, бегая от дома к дому как одержимый. Он не был к этому привычен.

Ип подошел к ручью и присел. Журчание потока приятно ласкало слух, и инопланетянин опустил голову в воду. В таком положении он провел несколько часов, внимая току земной крови, бегущей по этой артерии. Наконец он уснул, не поднимая головы из воды.

— Ростом около четырех футов,— объясняла полисмену Мэри.— Небольшой такой... Выряжен горбуном...

Она зарыдала.

— Уверена, что он наглotalся бритвенных лезвий...

— Ну-ну, успокойтесь,— увещевал ее полисмен.— Заблудился, наверно. Такое бывает на Хэллоуин с уймой ребятишек. Уверяю вас, с вашим мальчиком ничего не случилось.

Уже наступал серый рассвет. Гerti и Майкл вернулись домой в десять часов вечера. Постель Эллиота была не тронута. Голова Мэри раскалывалась на части. Сквозь слезы она взглянула на полисмена.

— Я очень дурно обращалась с ним в последнее время. Заставляла прибирать комнату...

— Что же тут дурного? — удивился блюститель порядка.

Гарви пытался вмешаться в разговор, но его морда еще с вечера была перетянута платком. Он стал скрести лапами дверь и жалобно скулить.

— Эллиот! — вскочила Мэри.

Эллиот шел по лужайке заднего двора... На радостях Мэри освободила Гарви от пут, и пес завизжал от счастья, двигая онемевшими челюстями.

— Ну вот и ваша пропажа,— улыбнулся полисмен, пряча в карман блокнот, куда записывал сообщаемые Мэри приметы, и оставил воссоединившееся семейство.

— Надо найти его, Майкл. Он в лесу. Где-нибудь недалеко от поляны...

Мэри уложила Эллиота в постель. Теперь пропавшим был Ип. Майкл отправился в гараж за велосипедом и несколько минут спустя уже катил по улице.

Обернувшись через плечо, Майкл увидел, что за ним по пятам следует автомашина. В ней сидели трое и явно наблюдали за ним. Майкл круто свернул в узкий проход между домами и, отделившись от преследователей, поспешил к холмам.

Он нашел Ипа у ручья с опущенной в воду головой. Старый путешественник выглядел неважно, но уверял, что чувствует себя хорошо, а голову держал в воде, чтобы послушать голос ручья...

Для вящей убедительности он махнул рукой на ручей, на деревья, на небо, но Майкл видел, что Ип бледнее обычного и двигается медленно и с трудом.

— Но ведь он работает совсем недолго,— говорил Майкл.— Еще рано расстраиваться.

— Вот и скажи ему об этом,— Эллиот кивнул в сторону чулана, где предавался грустным мыслям инопланетянин.

Пришелец из космоса понимал, что глупо ждать немедленного результата, которого может и вообще не быть. Он грезил о Великом Корабле; стоило только закрыть глаза, как перед ним всплывал его прекрасный, сверкающий образ, приближающийся к Земле,

но, очнувшись, Ип снова оказывался один; и только полупустая коробка конфет и бестолковый Маппит разделяли его уединение.

В другом конце дома Мэри занималась уборкой, размышляя над тем, подскажет ли ей жизнь ответ на мучавшие вопросы и что ее ждет впереди. Она задумчиво орудовала пылесосом, подхватывая обрывки гитарных струн и какие-то семена, при виде которых пугалась — уж не марихуана ли это... Эллиот и Майкл очень странно ведут себя в последнее время, также, впрочем, как и Герти... Что происходит в доме?..

Аэробикой заняться, что ли?

Во всех случаях надо купить новые туфли.

А может быть, так и надо, и все идет как положено? Ах, если бы еще на лице не добавлялось морщин и не приходилось покупать дорогие крема для борьбы с ними...

В дверь позвонили.

По непонятным причинам сердце Мэри учащенно забилося. Безумие, конечно, но в последнее время все словно с ума посходили. Она устремилась к двери с мыслью, что на крыльце ожидает ее очаровательный бродяга-муж... Или кто-нибудь другой, высокий, темноволосый, неотразимый...

Она открыла дверь.

Перед ней стоял невысокий, рыжий и противный... мальчишка.

— Эллиот дома? — прогнусавил он.

— Минутку, Лэнс... — она тяжело вздохнула и поднялась по лестнице к комнате сына. Дверь, как обычно в последнее время, была заперта на ключ. Что они там делают? Что за бессердечие, вынуждают ее преждевременно прибегать к разным кремам...

Она постучала.

— Эллиот, к тебе Лэнс.

— Поганец?! Скажи, пусть проваливает!

— Я скажу, чтобы он поднялся.

Она спустилась в прихожую, подумав, что вся ее жизнь ограничена теперь этими ступеньками. Неужели впереди ее ничего не ждет?

— Спасибо, — поблагодарил Лэнс и уверенно двинулся к лестнице. Нечто совершенно новое неожиданно ворвалось в его жизнь, и он хотел выяснить все до конца. Его торчащие уши, которые мать на ночь приклеивала скотчем к затылку, вопреки всем ее надеждам оттопыривались еще больше. Он постучал.

— Открой, Эллиот.

— Убирайся...

— Я хочу видеть инопланетянина.

Он улыбнулся, гордый произведенным эффектом, так как за дверью вдруг наступила мертвая тишина.

Дверь распахнулась, и назойливый проныра, всюду сующий свой нос, переступил порог.

— Послушай, давай сразу договоримся, — начал он с места в карьер. — Признаю, я был неправ. Я верю в пришельцев из космоса. Вчера я следил за вами в лесу.

— Я же тебе сказал, что это мой двоюродный брат!

— Значит, родственники твои чудовищные уроды. Я видел его, Эллиот, видел собственными глазами!

— Ничего ты не видел!

— Не хочу тебя пугать, но сейчас на улице какой-то тип стучит во все двери и спрашивает, видел ли кто что-либо странное в квартале.

— Ну и что?

— А то, что я могу кое-что порассказать... А могу и молчать как пень. Выбирай...— Лэнс многозначительно смотрел на Эллиота, дрожа от возбуждения. Он был бы не таким уж плохим парнем, этот Лэнс, если б не уродился фискалом. Такие обычно появляются именно тогда, когда людям плохо, и делают им еще хуже.

Эллиот тяжело вздохнул. Лэнс понял, что одержал победу, и принялся задавать вопрос за вопросом:

— Где ты нашел его, Эллиот? Откуда он прилетел? Какого он происхождения? Говорит по-нашему? Обладает не известными нам способностями?

— Только разболтай о нем, и он разложит тебя на атомы, превратит в прах,— вмешался Майкл.

— Он это может? Правда? Он уже так делал?

Эллиот открыл дверь и вошел в чулан.

Инопланетянин растерянно хлопал глазами. Он слышал гнусавый голос Лэнса и понимал, что следует быть настороже — явилась опасная личность.

— От этого прохиндея ничего не скроешь,— горько сказал Эллиот,— но тебе ничего не грозит, обещаю.

Ип прикрыл руками лицо и покачал головой. Хэллоуин кончился, а его внешность не из тех, которые можно показывать землянам в будни.

Всех отвлек звонок в дверь. Эллиот и Майкл насторожились. Майкл шмыгнул к лестнице и притаился за перилами, откуда мог наблюдать за прихожей.

На звонок вышла Мэри. Она только что вымела из-под дивана груды шариков из жеваной бумаги для стрельбы из трубочек, которых могло бы хватить на всю жизнь, и какой-то старый журнал.

«Ох уж эти дети»,— вздохнула она.

Звонок настойчиво трезвонил. Мэри поспешила к двери, наверняка зная, что не увидит высокого, темноволосого, неотразимого мужчину.

Она отперла дверь.

На пороге стоял высокий, темноволосый, неотразимый мужчина, но... явно не в своем уме. Она поняла это с первых же слов:

— ...расследуем слухи о неопознанном летающем объекте...

Мэри посмотрела на связку ключей у него на поясе, а он сунул ей под нос какую-то бляху. Может быть, вырезал из консервной банки?..

— Простите, но я не понимаю...

— Неподалеку отсюда опустился неопознанный летающий объект. У нас имеются основания предполагать, что один из членов экипажа остался на Земле...

— Вы шутите?

— Нисколько, уверяю вас. — Незнакомец впился в нее взглядом.

Она изумленно смотрела на него. Разведенная жена с тремя детьми на руках, одинокая, брошенная и думающая о том, чтобы заняться аэробикой, — и вот у ее дверей появляется привлекательный мужчина, возможно одинокий, и интересуется... летающими тарелками!

С упавшим сердцем она теребила в руках тряпку, которой стирала пыль.

— Я ничего не видела...

Незнакомец перевел взгляд за ее спину, в глубь дома, будто что-то высматривал. Если он что-нибудь замышляет и попытается пройти, она чем ни попадя разобьет ему голову.

Но незванный гость извинился за причиненное беспокойство и ретиrowался. Глядя ему вслед, Мэри подумала, что не иначе в детстве он начитался комиксов, но тут увидела, что возле него остановился сверкающий автомобиль, похожий на те, в которых ездят правительственные чиновники (она видела такие по телевизору), водитель вскинул руку к козырьку, и незнакомец занял место на заднем сиденье, где уже находились двое.

Мэри отошла от окна и продолжила уборку. А что если она недооценила посетителя? Что если это серьезный человек, занимающийся важным делом?

Или все они чокнутые? Ищут у нее какого-то пришельца из космоса! Будто ему негде прятаться, кроме как у нее в доме!

Она открыла стенной шкаф, привела в порядок разбросанные там обувь, перчатки, куртки, шапки. Зонтика на месте так и не нашлось. Она была уверена, что это дело рук Майкла или Эллиота, и лишь надеялась, что они не употребили его на что-либо дурное.

Майкл пулей влетел в комнату Эллиота.

НЛО. — Это из полиции! Показал маме бляху. Говорит, что прилетел

Лэнс подскочил, словно на пружинах.

— Вы видели НЛО? Везет же людям!..

— Что сказала мама? — перебил Эллиот.

— Ничего.

— Он знает о передатчике?

Лэнс снова подскочил.

— Так вот что это такое! Он привез его из другого мира?

— Он сделал его из заколок для волос.

— Заколоч для волос?! — Лэнс сперва не поверил, но сразу нащупал суть, как и положено выскочкам.— Он хочет вернуться на свою планету? Когда? — Но, сообразив, что может потерять завоеванные позиции, возобновил угрозы: — Покажите мне инопланетянина или я побегу за полицейским! Я не шучу!

— Ты шантажист!

— Ничего не могу с собой поделывать.

Припертый к стене, Эллиот растворил дверь чулана.

На пороге появился Ип. Он был спокоен и неторопливо жевал печенье, глядя на Лэнса.

У того опустились руки, кровь отхлынула от щек. В голове зазвучали сигналы, те самые, которые он слышал, когда мчался при луне на велосипеде.

— Теперь можно и умереть,— прошептал он.

— За этим дело не станет,— сказал Майкл,— если не поклянешься на крови.

— На чем угодно,— бормотал ошеломленный Лэнс, забыв не только о существовании братьев, но и обо всем на свете и не сводя глаз с Ипа. Ведь перед ним стояло самое невероятное создание в мире.— Я... мечтал о тебе... Всю... всю жизнь...— тихо произнес он.

Майкл взял его за руку.

— Повторяй за мной: клянусь, никогда не рассказывать ни единой живой душе то, что я видел сегодня...

Майкл надрезал палец себе, затем Лэнсу. Показались капли крови, и Майкл прижал свой палец к пальцу Лэнса, который повторял:

— Клянусь... ни одной живой душе...

Инопланетянин с удивлением наблюдал за происходящим и в свою очередь поднял палец, кончик которого зарделся розовым светом. Розовый лучик коснулся пальцев Майкла и Лэнса. Ранки перестали кровоточить, порезы мгновенно затянулись, не оставив следа.

За глаза подчиненные звали его Ключником. У него были имя и фамилия, но связка ключей более точно определяла его сущность — ключей от ничем внешне не примечательного склада со многими весьма примечательными кабинетами, от каждого из которых у него был отдельный ключ.

И вот сейчас в одном из таких кабинетов Ключник стоял перед оперативной картой с нанесенными на ней концентрическими кругами, сходящимися в одной точке. Не повышая голоса и не отрываясь от карты, он обратился к помощнику. Отхлебывая из чашки черный кофе, тот просматривал список ученых, представителей самых разных наук.

— По радио какие-то религиозные фанатики болтали о нашем расследовании. Считают, что корабль — дело рук сатаны...

— А вы не подумали, что, задействовав всех этих людей, можно оказаться в идиотском положении,— помощник указал на список.

— Настал момент привлечь их,— отозвался Ключник, не отрывая взгляда от карты.

— Но, может быть, все это детское воображение? Знаете... буйные детские фантазии, ребячьи забавы...

— Корабль приземлился здесь,— Ключник ткнул пальцем в один из кругов.— А разговор об оставшемся на Земле инопланетянине мы подслушали вот здесь.— Он указал на точку, где находился дом Мэри.— Слишком близко, чтобы быть совпадением.

Ключник включил магнитофон. Послышался голос Эллиота:

— «...из космоса, Майкл, из далей, которые и представить себе трудно. Мы должны помочь ему...»

Ключник нажал кнопку «стоп», и в комнате наступила тишина. В ту памятную ночь он увидел очертания корабля, появившегося со стороны звездного неба, на экране радара и понял всю грандиозность происшедшего. Прибытие корабля подтверждало вычисления Ключника.

Помощник вышел из-за стола и встал рядом с Ключником перед картой.

— Тут все, кого вы хотите позвать,— сказал он, постукивая пальцем по списку,— словно перечень приглашенных на банкет по случаю присуждения Нобелевской премии.

— Оповестите всех.

— Прошу вас, выслушайте меня, пока мы не впутали в это дело ученый мир! — Помощник обернулся к карте.— Если кто-то и отстал от корабля, вряд ли он прячется в чьем-либо доме.

— Почему?

— Да потому, что он слишком отличается от нас. Скорее всего он скрывался бы в лесу. Думаете, их не обучают выживанию в экстремальных условиях? Или разум, создавший такой корабль, не предусмотрел всех случайностей?

— Они не ждали встречи с нами,— упрямо возразил Ключник.

— Ну и что? Разве вы на его месте стали бы стучаться в первые попавшиеся двери?

— Он прячется в этом доме!

— Давайте убедимся в этом, прежде чем созывать всю эту братию,— помощник потряс списком.— Черт знает что начнется, как только они съедутся. Тогда уж огласки не избежать. А если там не окажется никого, кроме шалопаев, помешанных на пришельцах из космоса, вы потеряете работу. Еще бы, пустить на ветер десять миллионов долларов! Не забывайте — правительство сокращает бюджет. Мы ходим по острию ножа.

Ключник кивнул на список:

— Созовите их.

Помощник развел руками.

— Если вы ошибаетесь, нам обоим придется искать работу... Будем заниматься сбором улики для бракоразводных процессов...

Частным сыском по дешевым мотелям... Подсматриванием в замочные скважины... — он направился к двери, но остановился на полпути: — Если он и существует, то разве что на холмах, пробавляется чем бог послал.

— Вроде Робинзона Крузо?

— Именно. И уж, конечно, не сидит нигде на кухне, посасывая молочный коктейль.

Ип сидел на кухне и посасывал через соломинку молочный коктейль. Соломинка — одно из самых превосходных изобретений на Земле, так удобно и приятно пить через нее.

— Нравится, Ип? — спросил Эллиот, сидевший напротив.

Инопланетянин кивнул в ответ, и удивительно вкусный напиток забулькал в его стакане.

Приказ Ключника был приведен в исполнение. Разбросанных по всей стране ученых и специалистов (после проведенной загодя негласной проверки благонадежности) запросили о согласии участвовать в весьма странном мероприятии. Одни отозвались на это, явно потешаясь, другие — с пренебрежением, но никто даже из давших согласие не предполагал, что все это серьезно. Поэтому полной неожиданностью для большинства явился телефонный звонок с официальным вызовом. Положив трубку, люди недоумевали: кто же потерял рассудок — они или правительство?

Передатчик неумоимо посылал сигналы в космос. Он не был ни запатентован, ни защищен лицензией, и по виду место ему было на городской свалке. Но, приблизившись, Эллиот ощутил силу излучаемой передатчиком энергии.

Наступила ночь, а мальчик не оставлял поляну. Храповик слабо потрескивал, словно в траве перекликались сверчки.

Лежа на спине, Эллиот любовался усыпанным звездами небом. Какие чудесные звезды — добрые, ласковые, манящие... По временам луна будто разламывалась пополам, из нее выплескивался оранжевый свет, и дрожащая вуаль пронеслась по мерцающему небосводу. Тихий голос нашептывал неясные слова, или это шумел ветер?

Передатчик работал не переставая. Непонятный код уже становился Эллиоту родным, а свет луны, отраженный перевернутым зонтиком, проникал в самую душу.

Он представил себе, как волнуется Мэри, не зная, куда он запропастился, что с ним, чем он так поздно занимается, но тут же выбросил эти мысли из головы и растянулся на траве, раскинув руки. Загадочные звезды ткали паутину из лучей, их нежное мерцание, перемещаясь по небосклону, гипнотизировало его.

Шли часы, а он все лежал, охваченный силами, которым не мог противостоять, силами, о которых ничего не знал и о которых на Земле еще и не ведали.

По телу мальчика пробежала дрожь, то ли оттого, что ему стало зябко, то ли от тех чувств, которые вдруг шевельнулись в нем. Ощущение космического одиночества пронзило его до мозга костей. Он застонал под тяжким бременем, ибо землянам еще не было дано знать чувства тоски по звездам.

Так нашептывал ему голос, и юный разум Эллиота впитывал все новые и новые образы.

Для землян, прикованных к своей планете, чужда боль все-ленской любви, уверял Эллиота золотистый ветерок, разносившийся по бесконечным просторам мироздания.

Мальчик глядел в ночное небо, и ему казалось, что он вот-вот покинет телесную оболочку и вознесется к вечному сиянию мудрых звезд, влекущих к себе и скрывающих свои тайны от людей. Он заметался по траве, тело затрепетало от соприкосновения с холодным звездным огнем. Вдруг его осенило послание, адресованное существу более совершенному, чем он, существу, природе которого была введена любовь к звездам и ответное чувство удивительной солнечной силы.

Музыка Вселенной заполонила истерзанную душу маленького землянина, ошеломив магическим экстазом космоса, от которого земляне ограждены законом эволюции. Он подавил рыдание, поднялся на нетвердых ногах, подошел к велосипеду. Мальчик не в силах был ни воспринять, ни справиться с натиском обрушившейся на него лавины образов из пространства — времени. Дрожая всем телом, он вскочил на велосипед и поехал по просеке; велосипедные фары светили, словно маленькие луны, у его ног.

По стенам кабинета Ключника были развешаны фотографии. Штампы на них свидетельствовали, что они являются собственностью военно-воздушных сил. На одних снимках были какие-то световые пятна и полосы, горизонтально или вертикально пересекающие небо, на других изображения были отчетливы настолько, что создавали впечатление достоверности. Особенно отличались снимки, сделанные пилотами разведки ВВС, мало подверженными галлюцинациям и далекими от всякого рода фототрюков.

На столе Ключника лежал пластиковый отпечаток следа, оставленного инопланетянином в мягкой почве неподалеку от корабля. Рядом, в папке, находились результаты послойного анализа грунта в месте посадки.

Судя по снимкам, Ключника нельзя было заподозрить ни в опьянении лунным светом, ни в том, что он профан или профессиональный мистификатор. Он был государственным служащим с неплохим окладом. В данный момент он оправдывался по те-

лефону перед начальством, заверяя, что руководимое им учреждение в ближайшее время окупит отпускаемые на него средства.

— Это займет еще несколько дней... Нет, отсрочка неизбежна... Мы подчиняемся директиве, согласно которой искомым объект должен получить максимум жизнеобеспечения...

Ключник слушал, кивал, барабанил пальцами по столу и в который раз повторял:

— Вся территория находится под наблюдением, никто не может проскользнуть мимо нас... Да, да, хорошо...

Он положил трубку. Была ночь, одна из последних сравнительно спокойных ночей перед бурей. Ключник отхлебнул остывший кофе. Если он ошибся и пошел по ложному следу, его наверняка уволят... Но два-три часа будут его звездными мгновениями... Бесчестие придет потом.

Дверь открылась, и вошел помощник.

— Карантинный блок чертовски громоздкий. Ведь им придется накрыть весь дом.

— Ну и что?

— Вам доводилось видеть пластиковый тент величиной с дом? Да еще с воздухопроводами? Потрясающее зрелище, уверяю вас. Соберется не меньше миллиона зевак со всех пяти округов.

— Их не пропустят.

Помощник взглянул на отпечаток следа.

— Не проще ли проникнуть туда, схватить его и — привет?..

— Я предпочел бы сделать именно так, но они... — Ключник кивнул на телефон, — не хотят.

— Еще бы! Им, видите ли, нужна реклама... А если инопланетянина там нет, а мы заявимся со всем оборудованием и кучей народа, — помощник постучал по пачке бумаг на столе, — представляете, что будет? Мы взбудоражим весь городок. И не забудьте — они предъявят иск правительству... — Он повернулся и вышел.

Ключник все понимал, но не придавал этому значения. Он твердо знал, где находится инопланетянин. Раскурив сигарету, он выпустил дым к потолку и сунул погасшую спичку в отпечаток ступни Ипа.

Подкатили автомашины. Ворота склада распахнулись, и служащие в форменной одежде указывали, в какие отсеки завозить прибывшие грузы.

Ключник все проверял сам, сам назначал людей, в чьи обязанности входил монтаж и обслуживание оборудования. Складское помещение стало походить на военный госпиталь.

Ип открыл дверь чулана, и Эллиот повалился внутрь, на подушки. Лицо у него распухло, губы дрожали; не в состоянии

повторить услышанные им послания звезд, он только всхлипывал, а гость из космоса внимательно смотрел на него.

Ип положил руку на лоб мальчика. Концентрированное воздействие галактических волн оставило Эллиота. Он весь съезжился, тяжело дыша. Но не прошло и нескольких минут, как он заснул, словно окутанный коконом, сквозь который не мог проникнуть звездный дурман.

Старый путешественник смотрел на спящего ребенка, ощущая особое горько-сладкое чувство, совмещавшее в себе боль и радость, он не мог сразу понять его, но вдруг осознал — он любит мальчика.

«Я его учитель и защитник,— думал он.— Но куда я могу повести это юное существо? В темное безумие ночи?.. И чему я научил его?.. Красть из скобяной лавки?.. Эллиот,— Ип снова коснулся лба мальчика,— ты свет моего сердца, благодаря тебе оно светит ярче. Это ты мой учитель, мой защитник и наставник. Разве есть на свете еще один такой ребенок? Такой бескорыстный и добрый? Пусть каждая звезда благословит тебя и одарит бесценным знанием, которое ты сможешь понять и употребить на благо людям...»

Знаком он что-то приказал нежному свечению луны и мерцанию звезд и укрыл ими спящего Эллиота.

Послышалось фырканье, Гарви царापался в дверь, явившись на ночное бдение с Ипом.

Космический гоблин растворил дверь, и пес, не вполне уверенный в собственной безопасности, трусливо, боком, протиснулся в чулан. Он обнюхал спящего Эллиота, несколько раз обошел вокруг него и наконец уселся перед инопланетянином.

Ип учил его тому, что должна знать собака, воющая на луну под телепатическим действием звездных лучей.

Мэри стояла у бюро, перебирая картотеку. Одиннадцать часов утра, а ноги уже дают о себе знать. Перед ней была груда бумаг, которые следовало рассортировать. Она предпочла бы делать это в аэродинамической трубе, чтобы увидеть, как воздушный поток подхватит и унесет весь этот бумажный хлам.

— Мэри, отнесите отчеты в торговый отдел, когда сможете.

Когда смогу? Она взглянула на управляющего. Тиран, садист и болван. Правда, будь он холост, она бы согласилась выйти за него. Вот тогда бы можно было отдохнуть...

— Хорошо, мистер Краудер, отнесу, как только смогу.

— А пока что не смогли бы вы...

— Да, с удовольствием.

— Но я еще ничего не сказал! — удивленно нахмурился он.

— Простите, мистер Краудер, мне показалось, что шкаф с картотекой вот-вот опрокинется. Это уже случалось.

— Да ну?!

— Вот именно, если сразу выдвинуть все ящики.

На время это отвлекло мистера Краудера, который застыл на месте, уставившись на шкаф.

Мэри иногда развлекалась подобным образом. И как удалось тупице без всякой квалификации занять такое положение в фирме?! Впрочем, еще чаще ее удивляло, как она, работая здесь, не сходит с ума... Она подумывала, не оставить ли фирму. Может быть, сделать это сегодня же и наняться на заправочную станцию? Механики, которые обслуживали ее машину, всегда казались ей не лишенными юмора.

— Вы говорите, если сразу выдвинуть все ящики? — мистер Краудер все еще разглядывал шкаф.

— Только не пробуйте это проделать.

— Но ведь следовало бы приколотить его наглухо к стене, не так ли?

— Возможно.

Куда лучше было бы приколотить к стене самого мистера Краудера. И пользоваться им, как доской объявлений.

— Я доложу руководству, — управляющий ушел.

Теперь он будет размышлять об этом до самого обеда.

Обеденный перерыв Мэри провела на скамейке в парке. Она жевала сандвич, растирая подъем ноги. Сидевшая рядом пожилая женщина беседовала со своей сумкой. Мэри взглянула на соседку, — возможно, такая же конторская служащая, как и она...

— Вот и я так кончу... В беседах с собственной сумкой...

Она вытянула ноги и вздохнула. Ах, появился бы претендент на роль мужа, да еще со счетом в банке... Она закрыла глаза, но вместо высокого и стройного предмета грез ей привиделась какая-то бесформенная фигура ростом чуть выше зонтика, которая приближалась к ней с плиткой шоколада...

— Путешествуете по делам? — спросил соседа пассажир авиалайнера на высоте тридцать тысяч футов.

— Да, — ответил микробиолог, — конференция...

Эллиот открыл свой шкафчик, из которого посыпались тетради и всякая всячина, и сунул в него учебники. Окинув удрученным взглядом беспорядочную кучу, он махнул рукой и захлопнул дверцу. Могут ли сравниться школьные уроки с загадочным сиянием звезд?.. Скукотища... Он вышел в коридор. Серые, как в тюрьме, школьные стены нагоняли тоску. А тут еще Поганец шагнул навстречу.

В руках рыжего пройдохи было зеркальце. Он приставил его к лицу Эллиота.

— Парень года, друг президентов, королей и инопланетян, — он повернул зеркальце так, чтобы в нем отразилась и его собственная физиономия. — Конечно, с тобой там будет и еще кое-кто... Мы знаем кто, правда?

Пустобрех и зануда... Впрочем, трепотня Лэнса вызывала ожидаемый эффект — Эллиоту захотелось как следует вздуть его.

Лэнс улыбнулся, чувствуя, что наконец чего-то достиг в этом мире. Теперь он мог бы прямо из пятого класса стать учеником аэрокосмической программы и давать советы по связи с инопланетянами; разве не звучат у него в голове какие-то сигналы?

— Он все время разговаривает со мной, Эллиот. Я ему нравлюсь.

— Не понимаю, чем...

— А он понял, что я могу быть ему полезен. Послушай,— Лэнс взял Эллиота за рукав.— Ты знаешь, что мы теперь самые важные люди в школе? Ведь мы в контакте... — его глазки еще более перекосились, словно у ночной белки-летяги в дневное время.

Эллиот взглянул в слезящиеся бусинки глаз Лэнса и должен был признать — в них отражалось сверкание Ипа. Это помогло ему подавить в себе страстное желание отлупить Поганца.

— Да-да, правда. Мы в контакте... Ну, мне пора... — он зашагал по коридору, а Лэнс отправился восвояси. Оба слышали звездный зов, но сигналы у Эллиота были сильнее и звучали не так радостно — чувство космического одиночества вернулось с волной, проникшей сквозь школьные стены. Проследить источник волны не представляло труда: школа, городской квартал, холмы, у подножий которых приютилось несколько домиков, и в одном из них, в тесном закутке,— подавленный старый космолог с геранью в руках.

— ...Инопланетянин... — бормотал микробиолог по пути в зал заседаний.— Я уже жалею, что согласился участвовать в этой дурацкой затее... — обернулся он к коллеге.

— А я смотрю на это как на отдых,— засмеялся тот.

— Правительство могло бы придумать лучший способ использовать наше время,— пожал плечами микробиолог.

Они вошли в зал. Места за столом уже были заняты. Ученые, военные, медики беседовали между собой.

Легкое позвякивание ключей возвестило о появлении инициатора собрания. Ключник прошел к председательскому месту. Все стихли.

— Дамы и господа, мы недолго задержим вас. Я понимаю, вы устали с дороги, а завтра вам придется встать до рассвета. Система карантина, разработанная нами, вполне совершенна, но потребует серьезной подготовки...

Что же представлял собой этот Ключник, спокойный, уравновешенный человек, находившийся в самом эпицентре циклона, с каждой минутой набиравшего силу?

С детства его преследовала заветная мечта: на Землю приходят пришельцы из космоса и избирают его посредником для передачи человечеству вечных знаний и опыта, накопленных Высшим разумом.

Детские грезы редко воплощаются в жизнь. Мечты Ключника увлекли его в сомнительные сферы деятельности, связанной с разведкой, пока наконец он не стал одним из тех, кто расследует самые загадочные и непонятные небесные явления — вспышки света в ночи, туманные следы на горизонте, трепещущие очертания на экране радара.

Ключник провел долгие месяцы в пустынях и на вершинах гор, видя над головой карту звездного неба, где в неподвластном воображению отдалении от Земли плавала сводящая с ума тайна.

Как всякий упорный охотник, Ключник наконец уловил некую систему в передвижениях своей жертвы. Он был первоклассным специалистом, исколесил в джипе тысячи миль, но ему приходилось довольствоваться земной техникой, в то время как объекты его интереса двигались высоко-высоко над ним с неземным изяществом и быстротой. Но привычка становится правилом, и Ключник обнаружил некую закономерность. Посещения небесного корабля зависели от вегетационных циклов земной флоры.

Космический корабль появлялся в определенной точке земного шара в период цветения. И теперь на стене кабинета висел четкий фотоснимок корабля, сделанный в момент его приземления среди холмов, неподалеку от дома Мэри.

За окнами двор склада гудел от прибывшей техники и голосов сопровождающих ее специалистов. Ловушка готовилась медленно, слишком медленно, с точки зрения Ключника, но нельзя было допустить ни малейшей оплошности, чтобы не прозевать и не испортить добычу.

Внутри складских помещений разворачивались всевозможные системы жизнеобеспечения, ибо мертвый инопланетянин не представлял собой желанного приза. Его необходимо было взять живым, и для этого Ключник предусмотрел все. Что бы ни произошло с инопланетянином от длительного пребывания в чужеродной земной среде, у Ключника на все было готово противоядие. Были мобилизованы все достижения медицины. Все, что Земля могла предложить, было наготове и в любой момент могло быть предоставлено в распоряжение ученых для спасения плененного члена экипажа космического корабля.

Ключник не мог знать только одного, что созданная им куча специалистов способна лишь повредить маленькому инопланетянину, который довольствовался «ММ» и не нуждался ни во внутритреннем питании, ни в трансплантации органов.

Но Ключник сплел гигантскую сеть, в которой было предусмотрено все. Здесь смогли бы даже оживить замерзшего в ледниковый период мамонта (если бы до этого дошло дело), оживить любой орган, любую клетку, создать любую среду обитания, мыслимую во Вселенной.

— Мне не нужен мертвец,— неустанно повторял он своим сотрудникам и приехавшим по его зову ученым.

Уже было смонтировано самое разнообразное оборудование. Если бы каждую проволочку, бывшую наготове, прикрепить к телу инопланетянина, он стал бы похож на телефонный коммутатор. Все, кто находился на складе, страстно желали поскорее вступить в контакт с инопланетным существом. Разве можно не мечтать об этом?..

Гигантская сеть Ключника была готова опутать маленькое, всего в три фута ростом, создание, прячущееся в чулане и каким-то образом знавшее о том, что готовится.

Герань начала вянуть, ее веточки клонились книзу, как и голова Ипа. Руки его безвольно поникли и опустились на колени, словно пара мертвых рыбок. Надежда на передатчик оставила его. Прибор действовал уже несколько недель, но космос безмолствовал. Экипаж Великого Корабля был далеко, он мчался в пространство вне досягаемости сигналов с Земли.

«Я умираю, Хозяин»,— едва слышно прошептала герань, но старый ботаник был бессилен помочь — цветок впитывал его эмоции, а он уже не мог ими управлять. Космическое одиночество пронизывало Ипа до мозга костей. Он оперся о Маппита, с трудом привстал и выглянул в окошко. Взгляд его устремился к небу, в небесную голубизну, но никаких признаков сияния излучаемой кораблем энергии, ни следа туманности от него там не было. Только самолет землян выписывал в небе буквы, рекламируя торговый центр, куда для привлечения покупателей завезли пару орангутанов.

Ип отвернулся от окна. Еще немного, и его тоже выставят на всеобщее обозрение. Набьют поролоном, покроют лаком и станут показывать в витрине или в стеклянном шкафу. А рядом еще положат несколько печений «Орео», вот, мол, чем питалось это существо...

Он открыл дверь чулана и вышел в комнату Эллиота.

Переступая через разбросанные по полу вещи мальчика, он уныло проковылял в коридор, спустился в прихожую, прошлепал утиными лапами по ковровой дорожке и остановился, всем телом ощущая пульсацию дома. Это было беспорядочное, сумбурное место, но ему здесь нравилось. Как бы он хотел принести счастье его обитателям, осуществить все их несбывшиеся мечты, но в его силах было разве что заставить мебель плавать по воздуху... Что толку от этого? Станет труднее садиться в кресло — вот и все.

Он прошаркал по прихожей, неуклюжий, маленький, ростом не выше зонтика, потом побрел в кухню и открыл холодильник.

У него возникло желание съесть кусок швейцарского сыра.

«Чем бы его запить?» — подумал он и остановил свой выбор на небольшой светлой бутылке. Сев за стол, он пригубил на-

питок: ячменный солод, хмель с добавлением риса и кукурузы. По-видимому, совершенно безвредное питье.

Он выпил бутылку до дна, напиток ему понравился, и он осушил вторую.

Солнце расплескало золотистые лучи по столу. Ип обернулся к окну. Ему показалось, что оконная рама слегка покачивается, сперва налево, потом направо.

Что за странность?..

Ип откупорил еще бутылку и залпом опустошил ее прямо из горлышка, наслаждаясь бульканьем влаги.

Поднявшись со стула, он обнаружил, что не может сделать ни шагу.

«Свершилось»,— сказал он самому себе, цепляясь за край стола, чтобы удержаться на ногах. Земное притяжение... Колени у него подгибались, он предчувствовал, что именно так и случится, когда пробьет его час и сила земной гравитации станет непосильной для ослабевшего скелета.

Ноги разъезжались в разные стороны, колени словно размякли. Он налетел на плиту, отшатнулся, ударился о дверь. Руки не подчинялись ему, безуспешно хватая воздух.

Шатаясь из стороны в сторону, старый ученый просеменил в гостиную; живот его волочился по ковру, свесившись больше обычного. «Хорошо бы,— подумал он,— приделать колесики». Он даже представил их себе, по одному колесику по обе стороны живота, и фонарики, как на велосипеде Эллиота.

Ип включил телевизор.

«...протяни руку,— раздалось оттуда,— протяни руку и коснись кого-нибудь...»

Моргая, он тупо уставился на экран.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку, как это делал Эллиот, и прислушался. Откуда-то из глубины ее послышался женский голос, похожий на голос Мэри, но много старше, сварливый и нервный.

— Послушай, Мэри, у меня всего одна минута, запомни рецепт, уверена, он тебе понравится, при твоём сумбурном питании...

«...протяни руку,— вопил телевизор,— протяни руку и скажи: „Привет“...»

— Привет,— повторил захмелевший гоблин.

— Эллиот, это ты, мой ангел? Что ты делаешь дома? Почему не в школе? Ты заболел? Это твоя бабушка, ненаглядный мой... Тебе нужно лечь в постель, Эллиот. Немедленно ложись! Пусть мама мне позвонит.

— Позвонит...

— Тебе станет лучше, сладкий мой. Укройся потеплее,— рассеянная старая курица зачмокала в трубку, целуя внука.

Подвыпивший инопланетянин зачмокал в ответ и опустил трубку на место.

Он открыл новую бутылку пива, задрал ноги кверху и продолжал смотреть на телевизионный экран.

Напевая себе под нос, он постукивал одной ногой о другую, напроць забыв, что его телепатический передатчик включен на полную мощность, но отравленный алкоголем мозг был настроен на весьма хмельную волну.

Волна обожала вокруг комнаты, прошла сквозь стену, и, качаясь, поплыла через город, пока не достигла школы.

Эллиот сидел за партой в биологическом кабинете, когда вихляющаяся волна достигла его.

— Перед каждым из вас стеклянная банка,— в этот самый момент говорил учитель.— Я обойду класс и посажу в каждую банку по лягушке. Затем мы опустим туда же ватку, смоченную эфиром, и подождем, пока лягушка перестанет шевелиться.

Эллиот приложил губы к банке и принялся дуть, воспроизводя космические звуки, которые подвыпивший инопланетянин издавал в этот самый момент:

— Бла... бла... бла...

— Эллиот, прекрати паясничать,— прикрикнул учитель.— Немедленно прекрати!

Эллиот хотел подчиниться, но ему показалось, что классная комната меняет форму и сам он тоже меняется. Пытаясь сосредоточиться, он посмотрел на Пегги Джин, сидевшую за соседней партой. Девочке его кривляние явно доставляло удовольствие. Она улыбнулась, и он осклабился в ответ.

— Итак...— произнес учитель, смачивая ватку эфиром.

Эллиот перевел взгляд на банку с лягушкой. Та выпучила на него глаза, и Эллиот вдруг заметил ее сходство с Ипом. Такая же нелепая коротышка, пузатая, как и гость из космоса, беспомощно пялилась на него из стеклянной банки.

— Вы хотите умертвить это беззащитное животное? — спросил Эллиот.

— Вот именно,— ответил учитель.

Тем временем пузатый космический путешественник пьяно глядел в телевизор, где показывали какую-то сентиментальную оперу. Гарви сидел у его ног, по-собачьи надеясь, что чудище даст ему дальнейшие указания, а также отломит кусок сандвича.

На экране телевизора герой оперы награждал героиню страстным поцелуем.

Ип взглянул на Гарви.

Пес тихо заскулил.

Все еще не пришедший в себя инопланетянин обнял лохматого дворнягу и поцеловал в нос.

Эллиот наклонился к Пегги Джин, притянул к себе и страстно поцеловал в губы.

Учитель неистовствовал, и неудивительно: Эллиот метался от парты к парте, освобождая из стеклянного плена лупоглазых узниц, которые, не мешкая, спешили покинуть класс, беспорядочно прыгая по полу.

— Изыдите! — кричал Эллиот, вовсе потеряв голову и переходя на библейский язык. Возможно, он был настроен на какие-то волны особых каналов телевидения, ибо бегал по классу с криком: — Вон, исчадия ада! Именем бога, изгоняю вас!

Последние лягушки немедленно подчинились приказу, вспрыгнув на подоконники.

Тайлер вытянул ноги под партой и печально покачал головой. Впервые за время знакомства с Эллиотом он пожалел его. Эллиот изменился, он больше не был жадным эгоистом, как прежде. В самом деле, он становился добрым малым.

— Сэр! Сэр! — громко завопил Тайлер, желая отвлечь внимание учителя от Эллиота. — Лягушка вскочила в ваш пакет с завтраком!

Учитель лихорадочно схватил пакет и принялся его трясти. Из пакета прямо в банку с раствором формальдегида вывалился сэндвич, ветчина и сыр тут же опустились на дно. Никакой лягушки в пакете не оказалось. Последняя из них с помощью Грега была выдворена с подоконника во двор. Она пролетела по воздуху, подстегнутая метким попаданием шарика из жеваной бумаги.

Разъяренный учитель выволок Эллиота из класса. Стив достал из парты бейсбольную шапочку с крылышками и напялил на голову.

— Наверняка исключат, — громко сказал он и задумался, — вот ведь к чему приводит, когда тобой командует младшая сестренка.

Но подлинный виновник приступа безумия, постигшего Эллиота, вертел в гостиной ручки телевизора. С затуманенной от выпитого головой Ип устроился в кресле, положив короткие ножки на подушку. Шла передача новостей. Сообщалось об аварии на шахте.

«...обвал произошел в южном треке, — говорил в микрофон усталый спасатель, весь покрытый угольной пылью. — Мы вынесли на поверхность всех пострадавших, но состояние большинства из них тяжелое».

Кадры, показывающие жертв катастрофы, оповещали мир о происшедшей трагедии. Сидевший в кресле подвыпивший малютка-гоблин поднял вверх палец, засветившийся розовым светом.

Полуживые шахтеры вдруг повскакивали с носилок и принялись обнимать друг друга, плача от радости и изумления и потрясая исцеленными руками и ногами.

Инопланетянин откупорил еще бутылку.

Учитель тащил Эллиота по коридору к директору. Он был по горло сыт выходками учеников. Жизнь преподавателя биологии

не усыпана розами; орды прыщавых юнцов, с которыми приходилось ежедневно общаться, вконец расшатали его нервную систему. Иногда ему самому хотелось сунуть голову в банку с эфиром. Конечно, с большим удовольствием он проделал бы это с Эллиотом. Борясь со страстным желанием уничтожить мальчишку на месте, он в душе надеялся, что директор хотя бы выпорот хулигана или поручит экзекуцию самому учителю. К сожалению, такое наказание не предусмотрено современной школьной системой, и трясущийся от негодования учитель, излив директору накопившееся возмущение, оставил кабинет, чувствуя, что дети в конце концов одолеют его — швырнут на лабораторный стол, заткнут ноздри ватой с эфиром и распоросуют вдоль и поперек.

Директор был приверженцем умеренности в воспитании. Прогрессивно мыслящий педагог, он набил трубку и раскурил ее, желая установить атмосферу взаимного доверия.

— Скажи, сынок, что стряслось с тобой? Накурился марихуаны?

Он загасил спичку, попыхивая трубкой.

— Твое поколение, мой мальчик, движется прямым путем в ад. Пора осознать ответственность за свое будущее...

Директор был в ударе и наслаждался звуком собственного голоса. Он обрушивал на Эллиота одну прописную истину за другой, почерпнув их из телевизионных передач, газет, скучных педагогических журналов, и сдабривал плоскими взлетами собственной изобретательности.

— ...понимать, что в наши дни человек твоего возраста сам должен воспитывать себя, вытягивать себя наверх за шнурки ботинок...

Директор самодовольно попыхивал трубкой. Мир прочно стоял на месте. Мятежная молодежь скоро поймет, что незачем раскачивать лодку.

— ...Вы не можете изменить систему, сынок. Ваши попытки ни к чему не приведут. Они бессмысленны...

Он подчеркнул последнюю фразу взмахом трубки. Его предшественник, занимавший этот кабинет, был сексуальным маньяком и уволился после того, как его проделки всплыли наружу. Вот он действительно раскачивал лодку. Однако теперь кабинет директора был безгрешен, здесь царил предписанная инструкциями обстановка. Столпы просвещения были неколебимы. Порядок — незыблем...

Если не считать, что Эллиот начал подниматься в воздух...

Конечно, во всем был виноват инопланетянин. Хмельная куролесающая волна, исходившая от него, достигла кабинета директора и стала вздывать несчастного Эллиота кверху, словно воздушный шарик.

Чтобы не оторваться от кресла, Эллиот изо всех сил вцепился в подлокотники. Директор ничего не замечал, увлеченный собственным красноречием, он считал, что провинившийся мальчишка просто корчится от стыда, слушая его нравоучения.

— ...такое легкомысленное отношение к жизни, твое и твоих друзей, не что иное, как потеря драгоценного времени. Видишь, к чему я клоню?.. — он продолжал пережевывать одно и то же, начисто забыв об Эллиоте, плененный звуками собственного голоса.— ...Наш мир — это определенная величина, сынок. Перестань витать в эмпиреях. Брось пустые мечты о том, чего не существует. Вот в чем, мне думается, кроется корень твоих проблем...

Но в этот момент корнем проблем Эллиота было то, что его с корнем отрывали от кресла. Земное притяжение было бессильно. Хмельная волна играючи поднимала его кверху, оторвав руки Эллиота от подлокотников, и он тут же взмыл к потолку директорского кабинета.

В это время директор протирал стекла очков, отвернувшись к окну и разглядывая их на свет, но разглагольствований своих не прекращал:

— ...поведение, мой мальчик. Знаешь ли ты, какой грандиозный прогресс достигнут благодаря тому, что человечество двигалось по заранее предначертанному пути развития...

Он обернулся к Эллиоту, но кресло, где только что сидел мальчик, было пусто.

Эллиот парил под потолком.

Этот факт директор осознал мгновением позже. Глаза его широко раскрылись. Он съежился в кресле, крепче сжав пальцами стекла очков. Он пытался взять себя в руки... Подумаешь, ну парит мальчик под потолком... В голове директора будто стучали молотом по наковальне, а над ним, грохоча колесами, проносился поезд.

Он прижался к спинке кресла и завыл, подобно Гарви.

Эллиот плавно опустился в кресло.

— Можно мне идти, сэр?

— Да, да, пожалуйста, иди...— директор вяло махнул рукой.

Опьяневший вконец инопланетянин шатался по дому. Шесть бутылок пива — непосильная нагрузка для организма старого и невинного небожителя.

Натыкаясь на мебель, переворачивая стулья, он бродил из комнаты в комнату. Гарви преданно следовал за ним, хотя ему было тоже не по себе из-за волн, исходивших от Ипа; он поник, отяжелел, еле залезал под стулья, с трудом выползал оттуда и наконец рухнул под диван.

— Что с тобой? — спросил Ип.— Неужели ты не можешь идти прямо? Как я...— инопланетянин хотел показать, как нужно ходить, но споткнулся и плюхнулся на пол. Затем поднялся и, напевая «Всякое бывает...», попробовал сделать несколько танцевальных па, которым его научила Герти.

Он пел в правильном ключе, но что-то путал в тональности. Гарви скулил подвывая. Псу казалось, что он слышит голос, раздающийся в огромных каменных пещерах, высеченных в далеких мирах, где взад-вперед бродят крохотные чудовища...

— ...Но это только рок-н-ролл...— Ип качался из стороны в сторону, придерживая круглое брюхо.

Этот удалой танец мог бы продолжаться до бесконечности, если бы не вернулась Мэри. Она вошла через парадную дверь, листая журнал, вынутый из почтового ящика, и направилась на кухню.

Старый герой из космоса решил, что пришло время открыться ей в своих чувствах. Он спустился в прихожую.

Гарви устремился следом за инопланетянином и догнал его как раз в тот момент, когда на кухне появилась Мэри. Поспешно встав на задние лапы и высунув язык, он принялся кланчить у хозяйки подачку, стараясь загородить собой космическое чудище.

— Чего тебе, Гарви? — спросила Мэри. — Я не знала, что ты умеешь так служить. Тебя Эллиот научил?

Собака утвердительно кивнула.

— Ведь я кормлю тебя позже, Гарви, ты же знаешь! — с этими словами Мэри вышла во двор.

Гарви опустил на все четыре лапы — он никогда не любил стоять на задних лапах в просительной позе — и взглянул на старого инопланетянина.

Ип посмотрел на пса, затем перевел взор в сторону двери, ведущей на задний двор, и, решив, что бессмысленно дольше скрываться от Мэри, оттолкнул Гарви в сторону.

Пес, словно мячик, взмыл вверх и опустился на порог в тот самый миг, как в дом с прижатой к груди охапкой цветов входила Мэри.

Гарви снова умильно завилял хвостом и запрыгал перед хозяйкой, закрывая собой Ипа. Мэри остановилась. Лицо ее было скрыто цветами, и она не заметила старого волокиту.

— Гарви, ты слишком возбужден сегодня. Уж не подсыпал ли Майкл чего-нибудь в твою миску?

Пес отрицательно помотал головой.

Мэри опустила цветы в вазу с водой, поставила ее на стол, перекинула через плечо приготовленную к стирке скатерть и пошла к лестнице. Неужто Гарви кивал в ответ головой или ей показалось?..

Ип стоял, привалившись к стулу. Сколько можно бесцельно блуждать по дому? В поясе астероидов и то легче маневрировать.

Он пошатнулся, глубоко вздохнул и решительно двинулся вперед. Ведь кто знает, возможно, настал его последний день на Земле? Если сила земной гравитации будет подгибать его колени, он и до вечера не протянет. Нет, он не умрет, не открыв Мэри своих чувств.

С трудом доплелся Ип до лестницы. Гарви, как привязанный, брел рядом, недовольно ворча и барабая хвостом по перилам.

В ванной комнате Мэри готовилась к любимому вечернему душу. Захотела бы она, чтобы в ванной вместе с ней оказался инопланетянин? Чтобы он стоял рядом на смешных утиных лапах и смотрел обожающими глазами? Не похоже. Но вероятность этого возрастала по мере того, как Ип карабкался вверх по лестнице, напевая «Всякое бывает».

За шумом воды Мэри не слышала космической серенады. Прошло несколько минут, пока нагрелся котел и пошла горячая вода. Она начала раздеваться.

Ип как раз проходил мимо ее спальни. Он заглянул в дверь, и все цветы бессильно поникли, то ли под собственной тяжестью, то ли от смущения. А что древний ботаник? Он продолжил свое шествие по коридору в сторону ванной. Гарви напрягся и поджал хвост. Ему запретили появляться в ванной комнате с тех пор, как он сжевал банный коврик.

Но тут старый путешественник остановился и... зашлепал обратно в свою каморку. Там он повалился на подушки и впал в забытье.

Ключник не знал, что губит трофей, о котором столько мечтал, что Ип уже телепатически обнаружил собранную Ключником ультрасовременную аппаратуру, и это угнетающе подействовало на инопланетянина. Он еще до конца не мог осознать, что означает вся эта неясная световая мозаика, паутина зондов, раздражающих его периферическое сознание, но его раздирали тысячи смутных тревог, и даже удивительное знакомство с пивом не помогало рассеять их. Лежа в чулане, не в силах приподнять голову, он ощущал механические руки, которые крепко сжимали его. Он забылся тревожным сном, сопровождаемым страшными видениями.

Источником этих видений был расположенный неподалеку склад, где ни на минуту не прекращалась работа. Ключник ликовал в предвкушении триумфа. Подчиненные, словно муравьи, взволнованно сновали вокруг. Приближался исторический момент. Ключник понимал это, каким-то образом соприкоснувшись с телепатическим полем цивилизации, которая создала удивительный корабль и управляла им. Упоительные картины превосходили самые смелые мечты его детства, и странная любовь зрела в нем, любовь к чудесному разуму, который коснулся Земли.

Все было готово, отсчет времени начался. Но Ключника сковывала неосознанная сопротивляемость кораблю и его экипажу. В него словно вселилась могучая энергия корабля. Ключник опасался, как бы не разочаровать инопланетян. Кажется, он предусмотрел все для спасения их сородича.

Армада спецмашин, сложнейшая аппаратура ждали в полной готовности.

Все это Ключник приготовил ради затерявшегося существа из космоса.

Эллиот вернулся домой с Лэнсом.

— Что случилось с тобой на уроке, Эллиот. Ты словно помешался!

— Без тебя знаю.

— Зря ты так. Не стоило бы привлекать внимание в *такое время!*

Лэнс озабоченно посмотрел на Эллиота, словно мыш, поглядывающая по сторонам после того, как прогрызла насквозь кусок сыра.

Эллиот снова с трудом подавил желание отлупить Лэнса, но, как и прежде, в глубине косых глазок Поганца он заметил отсветы огоньков, мерцавших в глазах Ипа. Эллиот тяжело вздохнул и пошел к лестнице. Лэнс не отставал, словно комок жевательной резинки, приставшей к подошве.

— Здорово ты выдал этому биологишке! Ребята, которые занимались после нас, говорили, что он был совсем обалдевший, будто надышался эфира. Знаешь ведь, как действует эфир...

Они вошли в комнату Эллиота, переступая через разбросанные вещи, пробрались к чулану и увидели Ипа, лежавшего на подушках, задрав ноги.

Лэнса охватил страх.

— Ты оставляешь его одного?! Дурак! Ведь он — самое драгоценное, что есть на свете... А любой может забраться сюда и похитить его, или он сам может нечаянно пораниться... Мало ли что бывает...

Эллиот приподнял Ипа с подушек.

— Да он пьян!

Инопланетянин открыл глаза.

— Скажи правильно: «Шесть бутылок».

— Да, ты, пожалуй, перебрал, Ип.

Пришелец с дальней звезды, вращая глазами, пальцем начертил в воздухе какие-то космические знаки и икнул.

— Почему ты прячешь его? — не унимался Лэнс. — Знаешь, сколько людей заплатят бешеные деньги, лишь бы глянуть на него? Это тебе даже не «КИСС»*, и не команда «Янки» из Нью-Йорка! Это — золотая жила!

Лэнс жестикулировал, давая понять, что ему присущи все качества делового человека. Рыжий вихор удлинял форму его черепа, словно владелец его, спасаясь из мышеловки, лишь в последний момент успел выдернуть голову. Всякий бизнесмен спустил бы его

---

* «КИСС» — американская рок-группа.

с черной лестницы. Но самонадеянный выскочка с присущим этой категории людей апломбом гнул свое:

— Ты, я и Ип! Все оформим законно!

Эллиот поддерживал Ипа, но тот валился то вперед, то назад.

— Скажи правильно: «Голова болит».

— Он совсем налился, — простонал Лэнс. — Тебе нужен администратор, Эллиот! Ты ни фиги не смыслишь в этом деле!

Эллиот держал Ипа в объятиях, ощущая непривычную, странную тяжесть.

— Ип! — он встряхнул инопланетянина, и тот повернул к нему голову, в глазах поблескивала бесконечность космоса, которой Эллиот никогда прежде не замечал. Далекие-далекие сигналы словно пронзили насквозь тело Эллиота, и тяжесть Ипа вдруг стала его собственной тяжестью.

— Ип, что... что происходит?..

Древнее существо повалилось вперед. Плотность его тела все время менялась. Ип словно был ядром умирающей звезды, вся сила земной гравитации влияла на него. Он превращался в черную дыру в космосе.

С Лэнсом тоже происходило что-то странное: страшная сила вдруг неудержимо потянула его книзу, он стал еще ниже и под тяжестью руки Ипа припал к полу, словно крыса.

— Он сообщается через тебя. Он твой, Эллиот. Но ты должен все это оформить по закону. Мой отец — адвокат. Он нам подскажет, как действовать. Мы разбогатеем, будем ездить повсюду. Все станут искать знакомства с нами, мы сделаемся знаменитостями. Все захотят увидеть инопланетянина. А он будет принадлежать нам!

Но Ип не принадлежал никому, разве что силе земного притяжения. Он полностью протрезвел и ему одному известным способом в миг нейтрализовал действие алкоголя на свой организм. Но глубокие перемены в себе самом нейтрализовать не мог.

Он качался взад и вперед, его била дрожь. Казалось, настал конец его звездной жизни. Он будто сжимался. Жизнь в нем угасала на глазах...

Только бы не захватить с собой мальчика... Однако черная дыра разверзалась, никто и ничто не могло избежать ее. Даже межзвездные корабли, пролетающие вблизи, поглощаются ею — таков закон космоса.

— Скажи правильно: «Уходи».

Ип пытался оттолкнуть мальчиков, но те цеплялись за него, и старый ученый ощущал пульсацию любви в их маленьких сердцах. Глупые дети, вам нельзя следовать за мной. Я же из другого мира. Ваш разум не может проникнуть туда, куда ухожу я. Я древний скиталец в бесконечности, а вы еще дети...

Гарви с визгом царапался в дверь. Возвращалась Мэри, пес чуял ее приближение и предупреждал об угрозе. Он тявкнул раздужгой, и мгновение спустя дверь внизу растворилась.

Гарви взглянул на существо из космоса, и его собачий ум учуял темную пропасть. Он отпрыгнул в сторону и ощутил в ебоих лапах непривычную тяжесть.

— Оставьте меня...— говорил Ип, пытаясь поднять руки, но согласно Великой Теории концентрированная энергия, отлично подхोдившая для космоса, покидала его.

Он должен найти выход, чтобы умереть в одиночестве. Но даже тогда космическая сила может оказаться так велика, что начнет притягивать к себе другие силы. Кто дал ему, одинокому страннику, право явиться причиной гибели всей Земли?! Ведь его смерть может вывернуть Землю наизнанку...

— Скажи правильно: «Опасность».

Он мысленно пробежал по всем уровням космоса, но не смог отыскать нужную формулу для нейтрализации этой силы. Он был схвачен ею, а корабль находился в сотнях световых лет отсюда...

— Уф, какой он тяжелый,— сопел Лэнс, когда мальчишки, сгибаясь под тяжестью, волокли инопланетянина через комнату. Напрягая все силы, они опустили обмякшее тело на кровать Эллиота.

— Привет, ребята,— сказала Мэри входя.

Гарви уже гарцевал на задних лапах, стараясь прикрыть собой Эллиота и Лэнса, которые поспешно натягивали простыню на неподвижного Ипа.

— Что ты сделал с Гарви? — спросила Мэри, удивленно глядя на пса, который, громко фыркая, странно размахивал перед ней лапами.— Дал ему таблетки? Скажи правду.

— Гарви, прекрати! — прикрикнул Эллиот.

Ип падал все ниже и ниже. Он чувствовал присутствие ивового создания, хозяйки дома, и знал, что и ее притянет космическая сила, а он не хотел этого — у него была своя дорога, у нее — своя. Микрокосм каждого из них находился в разных плоскостях. Ее затащит в глубину, в которую погружается он. Ее сознание подвергнется распаду, как и сознание мальчиков...

— Если я не встану... не встану... Скажи правильно: «Не встану!»

Но он не мог даже шевельнуться и только прислушивался к чужому языку землян.

— Что в школе?

— Все нормально.

— Хочешь есть?

— Мы сейчас спустимся,— ответил Эллиот.

— У вас найдется швейцарский сыр? — организм Лэнса нуждался в подкреплении. Он чувствовал себя странно, будто проваливается в какие-то бездонные глубины. В ту ночь, когда он мчался на велосипеде к холмам, ему казалось, что он может взлететь в воздух, а сейчас он чувствовал, что падает в пропасть, во тьму, окутанный чем-то липким, с чем может совладать только швейцарский сыр.

— Кто-то уже съел сыр,— сказала Мэри, искоса глянув на Лэнса. Материнская интуиция подсказывала, что мальчики скрывают от нее что-то, но она не хотела допытываться.

И вдруг у нее разболелась голова. Она вышла из комнаты.

Эллиот поспешно обернулся к кровати. Рука космического странника безвольно свесилась из-под простыни. Страх охватил мальчика, когда он увидел посеревшую руку Ипа. Он опустился на колени перед кроватью и сжал ладонь Ипа в своей руке.

— Ип, поправься! Поправься, прошу тебя...

Наступила ночь. Эллиот притащил наверх все, что было в домашней аптечке, но лекарства без пользы валялись на столе. Они бессильны были излечить существо, лежавшее в постели. Водоворот гравитационных сил захватил инопланетянина. Мечты о Земле, о звездном свете оставили его. Солнце сделалось для него черным.

Но он должен предотвратить несчастье, сделать так, чтобы его собственная катастрофа не обратилась против землян и самой Земли... Он знал, что для этой планеты галактическое уравнение сформулировано не было, так что она и в самом деле могла последовать за ним, когда он уйдет в небытие, потому что его организм владел великой тайной микромира.

Все цветы в доме увяли. Даже стены, казалось, с каждым вздохом смыкались все теснее.

— Поправляйся,— молил Эллиот, уверенный, что древний гений может совершить все. Но есть вещи, неподвластные даже высшим существам.

— Тогда дай мне твою силу,— просил Эллиот, не подозревая, что в него уже вселилась сила, способная перенести его в другой мир. Но сила эта была такой древней и стремительной, что он не мог управлять ею, а переход в иное измерение мог разрушить его существо.

— Отнеси меня... далеко...— прошептал Ип.— И оставь одного...

— Я никогда не оставлю тебя,— твердо сказал Эллиот.— Никогда...

Заброшенный на Землю древний космопроходец усилием воли заставил себя вернуться к действительности.

— Я страшная угроза для тебя...— Ип приподнял голову.— И для... твоей планеты...

— Но наш передатчик ведь работает...

— Ерунда,— отрезал Ип.

Глаза его блеснули в лунном свете. В них Эллиот видел невероятной сложности сплетения линий и лучей. Это были глаза, постигшие угасающую глубинную энергию.

Потолок стонал над головой. Гарви скулил в углу, а неземные глаза созерцали мелькающие таинства материи, которые ни один звездный ботаник не мог изменить.

— Ты даже не пытаешься,— взывал Эллиот, страшись этих глаз и не в силах оторваться от них.— Пожалуйста, прошу тебя, Ип...

Ночь все тянулась. Тело Ипа затвердевало, становясь все более серым. Губы шевелились, но ни звука не слетало с них, слышались только какие-то внутренние хрипы, последняя компрессия звездной материи. Тело маленького инопланетянина обрело невероятную плотность. Ядро его организма всасывало немыслимую энергию. Что-то громоздилось в нем, до предела стягивая его звездное нутро.

Эллиоту казалось, что его собственное тело заковано в железные цепи, которые тянут вниз. Он изнемогал от тяжелого бремени, голова кружилась, и беспросветное отчаяние повисало на нем непосильным грузом. Когда наконец наступил тусклый рассвет, Эллиот с трудом поднялся и подошел к Ипу. Он увидел, что Ип ссохся, посветлел и превратился в белого карлика.

Едва передвигая ноги, Эллиот потащился в коридор и доплелся до комнаты Мэри. Подавленность и чувство одиночества овладели им. Он казался себе вземным существом, чуждым самому себе, и это пугало его.

— Что случилось? — встревожилась Мэри.

— Все потеряло смысл,— сказал Эллиот, чувствуя, что проваливается куда-то, лишается сознания.

— Нельзя так, мой мальчик,— сказала Мэри, хотя сама чувствовала себя ужасно, всю ночь ее мучил кошмарный сон — она тонула и никак не могла выплыть.

— У меня есть что-то чудесное,— бормотал Эллиот,— но по моей вине оно затосковало.

— Это бывает со всеми,— изрекла Мэри подходящую случаю банальность. Ей самой банальности никогда не помогали, почему же помогут сыну? Мэри похлопала по постели, приглашая сына прилечь рядом. Тепло человеческого тела успокаивает лучше всяких слов, но в это серое раннее утро ее пробиравал холод одиночества, и ей не стало легче, когда Эллиот прикорнул под боком.

Что творится в доме?.. Она чувствовала — происходит что-то ужасное, все засасывающее в себя.

— Расскажи мне,— попросила она.

— Потом...— Эллиот прижался к матери, но его не оставляло ощущение полета куда-то вниз, в водоворот, туда, где ничьи руки не могли спасти его, ибо там никого не было.

— Спи,— сказала Мэри, глядя его лоб.— Спи...

Эллиот заснул. Ему снилось чугунное ядро, которое то расширялось, то становилось все меньше и меньше, и он летел на нем сквозь небытие.

Когда в семь тридцать заверещал будильник, Мэри осторожно сползла с постели, чтобы не потревожить сына. Она знала, что тот

способен симулировать лихорадку, но сейчас это было не при творство. Она набросила на себя халат, прикрыла заспанные глаза, но тут же встряхнулась, отгоняя сон, и посмотрела на Эллиота. Что с мальчиком? Уж не отведал ли он чего? Неужели ее ребенок пойдет по стопам отца? Там на кухне шесть пустых бутылок из-под пива...

Дверь открылась и вошел Майкл.

— Где Эллиот?

— Не буди его, — зашептала Мэри, выталкивая старшего сына в коридор. — Ты не знаешь, что с ним? — запахивая потуже халат, спросила она. — Он чем-то угнетен...

— Наверно, школой, — предположил Майкл. — Школа очень угнетает.

Обернувшись, он окинул взглядом коридор. Что-то неладно с Ипом, неладно с Эллиотом, да и у него самого голова раскалывается.

— Пусть поспит, — сказала Мэри.

— Позволь мне остаться с ним, — попросил Майкл. — У меня сегодня мало уроков. Прошу тебя, мам...

Мэри вынула из кармана халата таблетку аспирина.

— Ладно, — разрешила она. — Может, тебе удастся вывести его из этого состояния.

Она пошла к лестнице, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. Может быть, перед сном она приняла по ошибке валиум? Голова была свинцовой...

— Проснись, Эллиот, проснись! — Майкл присел на край постели и приподнял брату веко. В глазах Эллиота не было ничего похожего на его обычный взгляд. На Майкла смотрел камень.

Он принялся трясти мальчика.

— Пожалуйста, Эллиот, прошу тебя, проснись!

Сознание не сразу вернулось к Эллиоту, и Майкл, поддерживая брата, помог ему дойти до его комнаты. Майклу казалось, что он тащит тяжеленный булыжник. Что за странная сила тянула его вниз? Что случилось с Эллиотом? Что происходит с их домом? Рушится?..

Майкл потрогал стену, желая удостовериться, что это не так, но стена шевельнулась в каком-то ином измерении, и комната на мгновение озарилась мрачным сиянием.

— Встряхнись, Эллиот!

Эллиот окоченел, тело его было твердым, словно из железа. А Ип, покрытый простыней, стал белым, как мел.

Майкл опустил брата на диван, страх обуял его, тысячи темных мыслей сходились в какой-то отдаленной точке.

Ип дышал неровно и тяжело, энергия покидала его. Небожитель должен был уйти в небытие. Он больше не владел собой.

«Спаси меня!..— молил он своего Капитана, ведущего корабль где-то во тьме, в далеком-далеке отсюда.— Вернись, мой Капитан, вернись за погибающим ботаником первого класса... Мои растения увядают... И я с ними...»

— Нужно позвать кого-нибудь,— тревожно произнес Майкл,— нам необходима помощь...

Эллиот обернулся к Майклу, глаза его походили на щупальца медузы, спасающейся от опасности.

— Нет, Майкл, не вздумай... Не надо...

Эллиот знал, что никого нельзя посвящать в их тайну. Армия не поймет. Не поймет и правительство. Они схватят чудесного пришельца из космоса и подвергнут всяким экспериментам.

— Я согласен на совместное владение... Пополам...— глухо произнес Эллиот.— Согласен. Но больше ни на что...

Майкл вытер вспотевшее лицо, соображая, что в их игре «ДД» означает совместное владение. Волны, исходившие от постели, в которой лежал Ип, качали его из стороны в сторону, бросали по комнате словно куклу, и Майкл понимал, что справиться с этим он не в состоянии. Волны превосходили его силу. Стены зловеще пульсировали, и Майклу виделись тысячи маленьких образов инопланетянина, позади которых полыхало космическое пламя... Уж не собирается ли звездный пришелец поджечь Землю?..

— Эллиот...— Майкл отошел в сторону, думая защитить себя этим от дикой пляски взбесившихся атомов.— Эллиот, мы потеряем его, если не позвоим на помощь... И тебя потеряем, Эллиот...

В глазах Эллиота метались красные щупальца, в них была сила, непостижимая Землей. Эллиот пылал, как железо в горне.

Майкл подхватил Эллиота одной рукой, инопланетянина другой. Он был здоровым и рослым, но ноша оказалась не по нему...— Он напрягал все свои силы. Энергия Ипа будто помогала ему, двигала руками мальчика. Прикосновение инопланетянина рождало электрическое чудо, результат десяти миллионов лет познания звездной науки. Результат полетов в могущественные далекие миры, где он столькому научился.

Майкл дотасил их до ванной, открыл душ. Нужно охладить пламя, сжигавшее Эллиота.

Хлынули струи воды. Старый путешественник шевельнулся под льющимся потоком; когда-то на него низвергался водопад на Венере, в потаенном гроте, где во мраке пляшут невидимые реки. Ип закрыл глаза, подставив тело венерианской влаге. Все, все, что он любил и куда стремился, исчезнет для него навсегда. Нет, надо отбросить эти мысли. Он сам, глупец, лишил себя бессмертия. Отмерил сотни тысяч звездных миль, и вот оступился...

И теперь — последний душ...

...который одни принимают на Венере, а другие — на Марсе...

...но только космический безумец дал поймать себя на Земле...

Он осел в ванную, колени его подогнулись, словно тонны свинца были запрессованы в них.

Эллиот, притянутый на дно ванны, опустился вместе с ним. Внизу отворилась дверь, и в дом вошли Мэри и Герти.

— Пойди навести братика, он захворал,— сказала Мэри.

Она поставила на пол сумку с покупками, головная боль вернулась к ней в ту же секунду, как она переступила порог дома. Словно лезвие ножа вонзили в темя и безжалостно поворачивают.

Мэри повела головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от боли, потеряла виски. Не иначе, врач прописывает ей не те лекарства, которые надо.

С прытью молодости Майкл сбежал по лестнице, топоча, словно ноги у него были из чугуна.

— Тише, дорогой,— взмолилась Мэри.— Проломишь пол...

— Мама, мне надо тебе кое-что сообщить... Только сядь...

Мэри оторопела. О боже, не обрушивай на меня очередное несчастье с детьми, только не сегодня, никаких укусов, вывихов или других ужасных последствий мальчишеских баталий...

Она тяжело опустилась на стул, который жалобно заскрипел, словно готовые вот-вот лопнуть сухожилия.

— Что-нибудь серьезное?

— Даже не представляешь насколько...

Она резко вскочила, так что закружилась голова.

— Помнишь гоблина?

«Лишь бы не какой-нибудь сексуальный маньяк»,— промелькнуло в голове Мэри. Что творится в семье?..

В глазах у Майкла плясали медузы.

На лестнице слышались шаги Герти, и Мэри поразились, как ходят ходуном ступеньки под ногами пятилетней девочки.

— Мама! — закричала Герти.— Они исчезли! Их нет в чулане!

— Кого это «их»? — Мэри недоуменно взглянула на сына.

— Пойдем, я покажу тебе, так будет лучше,— сказал Майкл.

Он повел мать наверх к ванной комнате.

— Дай самую торжественную клятву...

— Майкл...— Мэри ничего не могла понять, а Майкл, как назло, говорил так, словно играл в «Драконов и демонов».— Что случилось?

Майкл открыл дверь в ванную и отдернул занавеску душа. Мэри заморгала, на какую-то долю секунды зажмурившись от ужаса,— ей показалось, что на дне ванны корчится какая-то рептилия. Но, раскрыв глаза, она увидела Эллиота и...

— Мы заболели,— Эллиот протянул к ней руку.— Мы умираем...

Вода лилась на них, на Эллиота и на жуткое исчадие ночных кошмаров. Губы ужасающего монстра зашевелились, и Мэри услышала прерывистые, словно доносившиеся из пещерных пустот, слова: «и..иво... вое... создание...»

— Он с Луны, мама,— пояснила Герти.

Мэри подхватила Эллиота и вытащила из-под душа. Как убежать, куда скрыться от этой пленившей Эллиота мокрой рептилии?

— Скорее вниз! — закричала она, набрасывая на Эллиота полотенце и подталкивая перед собой детей. Гонимая страхом, Мэри бежала, не задумываясь куда. Лишь бы подальше от чудовища.

— Нельзя оставлять его одного, — запротестовал Эллиот.

Но Мэри обладала сейчас Абсолютной Властью, рожденной страхом за детей. Подгоняя перед собой ребят, она распахнула дверь — и тут рассудок и вовсе покинул ее. На пороге стоял астронавт.

Он смотрел на нее сквозь стекла скафандра. Захлопнув у него перед носом дверь, Мэри бросилась к двери, ведущей на задний двор. Но и оттуда в дом входил астронавт...

Мэри судорожно метнулась к окну. Пластиковое полотнище вдруг закрыло его, и здесь она тоже увидела человека в космическом скафандре, который крепил полотнище к оконной раме.

Несколько мгновений спустя огромный пластиковый колпак накрыл весь дом.

Все жилище Мэри было укрыто воздухонепроницаемым прозрачным хлорвиниловым шатром. Воздух в помещение поступал по пластиковым трубам, перекинутым через крышу и опоясывающим весь дом. Яркие прожекторы, установленные на высоких помостах, освещали строение со всех сторон. Улицу перекрыли трайлеры и грузовики, повсюду сновали люди в синих комбинезонах.

Войти в дом можно было только через пластиковую трубу большого диаметра, конец которой был закреплен в кузове автофургона.

Ключник натянул на себя комбинезон, надел скафандр и прошел по пластиковой трубе к переходной камере. Он расстегнул замок-молнию и оказался в карантинном отсеке.

— Потрясающе... просто потрясающе... — бормотал себе под нос скептически настроенный микробиолог. Голос его из герметического шлема звучал глухо, лицо напоминало золотую рыбку с выпученными глазами, томящуюся в зоомагазине в маленькой стеклянной банке. Ошеломленный, стоял он посреди комнаты, которую отдели ему и группе специалистов, занимавшихся исследованием тканей инопланетянина. Внутреннее строение пришельца из космоса повергло ученых мужей в шоковое состояние — лишь наиболее хладнокровные вышли из оцепенения, тщетно пытаясь разобраться в невероятной головоломке.

В гостиной, превращенной в медпункт, бригада врачей обследовала членов семьи. У Мэри брали кровь на анализ:

— Наблюдались ли изменения в доме с тех пор, как... это... появилось у вас? Температура, влажность, сила света?..

Мэри глядела на врача, не в силах произнести ни слова, а может, и не желая отвечать. Другой врач измерял давление крови у Майкла.

— Скажи, не менялся ли цвет кожи этого существа или его дыхание? Может быть, ты наблюдал выпадение волос, признаки потливости?

— А у него не было никаких волос,— сказал Майкл.

— Очевидно,— обратился один врач к другому,— дети установили примитивную языковую связь для общения с существом. Семь-восемь односложных слов.

— Это я научила его говорить,— заявила Герти врачу, который срезал у нее с головы прядь волос.

К ней наклонился психиатр.

— Ты научила его говорить?

— Да, Моим «Скажи правильно».

Вероятно, психиатр никогда не слышал о такой игрушке.

— А ты не видела, чтобы твой друг проявлял какие-нибудь чувства? Плакал или смеялся?

— Он плакал,— подтвердила Герти.— Он хотел домой.

Застрельщик всей этой деятельности прошел в столовую, которая была отдана в распоряжение рентгенологов. Разглядывая снимки инопланетянина, они только почесывали затылки (если можно так выразиться, поскольку головы у них были в шлемах). Ключник расстегнул молнию пластиковой двери и перешел в комнату, где карантин соблюдался особенно строго. Все стены тут были затянуты пластиком, а посреди разместился пластиковый бокс площадью десять на десять футов. Внутри бокса на столе лежали Эллиот и инопланетянин, окруженный бригадой медиков.

— Электрокардиограмма совершенно не похожа на человеческую.

— Ну хоть какие-нибудь зубцы есть?

— Не знаю... Не могу понять...

Кардиограммы, которую пытался расшифровать кардиолог, не было ни в одном учебнике. Но врачи забавный народ: только подпусти их к любой, самой невероятной форме жизни, и они найдут, что обследовать на всех мыслимых приборах, чтобы с уверенностью выдать внешне вполне обоснованное заключение.

— Странно...— причитал один из врачей, хотя на самом деле все обстояло более чем странно. В существе, распростертом на столе перед светилami медицины, все противоречило этой науке — одни части тела прищельца скорее ходили на овощи, другие были твердыми как камень и совершенно не пропускали рентгеновские лучи.

— Как с ультразвуком? Вы установили, где находится сердце?

— Никак не найду.

— А у него вообще есть сердце?

— Светится весь экран. Похоже, что его грудная клетка — сплошное сердце...

Они щупали и зондировали Ипа, сгибали и разгибали его руки и ноги, вонзали иглы в поисках венозных сосудов, проверяли рефлексы. Были обнаружены ушные клапаны, открыты нежные слуховые каналы. Сверхчувствительные к свету глаза Ипа подвергались безжалостному воздействию ярчайших ламп. Ученые работали лихорадочно.

Руководитель бригады медиков пытался вытереть пот со лба, забыв о шлеме. Он был обескуражен, растерян и смущен. Он склонен был видеть в Ипе лишенное всяких чувств чудовище океанских глубин, чьи нечеловеческие органы и их функции составляют неразрешимую загадку. Уродство инопланетянина повергало доктора в ужас, так что он забывал о неперемennom для его профессии милосердии. Распростертое на столе создание явно принадлежало к существам, материализовавшимся из ночных кошмаров.

— Оно живо,— пролепетал ассистент,— но я не прослушиваю дыхания.

— ...Пuls ровный...

Старый путешественник был недвижим. Ослепительный режущий свет, жуткий свет землян, больно бил по глазам, проникал глубоко внутрь. Он был во власти земных врачей, с их примитивной аппаратурой, которую и сравнить нельзя было с чувствительнейшими приборами на Великом Корабле.

«Ах, медицина!» — подумал он, мысленно взывая к Галактической Ночи, где летали его врачи.

— Телосложение марфановского типа.

— Запишите — «относительный экзофтальм».

— Положительный двусторонний рефлекс Бабинского.

— ...Зарегистрировал дыхание... Один-единственный вдох...

Ип пытался нащупать путь к кораблю, олицетворявшему смысл его существования, его необходимости во Вселенной. Неужели он распрощается со всем этим?

Железные цепи Земли сковывали его по рукам и ногам. Тяжесть была ужасающей, и силы покидали его.

— Дал ли результаты изотопный метод?

— Мы определили порог радиоактивности. Никаких костных повреждений не обнаружено.

— А как с эффектом Доплера? Не выявили ток крови?

— Кажется, немного в паховой области.

— На ЭКГ появились электросистолы, одновременно у объекта и у мальчика.

И снова главный медик нервно почесал шлем. Мальчик и чудовище непонятным образом были связаны между собой, словно невидимой пуповиной, через которую чудовище поддерживало жизнь ребенка, или наоборот. Мальчик то пребывал в бесчувственном состоянии, то приходил в сознание, галлюцинировал, что-то несвязно бормотал и вновь проваливался в небытие.

«Я бы перерезал эту пуповину, если бы знал, где она и что собой представляет», — подумал врач.

Он все глубже и глубже проникал в загадочный организм. Было очевидно, что истерзанное существо умирает. Но тревожил ребенок. Сердце его работало с перебоями, пульс едва прощупывался и был синхронным с пульсом чудовища.

«Будь оно все проклято», — подумал врач, бросив взгляд сквозь прозрачную стенку бокса на соседей — может, хоть они поняли, в чем тут дело?.. Он увидел склоненные над аппаратурой головы в шлемах, и ему стало ясно, что ответа нет и у них. Он перевел взгляд обратно на чудовище. Вряд ли существовало на Земле более бесчувственное, холодное и вызывающее отвращение существо! Но ведь существо это разумное! Доказательство тому — космический корабль! Но кораблем могли управлять вовсе не его создатели!

Игла шприца вонзилась в руку инопланетянина. Эллиот, лежавший рядом на столе, вздрогнул, словно укололи его. Мальчик открыл глаза и обратился к тому, чье лицо ему было знакомо, к Ключнику:

— Вы делаете ему больно... Вы убиваете нас...

Ключник посмотрел на инопланетянина. Былая уверенность в благородстве пришельцев из космоса оставила его при виде этого уroda. И все же он еще находился под влиянием исходящих от Ипа волн. Существо, лежавшее на столе, при всей своей омерзительной наружности, явилось из корабля, а корабль — предел совершенства и могущества. Служить ему — было целью жизни Ключника.

— Мы хотим помочь ему, Эллиот. Ему необходима помощь.

— Он хочет остаться со мной. Он не знает вас.

— Эллиот, твой друг — уникальное и бесценное существо. Мы хотим ближе познакомиться с ним. Тогда мы сможем многое познать о Вселенной и о жизни в ней. Ты спас его, был к нему добр. Позволь теперь нам сделать то, что повелевает наш долг.

— Он хочет остаться со мной.

— Так и будет. Куда бы он ни отправился, ты будешь сопровождать его. Обещаю тебе.

Но никто не мог сопровождать инопланетянина туда, куда он отправлялся. Вихревые силы в глубинах его организма рвались наружу. Старый путешественник ощущал грандиозность этих сил, словно они принадлежали могущественному древнему дракону, изрыгающему пламя. Но сородичи Ипа обуздали это пламя... Неужели теперь все кончится катастрофой?! Неужели он явится причиной гибели Земли?! Все кричало в нем — нет, этого не должно произойти! Что может быть ужаснее, чем стать виновником гибели такой прекрасной планеты?! Вселенная проклянет меня навеки.

Но дракон в нем продолжал плясать, глаза дракона горели, как тысячи солнц, пламенея жадной террора и завоеваний. Если сверхмощная сила вырвется на волю, она сметет всех и вся — докторов, аппаратуру, друзей и врагов.

— Мальчик опять потерял сознание.

— Позовите мать.

Ип из последних сил цеплялся за край пустоты. Грохот стоял в ушах, пасть дракона разверзлась, страшные черные языки

космического пламени рвались на волю, жаждущие поглотить планеты, всю Солнечную систему, все, что ни встретится на пути. Ип чувствовал, что оболочка его естества разрывается и звездный разум вытекает из нее все быстрее и быстрее.

— Давление падает...

— Увеличить подачу кислорода!

— Появился зубец F!

— Откуда вы знаете, что это F, когда нет зубцов Q, R и S?

— Пошла прямая линия.

— Скорее электрошок!

К груди Ипа подвели электроды. Мощный электрический разряд. Адреналин. Массаж грудной клетки.

— Никакой реакции...

Сердце старого путешественника остановилось. Инопланетянин был мертв, но зашевелился Эллиот, силы начали возвращаться к нему в тот самый момент, когда перестало биться сердце Ипа. Инопланетянин в последний миг вспомнил давно забытую им формулу отгородившего его щита, который помешал мальчику последовать за ним.

— Не реагирует,— сказал врач.— Нет дыхания.

— Он умеет задерживать дыхание! — закричал Эллиот.

Врачи только покачали головами. Существо, которое они пытались спасти, ушло из жизни, и теперь их измученные головы задавались вопросом — над кем же все-таки они трудились?..

Озабоченные, они не обратили внимания на то, как вдруг упало напряжение в сети, мигнули лампочки, не заметили они и того, как задрожал дом, колыхнулась вся долина. Уловили это другие специалисты, оснащенные приборами, регистрирующими колебания земной коры.

Ключник, как ребенок, не верящий в смерть, склонился над инопланетянином и тихо спросил:

— Как вступить в контакт с вашими сородичами?

Эллиот не чувствовал руки Мэри у себя на плече, он думал только о своей потере.

— Он был лучше всех...— рыдал он, не отрывая взгляда от тела друга.

Рядом с ним стояли Герти и Майкл, проникшие в бокс вопреки протестам врачей.

Герти приподнялась на цыпочки и посмотрела на Ипа.

— Он умер, мама?

— Да, детка.

— Я хочу, чтобы он жил.

Меньше всего на свете хотела этого Мэри. Она глядела на безобразное сморщенное тельце, ужасный рот, длинные, вызывающие гадливость пальцы на руках и ногах, отталкивающий живот — и это чудовище едва не погубило ее сына!

— Я хочу,— повторила Герти.— Хочу, хочу, хочу!

«И я хочу»,— подумала и Мэри, сама не понимая, почему повторяет детскую мольбу.

Всех попросили покинуть бокс, в том числе и Эллиота. Он вышел вслед за остальными и остановился у входа. Через прозрачную стенку он видел, как Ипа уложили в пластиковый мешок, затянули молнию и засыпали сухим льдом. Затем принесли небольшой свинцовый ящик и опустили в него безжизненное тело.

Ключник подошел к мальчику и положил руку ему на плечо.
— Хочешь попрощаться с ним? — сказал он и впустил Эллиота в бокс.

Эллиот встал у маленького гроба, на который еще не опустили крышку, и смахнул кусочки льда над лицом Ипа. Слезы текли по щекам и капали на пластиковую пленку над изборожденным морщинами лбом инопланетянина.

— Я думал, ты всегда будешь со мной, Ип... Я хотел показать тебе столько интересного... Я так мечтал о тебе. Но я не знал про эту мечту, пока не появился ты... Куда ты ушел от меня?..

«Вы верите в фей?»

«гипп гупп синнинн орг...»

Луч золотистого света возник извне. Историки, изучающие космос, разошлись во мнениях относительно того, откуда он появился. Этот луч был древнее Ипа, древнее самого древнего ископаемого на Земле. Некоторые утверждали, что это была исцеляющая сила самой Земли, сверкнувшей одной из множества своих тайн, своего рода жест вежливости в отношении гостя.

«Никогда больше не заглядывай в окна», — якобы произнес луч и исчез, утверждали другие.

Говорили также, что Земля была обречена и погибла бы, если бы спасение не пришло от дружественной планеты, протянувшей руку помощи и умиротворившей дракона, обладавшего ядерной мощью.

А некоторые слышали еще: *дриппл цууунннггг уммтврд ссс...*

Зов извне...

Как бы то ни было, но луч коснулся пальца Ипа, и палец за светился.

И Ип самоисцелился.

Как это произошло, он и сам не знал.

Но ему привиделся Капитан корабля.

— Добрый вечер, Капитан, — сказал Ип.

— Не заглядывай в окна, — раздалось в ответ.

— Никогда, мой Капитан...

Яркий свет проник в Ипа, и он почувствовал, что тело его приобретает золотистый оттенок, а сердце-фонарик, где золотистый цвет переходил в розовый, вспыхивает, затухает и вспыхивает вновь.

Испарение, подымавшееся от сухого льда, порозовело. Эллиот заметил это, смахнул лед с груди Ипа и увидел мерцание сердца-фонарика. Он быстро обернулся, посмотрел на Ключника, поглощенного беседой с Мэри, и поспешно прикрыл сердце-фонарик рукой.

Глаза инопланетянина раскрылись.

— Ип звонить домой...

— Отлично,— радостно шепнул в ответ Эллиот.— Отлично! — Он снял с себя рубашку и накрыл ею сердце-фонарик Ипа.— Нужно вызволить тебя отсюда. Лежи тихо...

Он затаил молнию на мешке, разровнял сухой лед и со скорбным видом вышел из бокса. Закрыв лицо руками, Эллиот миновал Мэри и Ключника, и в следующий миг очутился на кухне, где и нашел стоявшего возле увядшей герани Майкла. Эллиот что-то прошептал брату, и герань, как и Майкл, подняла голову. Секунду спустя она уже снова пышно цвела.

Майкл тихонько поговорил по телефону и выскользнул через заднюю дверь из дома.

Эллиот стоял в пластиковой трубе. Мимо пронесли свинцовый гробик. Придерживая края пластиковой двери, Ключник помогал внести гробик в фургон.

— Я поеду с Ипом,— заявил Эллиот.

— Ты с мамой и ребятами отправишься со мной, Эллиот. Мы едем туда же.

— Я поеду с ним,— упрямо повторил Эллиот.— Вы обещали!

Ключник вздохнул и пропустил мальчика. Эллиот взобрался в фургон.

Подождав, когда отойдет Ключник, Эллиот постучал в окошко кабины. Там за рулем сидел Майкл.

— Эллиот, я ведь никогда не водил машину вперед, только задним ходом...

Он запустил двигатель, включил скорость и нажал на газ. Фургон резко взял с места. Раздался страшный треск — фургон отрывал от здания всю систему пластиковых труб, по которым входили в дом. Машину занесло к обочине выездной аллеи. Каким-то чудом Майкл вырулил на улицу. За фургоном, словно извивающийся хвост дракона, волочилося по мостовой футов двадцать пластиковой трубы.

Майкл сигналил во всю мочь. Полицейские поспешно разогнали толпу зевак, люди бросались врассыпную от мчавшегося фургона...

Эллиота здорово потрянуло, когда машина рванулась вперед. Он глянул назад и увидел, как двое подручных Ключника барахтаются в трубе. Хватаясь за жесткие ободья, они пытались подобраться к фургону.

Посмотри Эллиот чуть дальше назад, он бы увидел, как Мэри поспешно села за руль своей машины рядом с Герти. Объехав припаркованные машины, она погналась за фургоном, моля лишь о том, чтобы ее сыновей не осудили за угон правительственного автомобиля.

— Куда мы едем, мама? — спросила Герти.

— За кремом из плаценты,— ответила Мэри.

Завизжали покрышки, когда она, резко свернув, на полном ходу пронеслась между выстроенными в ряд полицейскими машинами.

— Эллиот с Майклом угнали фургон?

— Да...

— А почему они не взяли меня с собой?

— Потому что ты слишком мала, чтобы угонять чужие машины,— ответила Мэри, не снижая скорости.— Подожди, пока вырастешь.

Она круто свернула за угол, следом за удаляющимся фургоном. Мэри уже поняла, что чудовище ожило, она ощущала это всеми своими нервными клетками. И если желание детей или просто слепое счастье вернуло его к жизни, она была рада, пусть это и усложнит ее собственную жизнь. И хотя полиция преследовала их по пятам, она чувствовала: все, что случилось,— к лучшему.

Оба агента в болтающейся по мостовой из стороны в сторону трубе, хватаясь за ободья, пробирались вперед к фургону. Они уже были почти у цели, когда заметили Эллиота, который что-то торопливо крутил.

«Уж не хочет ли сопляк отомкнуть крепления?» — подумал один из них, но уже в следующее мгновение оба агента кубарем катились по мостовой, барахтаясь в пластике, в то время как фургон прибавил скорость.

Майкл изо всех сил сражался с баранкой и педалями.

— Мы разобьемся, Эллиот,— крикнул он через плечо.— И мне уже никогда не видать водительских прав...

Он дивился тому, как удается встречным машинам в последний момент увильнуть от, казалось бы, неизбежного столкновения с фургоном. Тем временем Эллиот на четвереньках добрался до ерзавшего по салону свинцового ящика, сбросил крышку и дернул молнию на пластиковом мешке.

Ип сел, отряхивая сухой лед, и огляделся.

— Ип звонить домой...

— Они прилетят за тобой? — спросил Эллиот.

— Зиип зиипл цвак-цвак...

Глаза инопланетянина сверкали ярче сердца-фонарика, которое отозвалось на вопрос Эллиота, осветив фургон.

Майкл свернул на дорогу, ведущую к холму, который назывался Сторожевым, где их уже ждала в полном составе оповещенная Майклом команда «Драконов и демонов». Ребята держали наготове велосипеды для Майкла и Эллиота.

Фургон резко затормозил, и братья помогли Ипу спуститься на землю.

Демоны — Тайлер, Грег и Стив, широко разинув рты, глядели на приближавшееся к ним чудище.

— Он из космоса,— сказал Эллиот.— Мы отвезем его на корабль.

Как ничего не могли понять некоторое время назад ученые-медики, так недоумевали сейчас и «демоны». Но играя в свою игру, они исполняли роли наемников, орков, колдунов, рыцарей, а потому отчасти были подготовлены к встрече с любыми исчадиями ада. И хотя происходящее плохо укладывалось в их головах, они быстро помогли Ипу забраться в корзину на багажнике Эллиота, и все вместе направились по одной из четырех дорог к Сторожевому холму.

Возглавлял группу Тайлер, он яростно работал педалями, чтобы оторваться от чудища, кем бы оно ни было.

— Эллиот! — крикнул Грег, но захлебнулся слюной.— Что... что...

Ничего членораздельного он не мог произнести, язык не слушался, и он только быстрее завертел педалями. Рядом Стив сгорбился над рулем. Крылья его бейсбольной шапочки развевались по ветру. Теперь он понял, что это чудище как-то связано с кексами из песка, которые пекла сестренка Эллиота. Он еще разберется, почему Эллиот был таким покорным. Но пока он поклялся себе — никогда, ни за что не связываться с сестрами! Он еще ниже склонился над рулем. Мозг кипел от вопросов, на которые у него не было ответа.

Едва эта странная компания исчезла из вида, как на склоне холма появились машины. Здесь же была и Мэри. Все разом, заскрежетав тормозами, окружили фургон. Полицейские повыскакивали с пистолетами наготове. Мэри бросилась к ним с криком:

— Остановитесь, это же дети!

От нервного напряжения голос Мэри был более чем решительным. Полицейские, оторопев, пропустили ее к фургону. Будь Мэри такой же напористой на суде, когда разбиралось дело о разводе, она была бы теперь куда богаче.

Эта задержка еще больше увеличила расстояние между велосипедистами и преследователями. Когда дверцы фургона открыли, все увидели, что внутри никого нет.

В этот самый момент из-за кустов появилась новая личность, каким-то образом почуявшая, что нет сегодня на Земле более важной точки, чем эта.

— Они на великах! — закричал Лэнс.— Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой рот Поганца и втащила его в машину. Но Лэнс опустил стекло и во весь голос завопил:

— На озеро! Они поехали в дальний конец озера!

Полицейские и агенты рассыпались по машинам и помчались к озеру.

Лэнс обернулся к Мэри:

- Скорее в лес... Я покажу вам...
- А как же озеро?!
- Хоть меня и называют Поганцем, но я не идиот!

Ип и компания спешили по извивающейся тропинке к месту посадки корабля. «Демоны» с опаской продолжали поглядывать на инопланетянина, но сердца подсказывали, что он был их другом и что вот наконец-то они участвуют в настоящей Игре! И они еще яростнее крутили педали.

В это самое время преследователи неслись вдоль озера, мимо кемпингов и коттеджей. У домика лесника они притормозили.

— Нет, здесь никто не проезжал...— лесник в недоумении поглядывал на машины, сгрудившиеся на грязной дороге. Что случилось? Кого они ловят?..

Из-под буксующих колес летели камни и комья грязи, затем машины развернулись и выбрались обратно на асфальтированное шоссе!

— Теперь куда? — спросил водитель головной машины, сержант с дергающимся веком, и, словно подчиняясь какому-то внутреннему приказу, крутанул баранку влево. Остальные машины последовали за ним. Агенты настаивали на тщательном прочесывании местности — шла большая охота.

— Развилка, разделяемся...

Переговариваясь по рациям, полицейские рассыпались веером по разным дорогам; машины то сближались, то разъезжались, водители их не сознавали, что действуют по сигналам, исходившим от преследуемого ими инопланетянина. А он тем временем своим телепатическим зондом поспешно обследовал небосклон.

Ип трясся на багажнике, вцепившись длинными пальцами в край корзины. Голова его звенела от сигналов — *знакл нерк снаккл — слышишь-ли-нас...*

— Слышу, мой Капитан. Прошу, поспешите — *занггг зингл нерк нерк...*

У велосипеда Тайлера колеса слились в круглое пятно; догвазый паренек выжимал из своей машины максимальную скорость, увлекая за собой остальных. Майкл, ехавший чуть позади, вдруг услышал далекий звук полицейской сирены.

— Догоняют! — крикнул он брату.

— В проулочек! — скомандовал Эллиот, на крутом вираже обезжая остальных.

Грег и Стив ринулись за ним. Старые покрышки стонали от разбитого асфальта в проулочке — кратчайшем пути к холмам, которые сейчас казались мальчикам далекими как никогда.

— Направо,— указал агент, следуя приказу своего пальца, который, казалось, начал светиться.— А откуда я знаю, куда ехать? Знаю только, что знаю... Направо... направо...

Тормоза заскрежетали, машины круто свернули в проулочек. Полицейские съезжались со всех сторон и гуськом тянулись по

развороченной мостовой. Машина, за рулем которой сидел сержант с дергающимся веком, неслась впереди с воющей сиреной.

С другой стороны проулок перекрыли машины с агентами.

— Вот они!

Эллиот соскочил с седла возле какого-то старого гаража и по бетонным ступенькам вкатил велосипед наверх. Майкл и Тайлер последовали за ним, не отстали и Грег со Стивом.

Ребята выскочили в соседний переулок. Инопланетянин огляделся вокруг, выпуклые глаза его вращались.

— Не допусти, чтобы меня схватили, — *ксиерксиер нарк вммннн*. Ты слышишь меня, мой Капитан?

— *Зерк нергл вммннн цнак* — Капитан велит поторапливаться... Опасность... опасность... опасность...

Преодолевая крутой подъем, ребята спешили к высоким холмам по тропам, известным им куда лучше, чем людям в машинах. Преследователи сгрудились в переулке. Образовалась пробка. Пришлось разворачиваться, маневрировать, и погоня продолжалась.

— Изворотливые крысятя, — буркнул под нос сержант в головной машине, левое веко его дергалось, словно мигалка. Подавая назад, он сбил несколько мусорных баков, моля бога, чтобы за ними не оказалось какой-нибудь старухи или ребенка.

Не выключая сирену, он вырвался из переулка и свернул влево, как приказывал глаз.

— Маленький негодяй... — бормотал Ключник. — Лживый маленький сукин сын! — он вспомнил скорбное выражение лица Эллиота. С такими способностями мальчишка далеко пойдет... Так одурачить всех, когда добыча была уже в руках...

— Сворачивай, сворачивай! — завопил он.

Водитель резко повернул баранку, выехав обратно на улицу как раз в тот момент, когда Тайлер и Эллиот появились из соседнего переулка.

— А, черт! — воскликнул Тайлер. — Они!

Последний отрезок улицы на их пути, последний квартал, за которым начинался спасительный лес, был перекрыт. Из машин высыпали агенты и полицейские.

Эллиот свернул было обратно в проулок, но и там уже появились полицейские машины с мигалками...

Мальчики были окружены.

Тайлер пригнулся к рулю и нажал на педали:

— Попробуем проскочить!

Он помчался вперед, за ним Майкл и позади Эллиот. Велосипедисты на предельной скорости устремились в просвет между двумя полицейскими машинами. Грег и Стив образовали фланги несущегося вперед клина. Впервые изо рта Грега не текла слюна. «Ничего не выйдет», — подумал он, но продолжал работать педалями. Встречный ветер плотно прижимал к голове крылышки на шапке Стива. «Если врежусь в полисмена, не миновать ночи в участке...»

Велосипедисты неслись на цепь стоявших поперек улицы полицейских, агентов и людей из военизированной охраны. Все пути были отрезаны.

«Опять неудача,— с горечью подумал Эллиот.— Но мы сделали все, что могли...»

Ип поднял палец и... велосипеды взмыли в воздух.

— Будь я проклят! — ругнулся начальник полиции, задрав голову кверху.

Пять велосипедов плыли над домами.

У Ключника все оборвалось внутри, словно он шагнул с крыши. Велосипеды плавно пронеслись над телефонными проводами и растворились в вечерних сумерках. На мостовой осталась только шапка Стива.

Ип посмотрел на землю, проплывающую внизу. Сейчас ему было хорошо. Сердце-фонарик сияло в вечерней темноте сквозь прутья корзины.

Сова, дремавшая на излюбленном суку, проснулась и лениво взмахнула крыльями. Пора ужинать...

Она взмыла вверх.

Но что это?..

Пять чудовищ пролетели мимо. Испуганно щелкнув клювом, птица ошарашенно метнулась в сторону.

«Неужто летучие мыши в наших краях так вымахали... Или я спятила?» — подумала сова.

Велосипеды уже исчезли вдаль. Эллиот указывал путь, остальные следовали за ним.

— Когда же это кончится? — взмолился Грег, закрыв глаза. Рядом летел Стив с развешивающейся шевелюрой. Холодея от страха, он убеждал себя: «Это все сестры».

Ип, не отрываясь, разглядывал далекое небо, прощупывая его сквозь густую облачность всепроникающим зондом.

— *Цнак зерк дерглл*, — о, мой Капитан, где ты?

— *Знеркл дергг дергг*.

Лицо Капитана возникло перед телепатическим взором Ипа, самое надежное, самое совершенное и величественное из всех лиц древних межгалактических путешественников. Улыбка мелькнула на его черепашьем лице, преисполненном высшим разумом, и исчезла в скрытых частотах стремительного спуска.

— Лес! — закричал Эллиот.— Наш лес!

Внизу Мэри, следуя указаниям Лэнса, вела машину к тому же месту.

— Вверх по просеке,— угрюмо скомандовал он. Величайшая погоня всех времен и народов, а он не участвует в ней...

Герти сидела между Мэри и Лэнсом, держа на коленях горшок с геранью, на которой распускались все новые и новые бутоны. Лэнс смотрел вперед на кроны деревьев.

— Я чувствую какие-то сигналы,— сказал он.— Остановитесь.

Мэри затормозила, они вышли из машины. Лэнс шагнул впереди, Мэри, держа Герти за руку, за ним. Они медленно пробирались сквозь кустарник.

Путь по воздуху был легче, и велосипедисты быстро направлялись туда, где был установлен передатчик.

— Здесь...— Ип поднял палец, и велосипеды начали плавно снижаться. Коснувшись травы, они прокатились немного вперед и остановились.

— Улллл лиипл липп...

Передатчик действовал! Эллиот подошел к нему, как вдруг сверху землю осветил луч цвета лаванды. Мальчик замер на месте и обернулся к Ипу. Старый ботаник вошел в освещенное лучом пространство, и они посмотрели наверх.

Над ними, сияя мягкими огнями, реял Великий Корабль. Эллиоту показалось, будто с неба спустилась огромная игрушка с рождественской елки. Он любовался великолепием Корабля, пораженный его величиим и мощью. Это было умноженное в миллионы раз самое большое сердце-фонарик, которое когда-либо видела Вселенная. Свет его окутывал Эллиота, по телу мальчика пробежали волны любви и свершившегося чуда. Он посмотрел на Ипа.

Глаза старого путешественника расширились при виде родного Корабля, Властелина Млечного Пути. Из изящного корпуса светили огни, и в их отблеске Эллиот ощущал разум космоса в его самой совершенной форме.

Ип посмотрел на друга, который помог ему сквозь невысмысленные дали связаться со своими.

— Спасибо, Эллиот...— голос инопланетянина окреп, в гармонии с Кораблем стал звучнее.— Я обещаю,— обратился он к светящемуся люку,— никогда больше не подглядывать в окна.

Но тут Ип почувствовал присутствие на поляне посторонней волны и увидел Мэри. Молча, он долго не сводил с нее глаз. Герти подбежала к нему.

— Вот твой цветок, Ип,— сказала девочка, протягивая герань. Он поднял ее на руки.

— Будь хорошей.

На краю освещенной поляны мелькнула тень и послышался лязг ключей. Ип опустил Герти на траву, обернулся к Эллиоту и взял его за руку.

— Пойдем со мной.

— Нет, я остаюсь,— ответил Эллиот.

Старый путешественник обнял мальчика. Чувство космического одиночества овладело им сильнее, чем когда-либо. Он дотронулся до лба Эллиота и кончиками пальцев запечатлел на нем формулу, которая должна была освободить мальчика от гипноза звезд.

— Я буду здесь,— сказал он, касаясь груди Эллиота.

Старый ботаник заковылял по трапу. Свет Великой Драгоценности, падавший из люка, освещал его, и он ощутил, как усиленные в миллионы раз эманации Высшего Разума зажглись в нем, а сердце-фонарик, как и сердце Эллиота, забыв о чувстве одиночества, наполнилось любовью.

Бережно прижимая к груди герань, он вступил в нежный свет Корабля.

Эта повесть написана
американским писателем
Уильямом Котцинклом
на основе фильма
"Ити" (Е.Т. — экстратерристриал —
неземной, пришелец),
поставленного режиссером
Стивеном Спилбергом
по сценарию
Мелиссы Мэйтсон
